

«Если чудо вообще возможно за границей...»

ЭПОХА 1950-х гг.
В ПЕРЕПИСКЕ РУССКИХ
ЛИТЕРАТОРОВ-ЭМИГРАНТОВ

Annotation

Переписка с Одоевцевой возникла у В.Ф. Маркова как своеобразное приложение к переписке с Г.В. Ивановым, которую он завязал в октябре 1955 г. С февраля 1956 г. Маркову начинает писать и Одоевцева, причем переписка с разной степенью интенсивности ведется на протяжении двадцати лет, особенно активно в 1956–1961 гг.

В письмах обсуждается вся послевоенная литературная жизнь, причем зачастую из первых рук. Конечно, наибольший интерес представляют особенности последних лет жизни Г.В. Иванова. В этом отношении данная публикация — одна из самых крупных и подробных.

Из книги: «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. — М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»: Русский путь, 2008. С. 695–794.

- [«...Я не имею отношения к Серебряному веку...»: Письма И.В. Одоевцевой В.Ф. Маркову \(1956–1975\)](#)
 - [О. А. Коростелев Вступительная статья](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

- [58](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)

- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)

- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)

- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)

- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)

- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)

- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)

- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)

- [311](#)
 - [312](#)
 - [313](#)
 - [314](#)
 - [315](#)
 - [316](#)
 - [317](#)
 - [318](#)
 - [319](#)
 - [320](#)
 - [321](#)
 - [322](#)
 - [323](#)
 - [324](#)
 - [325](#)
 - [326](#)
 - [327](#)
 - [328](#)
 - [329](#)
 - [330](#)
 - [331](#)
 - [332](#)
 - [333](#)
 - [334](#)
 - [335](#)
 - [336](#)
 - [337](#)
 - [338](#)
 - [339](#)
 - [340](#)
 - [341](#)
-

«...Я не имею отношения к Серебряному веку...»: Письма И.В. Одоевцевой В.Ф. Маркову (1956–1975)

О. А. Коростелев Вступительная статья

Ирину Владимировну Одоевцеву принято считать восторженной, взбалмошной и недалекой женой талантливого поэта, оставившей наполовину вымышленные мемуары, полные глупостей. Из всех этих определений по-настоящему верно лишь первое. Восторженное отношение к миру Ирину Владимировну и впрямь не оставляло до конца жизни. Все остальное при ближайшем рассмотрении хочется, скорее, опровергнуть.

Она была не только литераторской женой, но и сама до конца жизни оставалась человеком литературным, поэтом не из последних и незаурядной личностью. Положим, Г. Иванов в письмах последних лет несколько перегибал палку, объявляя поэтическое творчество Одоевцевой чуть ли не гениальным. Но эти перегибы имеют свое объяснение. Стихи Одоевцевой терялись в тени стихов ее мужа — крупнейшего поэта середины XX в. — и на этом фоне, разумеется, проигрывали. Однако вовсе сбрасывать их со счетов и тем более не замечать (а именно так по большей части к ним все и относились) было явно несправедливо — стихи ее в послевоенном зарубежье были не просто «на уровне», они ничуть не уступали большинству тогдашних звезд, оставаясь при этом своеобразными, ни на какие другие не похожими (меньше всего они были подражанием стихам мужа; Одоевцева совершенно права, утверждая, что к стихам Иванова они по большому счету не имеют отношения, несмотря на нередкие заимствования отдельных строчек). Вот эту несправедливость Иванов и хотел исправить, приложив весь свой темперамент, что порой было забавно, а нередко выглядело преувеличением.

Выдумки Одоевцевой было не занимать, однако почти все эпизоды ее мемуаров подтверждаются документально (другое дело, что она могла расцветить и приукрасить реальное событие). Но по сравнению, допустим, с «Курсивом» Н.Н. Берберовой мемуары Одоевцевой представляются гораздо более убедительными. (То, что обе написали по-своему блистательные художественные произведения вместо мемуаров, сейчас оставляем в стороне, оценивая их исключительно как источники.) Дело даже не в том, что Берберова врала сознательно, сводя счеты и снижая образ, а Одоевцева привирала восторженно, от полноты чувств, возвышая и восхваляя своих персонажей. Берберова нередко выдумывала или намеренно искажала сами факты (многие вновь публикуемые документы часто входят в противоречие с ее мемуарами именно с этой стороны), а

Одоевцева, несмотря на всю свою легкость и воздушность, стремилась писать правду, пусть порой приукрашенную (чаще всего ее мемуары расходятся с документами именно в оценках). Фактические неточности и ошибки памяти у Одоевцевой, конечно, встречаются, и в изрядном количестве, а вот намеренного искажения, как у Берберовой, все-таки нет.

Что же касается недалекости... В письмах нередко восклицания: «Один вздор я горожу! стыдно» или «Какую я чепуху посылаю Вам». Ирина Владимировна, как всегда, кокетничала. Вздора и чепухи в ее письмах ничуть не больше, чем у любого литератора, скорее наоборот, а по живости и обилию любопытных деталей ее письма намного превосходят, например, письма Бунина, почти всегда сугубо деловые и крайне скучные.

Переписка с Одоевцевой возникла у В.Ф. Маркова как своеобразное приложение к переписке с Г.В. Ивановым, которую он завязал в октябре 1955 г. С февраля 1956 г. Маркову начинает писать и Одоевцева, причем переписка с разной степенью интенсивности ведется на протяжении двадцати лет, особенно активно в 1956–1961 гг.^[1] Одоевцева охотно покровительствовала Маркову и Моршену, видя в них наиболее близких по духу людей из младшего, не слишком-то в целом литературного поколения, и немножко играя в Г.Р. Державина. Щедро расточаемые ею неумеренные похвалы «Гурилевским романсам» Маркова проходят рефреном на протяжении нескольких лет и выглядят столь же неубедительными, сколь похвалы Иванова по адресу самой Одоевцевой. В отношении Маркова к Одоевцевой заметна некоторая растерянность. Видимо, безапелляционность Георгия Иванова подействовала на него, и он не знал, как относиться к Одоевцевой: то ли как к жене поэта, то ли как к маститому литератору. С годами постоянная экзальтация Одоевцевой начинает его раздражать, паузы между письмами становятся все дольше, и постепенно переписка сама собой сходит на нет.

В письмах обсуждается вся послевоенная литературная жизнь, причем зачастую из первых рук. Конечно, наибольший интерес представляют особенности последних лет жизни Г.В. Иванова. В этом отношении данная публикация — одна из самых крупных и подробных после публикаций писем Иванова к Маркову и Гулю, а также писем Адамовича к Иванову и Одоевцевой.

Кому-то может показаться, что последний абзац немного противоречит всем остальным, поскольку в нем все опять сводится к жене поэта, а не самостоятельному литератору. Пусть даже и так... В конце концов, Георгий Иванов знал, на ком женился.

Письма сохранились в личном архиве В.Ф. Маркова и ныне переданы

в Пушкинский Дом, за исключением одного, которое находится в собрании В.А. Петрицкого (СПб.).

Одно письмо ранее публиковалось в книге писем Георгия Иванова Маркову^[2], другое — в приложении к письмам Адамовича Одоевцевой и Г.В. Иванову^[3], третье — в каталоге собрания В.А. Петрицкого^[4]. Но, тем не менее, все они воспроизводятся здесь, во-первых, для полноты комплекта, а во-вторых, поскольку изданная в Германии книга практически недоступна здешнему читателю.

Особенности авторского написания и словоупотребления по возможности сохранены (в частности, упорное Федрович вместо Федорович в отчестве Маркова), однако решено было без оговорок исправить — впрямь многочисленные — опiski и ошибки (Одоевцева недаром жаловалась на собственную неграмотность, в которой ее превосходил только Гумилев: «Он был еще безграмотнее, чем я»), хотя по сравнению с мужем количество недописанных слов у нее минимально, выделить все пропущенные буквы или знаки значило бы испещрить текст бесчисленными угловыми скобками, превратив его в практически нечитаемый.

1 февраля 1956 г.

Beau Sejour Hyeres (Var)

Дорогой Владимир Федрович,

Мне уже очень давно хочется написать Вам — с лета появления в «Н^{<овом>} ж^{<урнале>}» «Гурилевских романсов»^[5]. Но добрыми желаниями ад вымощен, как Вам, автору «Лады»^[6], должно быть известно.

Я ограничилась тем, что в прошлом году передала Вам через Терапиано привет, утаенный им, по всей вероятности^[7], — и еще упоминанием о Вас в «Русск^{<ой>} мысли»^[8], которое, к моему запоздалому удовольствию, сумело до Вас добраться.

Но то, что я (т. е. мои стихи) стала (стали) яблоком раздора между Вами и Г^{<еоргием>} В^{<ладимировичем>}, и столь счастливо наладившаяся переписка могла из-за этого оборваться^[9], меня не только огорчило, но и поразило.

Конечно, совсем не требуется, чтобы Вы восхищались моими стихами.

Но — посудите сами — Вы написали, что в эмигрантской поэзии имеется один Одарченко^[10] — чем, решительным росчерком пера, вычеркнули меня из нее, вспомнив все же, что еще обиднее, о моем существовании в качестве жены и как таковой удостоив меня поклоном.

Теперь, после получения письма с фотографиями, об этом можно было бы и не вспоминать, но я люблю ясность в отношениях и чувствах. Кстати, если Вам нравится моя «Офелия»^[11], в ней несноснейшая опечатка — вместо «В русалочьей постели» напечатано «В русалочной», чем испорчен для меня весь конец. Одно утешение, что почти никто ничего в стихах не понимает и никто этого не заметил.

Ну, вот. Довольно обо мне. Теперь о Вас. Спасибо за фотографии. Очень хорошо представлять себе того, кому пишешь. Не понравилось мне только ироническое «от полу-поэта» — колющее сразу и Вас, и «поэта Одоевцеву». Зато за собаку Фигу большое спасибо. Мы оба страстные обожатели собак и перезнакомились со всеми здешними собаками — собственных нет, к сожалению. Опишите, пожалуйста, всю Вашу собачью семью, сколько их, как зовут и каких пород и все их индивидуальные особенности^[12].

То, что мне очень понравились «Гурилевские романсы», Вы уже давно

знаете. Но в противоположность Г<еоргию> В<ладимировичу>, мне очень нравится Ваша «Аркадия»^[13] — не только «как», но и «что». Не только ее стиль, но и содержание — студенты, которые мне совсем понятны и не кажутся мне снобами — снобов и я терпеть не могу. Они именно такие, как мне хотелось бы. И Петербург, и любовь к нему Вы прекрасно передаете — сквозь это ясно просвечиваете и Вы сами. Я вижу Ваш двойник, идущий по Московской, по Кабинетской улице, по Разъезжей к Пяти углам, по Владимирскому проспекту. Там и я когда-то часто ходила. Напишите, где Вы жили и где была школа^[14]. Думаю, что смогу вспомнить даже дома, ведь они, наверное, прежние. Я жила на Бассейной, 60, на Преображенской, 5 — совсем близко — жил Гумилев^[15], на той же Бассейной находился Дом литераторов^[16], где мы ежедневно бывали; на Знаменской «Живое слово»^[17], где я училась. Ваши студенты мало чем отличались от нас — только мне с самого начала посчастливилось попасть в среду «настоящих» писателей и поэтов — Гумилев, Лозинский, Чуковский, Шилейко, Замятин были моими учителями в Литературной студии^[18], на Литейном, в доме Мурузи.

Но я отвлеклась. Продолжаю о Вас. Статья В<аша> о футуризме^[19] — я с ней и ее выводами согласна. Интересная и нужная статья. Совершенно верно — в России победил акмеизм — хотя лучше бы, по-моему, без его победы.

К Вашей «Ладе» отношусь холоднее. Дело тут, мне кажется, в неудачном размере. Трехстопный ямб слишком барабанно однообразен и — *a la longue*^[20] — утомителен. Очарователен конец — весь вздох «Лады» — и «страна моя Трансваль» отлично. Все до самой последней точки. Еще хороши две строфы — «Мы тут поем...» до «Быть может вспыхнет свет». Но все слишком — по-моему, конечно — длинно и слегка риторично. Хотелось бы мне тоже узнать, Мир выхолощенных душ — опечатка или нет? Я большой любитель перебоя ритма и кубарем крутящихся рифм, но тут выхолощенных вместо холощенных как-то неоправданно останавливает внимание. И некоторые пятые строчки тоже.

Вы пишете, что Париж не любит нового. Любит, и еще как. Говорю за себя. Но в В<ашей> «Ладе» я, нарочно прочитав ее во второй раз, никак не смогла найти ничего нового, хотя она меня местами и трогает:

И стих вдруг
написать бы,
Чтоб легче людям жить.

Поверила, что В<ам> это удастся. Не тот результат, на который Вы рассчитывали, а все же... я говорила Вам.

Но вот что в Париже пишут короткие стихи оттого, что *mon verse est petit*...^[21] Ведь это не о величине стихотворений, а дарования. И не совсем верно, что в Париже пишутся только короткие стихи.

Читали в «Н<овом> ж<урнале>» «Глюка»^[22] Корвина-Пиотровского? Другое дело, что лучше бы этого «Глюка» вовсе не было — но в длине ему не откажешь. И я тоже, к примеру, пишу стихи в 50 стр<ок>, хотя Гумилев учил, что больше 7 строф лирические стихи не выдерживают — превращаются в скуку^[23].

Видите, как я разговорила. Это оттого, что я часто думала о Вас и Вы уже с самых «Гурилевских романсов» участвуете в моих мыслях. А со времени В<ашего> первого письма вошли в наши разговоры с Г<еоргием> В<ладимировичем> и стали одной из наших повседневных тем.

Но пора кончать. Хочу только выяснить одно из моих «недоуменных недоумений» насчет Blake'а. Почему Вы называете его Блейком?^[24]

Верю, конечно, что Вы превосходно владеете англ<ийским> языком. Но я и сама с трехлетнего возраста знаю его и даже Богу молилась по-английски. Одна из моих англичанок, «большая педагогичка», заметив мою склонность к поэзии, основательно познакомила меня с английскими поэтами, чересчур даже основательно — в 12 лет я читала Шекспира в подлиннике, что едва не помешало мне оценить его потом. Тогда же между всякими другими поэтами я познакомилась и с William'ом Blake'ом. Сейчас еще помню его:

Tiger, tiger burning bright
In the forests of the night...^[25]

которое я пела своей собаке, укладывая ее спать. (Собака была тигровым догом и так, без лишней фантазии, и называлась — Тигр — Tiger, не то что Ваш Фига.) Помню еще впервые пробудившее во мне чувство времени, вечности и бесконечности:

To see a world in a grain of sand
And a Heaven in a wild flower
Hold infinity in the palm of your hand
And Eternity in one hour^[26].

Может быть, я и напутала «за гранью прежних лет». Но все же Вам должно стать ясно, что этот Blake для меня не незнакомец и что я тысячи раз произносила его имя — и всегда Блэк. Да и как могло быть иначе? Помню его книгу с его рисунками — не оригинал, не им самим с помощью жены переплетенную с его собственноручно гравированными рисунками — но все же старую, заслуженную. На ней тоже стояло William Blake. А так как а читается э и ни в коем случае не ей, то не понимаю, откуда мог взяться этот Блейк? В России, правда, говорили и Эдгар Поэ и даже было собрание сочинений Оскара Вильде^[27] — но это от незнания англ<ийского> языка. Сознаюсь, я невежественна, как карп, но всегда с радостью пополняю свои знания. Объясните, пожалуйста, отчего Блейк? Спорить не люблю, люблю соглашаться, надеюсь, что Вы меня убедите.

Повторяю, я невежественна (даже, как видите, безграмотно пишу), хотя все же «top ignorance a quelques lacunes»^[28]. Знаю я хорошо и Рильке — читала в подлиннике. Люблю его стихи, прославленная его проза, по моему, скучна. Кстати, известно ли Вам, что у него есть русские стихи — я читала только одно, где ночь и лошадь^[29], — тоже любитель животных. Самое замечательное в Рильке его смерть, как по особому заказу для такого эстета. Впрочем, смерть самого Гумилева не уступает ей — геройская, для посмертной славы.

Но Лермонтова Вам бы не следовало обижать. Мне жаль, что Вы «можете без него жить», и не представляю себе, как Вам, автору «Гур<илевских> романсов», это удастся.

Еще одно — Вы Г<еоргия> В<ладимировича> и меня считаете, по—видимому, какими-то мафусаильными зубрами, погруженными в «прекрасное прошлое», не способными разобраться в сегодняшнем дне. Одним словом — «все в прошлом». Меня Вы даже заподозрили в том, что поклон от человека, «не имевшего чести быть мне представленным» (ведь так?), может меня оскорбить. Это меня и развеселило, и очаровало. Почувствовала себя прапрабабушкой в шелковом кресле.

Но вот я как раз никогда не придавала ровно никакого значения

возрасту — мне всегда казалось не важным, сколько лет собеседнику. Родятся или старыми, или молодыми, и часто 30-летний старше и менее современен, чем 70-летний. Деление на наше и Ваше время тоже не понимаю. «Наше время» для меня то, в котором я сейчас живу, и делю я его и с Вами. Прошое, даже мое собственное, уже умерло. Не верю, что «прошлое пожирает настоящее»^[30]. Для меня этим скорее занимается будущее.

Ну, до свидания. Конечно, не жду от Вас такого многоверстного письма, но ответ все же необходим. Да и я никогда уже не буду писать так длинно — совсем не свойственно мне. Только для первого раза.

Протягиваю Вам дружески руку через океан — как у Меримэ или у Гофмана — выбирайте любого — дьявол через реку с огнем.

Но моя рука хочет только пожать Вашу и погладить нежно всех Ваших собак.

Искренно Ваша

Ирина Одоевцева

<На полях:> Будьте милым, Владимир Федрович, пришлите нам Ваши стихи, ведь наверно имеются у Вас, хотя и не для печати. Пожалуйста. И «Гурил<евские> романсы».

Отчество «поэта Одоевцевой» — Владимировна.

Пятно сделано Г<еоргием> В<ладимировичем>, решившим прибавить свое письмо к моему^[31].

<начало марта 1956 г.>^[32]

Дорогой Владимир Федрович,

Только приписка к письму Г<еorgia> В<ладимировича> и благодарность за собачьи портреты. Завидую Вам — до чего они все очаровательны. Когда-то и у меня была целая собачья семья. А теперь, как

У Петра Великого
Нет на свете никого,
Только лошадь и змея,
Вот и вся его семья^[33].

Но у меня — увы! увы! даже и змеи собственной нет, не говоря уж о лошади.

Но вот чего я не знала. Вы пишете «моя теща» и «мы» — значит, у Вас есть жена?^[34] Пожалуйста, передайте ей от меня сердечный привет и — если она разрешит — напишите мне о ней.

Теперь, чтобы раз навсегда покончить с Влак'ом. Правы Вы, а не я. Сознаюсь, что почему-то казалось, что Вы пишете не Блейк, а Бляйк. Вернее, я почему-то Ваш Блейк воспринимала, как Blike, и только рассуждение

о длинном а и дифтонгах — с ними я ведь тоже в свое время слегка познакомилась, хотя по-английски, как и по-русски, по-французски и по-немецки говорю по слуху — выяснило мне мою ошибку, вернее, что я почему-то считала, что Вы говорите Бляйк. Все-таки считаю правильное классическое начертание Блэк, как и Шекспир — привычнее. К чему тут «революционность» и «смущение умов»?

За стихи Ваши пребольшое спасибо. «Гурилевские романсы» меня так же восхитили, как и в первый раз. Единственные две строки, которые я бы переделала:

...в берете синем

С красной розою в петлице.

«Синяя роза» чересчур искусственна и выпадает из прелестной ткани поэмы. Но это пустяк. А кроме того — одни комплименты и поздравления.

«Стихи»^[35] с поэмой, конечно, ни в какое сравнение не идут. Но и в них мне многое понравилось — по содержанию. Жаль, что они «мало звучат» и ритмически слегка скучноваты, хотя и тут есть находки. Но вот что в моем стихотворении Вы нашли цветаевские интонации — это, простите, удивительно.

Глазы — Северянина. «О, поверни на речку глаза, я не хочу сказать глаза»^[36].

До свидания. Пишите скорей и больше.

18 марта 1956 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Большое спасибо за секретное сообщение о Вашей жене. Сочувствую ей всем сердцем и очень надеюсь, что она достигнет успеха в Голливуде. Может быть, и мне удастся увидеть ее на экране. Ведь в жизни все и страшно трудно, и изумительно легко, вернее, то, что было вчера, становится сегодня легче легкого — и наоборот, к сожалению. Но я верю, что пожелание удачи очень помогает.

Вот что она не любит Ваших стихов — жаль. Но, конечно, она права — выгоднее во всех отношениях писать не по-русски. Я этому следовала всего один раз: когда написала «Laisse toute Esperance» вышедшую потом у Чехова — «Оставь надежду»^[37]. Читали Вы? И если да, то что думаете о нем?

Писала прежде по-русски оттого что

В дар дал нам Бог родной язык —

Моя очередь спросить — чье это?

Я знаю Радлову^[38] и ее мужа^[39], хотя не видела их с Петербурга и вряд ли даже узнала бы их. Какие они теперь?^[40] И все ли она восхищается собственной красотой? Кстати, знаете ли Вы, что это ему Ахматова посвятила, или, вернее, это о нем — «я не знала, как хрупко горло под синим воротником»?^[41] Впрочем, шея у него была скорее бычья, за что Ахматова и влюбилась в него — без взаимности. В нее же в это время был влюблен брат Радлова, Николай Эрнестович^[42]. По-настоящему очаровательный и с хрупкой шеей. Ну, вот я и посплетничала.

А теперь у меня к Вам и просьба, и секрет. Если Вам действительно не трудно, пришлите Г<еоргию> В<ладимировичу> еще Ледерплакс^[43]. Здесь не достать, а ему необходимо. Он запретил мне писать Вам об этом. Не выдавайте меня — будто от себя. «Мы, советские, злые и материалистичные». Пардон, не верю! В особенности после письменного знакомства с Вами.

Кончаю, не оттого, что мне хочется, а оттого, что надо отправлять письмо, вместе с письмом Г<еorgia> В<ладимировича> — он торопится на почту и не согласен ждать.

Сердечный привет Вашей собачьей семье. Пишите мне в следующий раз побольше — покажите «ширину русской души», а то если так продолжать, дойдем до поклонов через Г<еorgia> В<ладимировича>, что меня совсем огорчит.

И.О.

27 октября <1956 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Ваше письмо пришло как раз, когда я сама собиралась писать Вам по поручению Г<еоргия> В<ладимировича>. Он, не получая от Вас ответа, заскучал. Теперь выяснилось, что Вы его письма не получили, непонятно почему.

Как Вы знаете, он болен и пишет редко и с трудом. Так что жаль, что письмо пропало.

Восстанавливаю его в главном — благодарность за полученные деньги Вам и всем участникам. Благодарность за Lederplex, тоже дошедший. И дальше «о вечности, о подвиге, о славе»^[44] и прочих пустяках. Впрочем, у Блока, кажется, «о доблести», но вечность служит фоном грустному существованию Г<еоргия> В<ладимировича>.

Стихи Моршенина^[45], к сожалению, не понравились ни Г<еоргию> В<ладимировичу>, ни мне. Одних высоких чувств мало, а как стихи они совсем слабы. Прежде были гораздо лучше — и старые совсем, про тюленя^[46], и потом в «Нов<ом> журнале» — «пойдем, пойдем, ангел милый», и еще много других^[47]. Ужасная штука эта «геданкенлирик»^[48], до чего губительная.

Теперь совсем о другом — Вы так и не написали, получила ли Ваша жена роль в «Zauberberg'e»^[49] и как ее дела в Холливуде. Меня это очень интересует.

А Г<еоргий> В<ладимирович> просит писать ему почаще, он чрезвычайно Вас полюбил, и письма Ваши для него радость. Ценит он очень мало кого, а Вас очень. Живется ему сейчас скучно. Пишите и присылайте новые стихи. Пишите побольше о себе.

Могу себе представить, как невесело зубрить польский язык! Разве нельзя было без этого? И долго это будет продолжаться?

Витамины Г<еоргий> В<ладимирович> все съел — Вы правильно рассчитали. Если совсем не трудно, пришлите. Но если трудно — не надо. Но пишите непременно.

Г<еоргий> В<ладимирович> шлет низкий поклон, а я сердечный привет.

<На полях:> Как-нибудь соберусь и напишу Вам о В<ашем>

«Моцарте»^{[\[50\]](#)}. Очень мне понравился — как и почему и за и против.

30 ноября <1956 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Шлем Вам запоздалую, но горячую благодарность за Lederplex. Дошел благополучно и без пошлыны.

Я не ответила Вам сразу оттого, что Г<еоргий> В<ладимирович> хотел написать сам. Он принимался раза три за письмо, но оно все еще не кончено, и я, наконец, решила проявить несвойственную мне самостоятельность и послать мое письмо отдельно.

Мне хочется сказать Вам очень много приятного — mille choses^[51]. Вы мне, действительно, кажется ужасно, до странности, милым. И до чего непохожим на человека «оттуда»^[52]. Впрочем, я, может быть, сужу о людях «оттуда» как девочка в анекдоте: «Я видела льва, но он не похож». И Вы лев, как все остальные львы, только с индивидуальными особенностями. И все же кормление мышей, хозяйничающих в рояле, меня поразило и даже растрогало. Мы, эмигранты, много черствее и грубее. Мышей ловим ломающими им шею мышеловками, предательски соблазняя, а не кормя их, кусочком колбасы или сыра.

У нас здесь немало сентиментальных женщин, собирающих остатки еды для бродячих кошек. И даже это кормление кошек возмущает бессердечных русских: «Перестрелять бы проклятых котов!»

Удивило меня тоже, но уже иначе, то что у Вас из-за собак не желают жить кошки. Мне казалось, что это только у нас в России кошки враждуют с собаками, а в культурных странах прекрасно уживаются и даже дружат. Здесь, во Франции по крайней мере, поговорка «comme chien et chat»^[53] может служить примером, что поговорки врут.

Раз я так расписалась о зверях, хочется мне узнать еще, как Вы назовете рождественского медведя. И какой он величины.

Надеюсь, что Ваша жена скоро получит роль. Но я не поняла, идет ли речь о «Zauberberg'e» или другом фильме. Желаю ей удачи.

Мы сейчас страшно мерзнем нанашем «благословенном юге». Зима необычайно холодная, а мазута для топлива нет. Г<еоргий> В<ладимирович>, к довершению всех своих хворей, еще и простудился и отчаянно кашляет. Но все же скоро напишет Вам — обещает.

Появятся ли отрывки из Вашей юношеской поэмы в «Опытах»?^[54]

Мы, уже много недель назад, очень рекомендовали ее Иваску^[55]. Но это такой критик, что с ним трудно иметь дело. Притом он Вас, наверное, побаивается после Вашего выступления в «Опытах»^[56].

Как идет Ваше учение? Никак только не могу понять, на что Вам в Америке польский язык^[57]. Разве Вы собираетесь его преподавать? И где и кому? Учиться польскому языку, должно быть, нелегко и довольно скучно — ничего нового он Вам не дает.

Писал ли Вам Струве по поводу ругани с Гулем?^[58] И как Вы находите стиль Струве, книгу его Вы, я знаю, цените^[59]. Но стиль?

Ну, вот и все на сегодня. Пожалуйста, продолжайте, или — вернее — начните снова писать стихи. Очень, очень и очень жаль, если Вы будете и дальше упорствовать в «неписании» и считать себя не-поэтом. Ведь вся наша с Г<еоргием> В<ладимировичем> дружба к Вам пошла с «Гурилевских романсов». С поэтом. А с не-поэтом, зная Вас за поэта, как нам быть? Пожалейте нас — и раз Вы сейчас в польской стихии — «Восстань и вспомни, Сам ты Бог!»^[60]

С самым сердечным приветом

<На полях:> Г<еоргий> В<ладимирович> Вам сердечно кланяется. И по поклону от меня всем членам Вашего семейства. Особенно глубокий В<ашей> жене.

<14 января 1957 г.>^[61]

С Новым годом!

Дорогой Владимир Федрович,

Желаем Вам и всему Вашему семейству всяческого благополучия и удачи во всем в 1957 году.

Я не смогла Вам ответить сразу, так как ужасно простудилась в нашем нетопленном доме и пролежала две недели. Думали, что начинается воспаление легких, но впрыскивания инсулина прекратили его. И вот в первый день нового года — по старому стилю — я настолько поправилась, что могу поздравить Вас.

Но Вы, должно быть, не празднуете старо-стильного Нового года. Это только мы, зубры-эмигранты. Впрочем, я так люблю праздники, что готова праздновать любые и всегда справляю именины на Антона и на Ануфрия^[62], не только свои, но и всех близких.

Вы ошибаетесь, Г<еоргий> В<ладимирович> не не хочет, а не может Вам написать. Он очень даже хотел бы — Вам, как никому другому, т. к. он полн к Вам не только дружбы, но и нежности, совсем не свойственной ему. Но у него от малейшего усилия, просто от того, что он садится за стол и берет перо в руку, начинает болеть голова.

За короткое письмо он платит бессонной ночью, а это, конечно, несоразмерная плата. Все же он почти каждый день говорит — сегодня непременно напишу Маркову. Ваши письма он читает по несколько раз. Так что продолжайте, пожалуйста, писать ему. И мне тоже, пожалуйста.

Насчет мышей. Убивать живое существо, какое бы оно ни было, конечно, тяжело. Я люблю «жизнь, которая хочет жить». Но чтобы человека было легче убить, чем животное — пардон, не верю. И много ли, позвольте узнать, Вы этих самых человекoв ликвидировали?

Про себя могу сказать: «Благодарю тебя, Господи, что я никого не убила и никого не родила»^[63]. Это я считаю единственным подарком моей судьбы. Ни в увеличении, ни в сокращении человеческого рода участия не принимала.

А в том, что мы с Вами были бы совсем такими же, как сейчас, несмотря на какие угодно жизненные условия, я с Вами совершенно согласна. Несмотря на Бэконо-Марксово «Бытие оправдывает сознание»^[64] — далеко не для всех оно. И не для нас.

О Ваших стихах больше спорить не будем. Я искренно хотела Вас заставить заняться ими снова. Конечно, не из одного только эгоизма читательского, а и из любви к поэзии. Но ничего. Если Вам суждено писать, Вы не сможете не писать, как бы ни уговаривали себя. Придет Ваше время. Пока же ходите под паром. Поэтому Вы быть не перестанете. Никогда.

А насчет того, что вас печатно никто не защитил^[65] — никто никого вообще не защищает. Не в писательских это нравах. Вот лягнуть по дороге — другое дело.

Еще — о Вашем желании прислать нам теплые вещи. Ну до чего Вы милый и — не обижайтесь — добрый. До чего, до чего! Я очень, очень Вам благодарна, но, право, не надо. И так уж мы пользуемся Вашим Lederplex'ом. Он Вам, знаю, дается нелегко. Но он чрезвычайно нужен Г<еоргию> В<ладимировичу>, т<ак> ч<то> от него и впредь не отказываюсь. А без теплых вещей обойдемся — решительно.

Еще раз желаю Вам всего-всего хорошего и приятной зубристики. Я бы сама с удовольствием засела за школьную парту — люблю учиться. Так пишите Г<еоргию> В<ладимировичу>, пожалуйста.

Ваша И. Одоевцева

Все тот же Beau Sejour Hyeres (Var) 21 марта <1957 г.>

Милый Владимир Федрович,

Большое спасибо за Lederplex и за интернациональный чек. Но зачем? Зачем? Не надо было чекиться, а то нам неловко, даже очень — разоряем Вас.

Теперь о Вас — поздравление с Вейдле^[66]. Вы писали — и я соглашалась с Вами, что никто ни о ком ничего, кроме обидного. А вот вышло совсем наоборот, и я страшно рада этому. Вейдле не склонен ни к комплиентам, ни к преувеличениям. И что старик Державин Вас отметил, по-настоящему хорошо. Победа, торжество. Признание. Так и отнеситесь к этому, не преуменьшая факта. Важнее ругани Адамовича^[67], гораздо важнее.

Пожалуйста, радуйтесь и длительно вспоминайте почаще слова ученой крысы и выданный ей Вам аттестат на первородство.

Что Вам сказать о нас? Г<еоргий> В<ладимирович> все хворает. Ему было еще хуже, чем обычно, прошлую неделю, но Ваш Lederplex ему очень помогает. Еще раз спасибо.

Он все собирается Вам написать сам, и я, зная, что его письма для Вас несравненно приятнее моих (без всякой обиды, Вы ведь только рикошетом мой друг, я тут, редкий случай, играю роль жены, а не самостоятельную), все поджидала, когда он наконец решится. Но довольно, больше не могу ждать. А то вы действительно подумаете Бог знает что о Г<еоргии> В<ладимировиче>.

Впрочем, нет. Знаю, что не подумаете ничего плохого. И все поймете правильно. Уж Вы такой.

Если бы Вы знали, как мы оба жалею, что не знакомы с Вами иначе как письменно и вряд ли когда-нибудь встретимся. «Проклятая география!» А также мучительная проблема времени и пространства. И все же, разве можно знать, а вдруг все-таки встретимся. Знаю, что я ничего не знаю, и то не уверена. Но при моем оптимистическом мировоззрении даже эта неуверенность во всем играет радужными цветами. Одним словом —

Тот, кто в жизни не уверен,

Есть уже поэт^[68]

как сказал — до чего тонко! — поэт Амари, муж М.С. Цетлиной. Читали ли Вы его переводы Ек. Браунинг?^[69] До нас еще не дошли — но сомневаюсь, что хорошо, несмотря на восторги критики. А он сам был очень мил^[70] — «поколение» Вам не известное.

Мне очень нравится Ваш Фига. Я его даже раз во сне видела. И, представьте, во сне он меня тоже приветствовал пронзительным визгом и прыжками.

Что бы это могло означать? Кстати, интересуетесь ли Вы психоанализом? Я да. И даже на себе испытала однажды его действие. Я вообще очень люблю разговаривать со всякими психиатрами. Очень поучительно для нас, писателей.

Как идет Ваше учение? И как Вы чувствуете себя среди настоящих молодых студентов? Отталкивание или притяжение? Американских студентов (военного времени) я знаю — я сидела с ними на одной скамье в Биаррицком университете^[71] и отлично с ними дружила. Но это были все же не настоящие студенты, игравшие в занятия в чужой стране. У Вас они, должно быть, совсем иные. Думаю все же, что это довольно забавно, хотя и утомительно.

Есть ли у Вас новые стихи? Если да — пришлите. Я уже больше года не сочинила ни одного. Но надеюсь, что это еще не значит «Умерла моя муза».

Зато пишу по-французски роман^[72]. Приятнее, конечно, по-русски! Но что с ним делать? Нет ни одного издателя. Эмиграция умирает. Или уже умерла. Осталось только несколько полу-покойников. До чего жаль Алданова!^[73] При жизни я его недооценивала. А теперь вижу, что была неправа. Не надо судить, нельзя осуждать — за пустяки. Но главное в человеке открывается часто только после смерти. К сожалению. Потому я так рада, что Вас мы оба приняли в сердце без всяких «но» и ничего нам не мешает любить Вас. Всего наилучшего.

Ваша И. Одоевцева

<На полях:> Г<еоргий> В<ладимирович> Вас письменно целует и, может быть — до чего пример заразителен — напишет сам. Но какую я чепуху посылаю Вам. Tant pis^[74] — посылаю, а то не будет письма.

7 июня <1957 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Пишу под впечатлением Вашей статьи о Г<еоргии> В<ладимировиче> [75]. Очень и очень хорошо. Так, по-настоящему, понимающе и серьезно о нем никто не писал. Прекрасная статья.

Два незначительных замечания — на него не влияли ни Бунин, ни Агнивцев, ни Есенин [76] — последний начал значительно позднее Г<еоргия> В<ладимировича> и, вообще, в акмеистическом кругу котировался низко, не выше Бунина. Агнивцев же, несмотря на его блеск и треск, даже поэтом не считался. Но Кузмин — и еще раз Кузмин, конечно. Влияние Кузмина очевидно. Ахматова, пожалуй, как и Гумилев. Но не сильно.

Второе — герой «Распада атома» [77] вряд ли похож на «человека из подполья». Даже совсем напротив. Абсолютно другие характеры и мироощущение. Герой «Распада» расположен быть счастливым и любить просто и счастливо — без истерики и мазохически-садистических вывихов (несмотря на возмутившую всех «мертвую девочку»). «Размолвка», а не рыдания, кончающиеся припадком падучей болезни. Ни само-оскорбления, ни желания оскорбить, запачкать, уничтожить. Герой «Атома» одинок не оттого, что жизнь загнала его в подполье. Он, наверное, живет и не в подполье, а в парижском отеле, мелко-благополучно. Или, вернее, в метафизическом мировом подполье, в полном душевном одиночестве — как почти все мы.

Но вижу, что в двух словах объяснить это трудно. Все же, по-моему, связи между «Атомом» и «человеком из подполья» нет. Они скорее уж антиподы. Но думаю, что можете оставить так. (Только совсем неправильно сравнение с «Гаврилиадой» [78] — легкомысленным, безбожным подражанием «Орлеанской деве» [79]. «Атом» не только серьезен, но и религиозно задуман.) Ведь Вы, наверное, имели основания. Мне только хотелось бы знать — какие. Сейчас они мне совсем не ясны. Поясните.

А в остальном не нахожу нужным ничего исправить. Повторяю — прекрасная статья. Я рада — и для Г<еоргия> В<ладимировича>, и для Вас, что вы ее написали.

Теперь о нашей группе. Нет, Гумилев совсем не походил на медиума.

Он был очень живой и, пользуясь В<ашим> словарем, «конкретный». На редкость некрасивый, косой — «разноглазый», как он говорил, — и на редкость обаятельный. С удивительным, не похожим на человеческий, голосом, глухим и все же звучным, уходящим куда-то в нёбо (или в небо?). Раз увидев Гумилева, его уже нельзя было забыть. Но медиумического в нем не было ничего. Он был настолько живой и жизненный, что когда он говорил: «Когда я умру», я всегда перебивала его: «Но вы никогда не умрете». Что, конечно, не служит доказательством моего тогдашнего ума. Впрочем, у меня и сейчас еще много всяческих таких заскоков — значит, я и с годами вряд ли поумнела...

Теперь обо мне — на фотографии. Ну, откуда «уже тогда фатальные черты»? Никакой фатальности во мне, слава Богу, и помину не было и нет. «Рыжая в зеленом платье». Одним словом — вроде первой любви Гейне, рыжей, зеленоглазой дочери палача. Должна Вас разочаровать — у меня волосы светлые — рыжеватые —

Как кольца огневещей змеи,
И твои зеленоватые глаза,
Как персидская больная бирюза^[80].

Все это литература. Фатальных зеленых платьев я на себе что-то тоже не припомню.

Насчет «кошачести» тоже вряд ли правильно. Правда, Гумилев находил во мне сходство с рысью и даже написал мне в альбом — вот каким вздором занимался «Великий Поэт»! — не странно ли, не смешно ли:

Природе девушки подобны,
Ветрам и птицам, злись, не злись.
Но я, заслыша шаг твой дробный,
Чутьем улавливаю рысь.
Порою ты — по-детски кротко —
Не на меня глядя, а в круг —
Напоминаешь зимородка,
Готового лететь на юг.

И ты не веришь, дорогая,
Что на снегу и при луне
Похожа ты на горностаю —
И тем еще милее мне^[81].

Как видите, это зоологическая мадригальная тоже литература. Я тут ни при чем. И, как видите, «продукция невысокая». Но если хотите, можете сообщить эту «штучку» Струве, любителю Гумилева. У меня, кстати, их еще не мало, таких рифмованных приятностей Гумилева. Вот, например, — для того же Струве — надпись на книге Ане Энгельгардт^[82], второй его жены:

Об Анне чудесной, пленительной Анне
Я долгие годы мечтаю без сна,
Прелестных прелестней, желанных желанней
Она^[83].

Кажется, напечатано уже. Но есть и другие, инедитные^[84]. И даже длинные «студийные стихи». Не знаю, как на Ваш вкус, а я не в восторге от таких мадригальностей. Напишите реакцию Струве. Видите, я зла не помню. Какая уж тут «фатальность» — одна доброта и доброжелательство ко всем на свете. Кстати, в нескольких строках обо мне Струве умудрился сделать уйму ошибок, как, впрочем, и в маленьком отрезке литературной петербургской жизни, свидетельницей которой я была. Даже о столь любимом им Гумилеве. Но passons^[85].

Хотелось бы мне еще разочаровать Вас в злости Георгия Иванова. Он совсем, совсем не злой. «Совсем даже напротив». И очень старается помочь. И скольких поэтов открыл и «в люди вывел». Если В<ам> интересно, пришлю список, начиная с Адамовича. Всегда он всем старался открыть двери «в царство печати». По-Вашему, он редко к кому из писателей относился с симпатией. Опять же ошибаетесь. В Петербурге и он всех, и его все любили. Гумилев его звал «общественное мнение» и поздравил меня, когда Г<еоргий> В<ладимирович> впервые отозвался обо

мне лестно. «Эта похвала стоит десяти других». Кстати, Г<еоргий> В<ладимирович> «открыл» и меня — он, а не Гумилев, ученицей которого я тогда была^[86]. Если хотите, обо всем этом, как и об Ахматовой, Блоке и Пастернаке, в следующий раз. Заметьте только, что и Моршена он когда-то поддержал в «Возрождении»^[87], — правда, этот Моршен тогда еще не писал виршей насчет пересадки глаз^[88] и мне его тогдашние стихи тоже нравились. Так вот, не думайте, что Г<еоргий> В<ладимирович> зол. Не злее Вас, а что Вы не злы — сомнения быть не может. Очевидно. Он только чрезвычайно остер на язык. Вы как-то писали ему: «Ваше поколение умеет отлично ругаться». В чем Вы опять-таки ошибаетесь. Наше поколение ругалось так же неуклюже, как и Ваше. В «Весах»^[89] — грубо. Умели действительно виртуозно и «тонкой шпаги острием» только трое: Чуковский, Борис Садовской и Георгий Иванов. Г<еоргий> В<ладимирович>, пожалуй, еще лучше других^[90]. А остальные, даже Ходасевич, делали это неважно. Адамович^[91] или Цветаева^[92] совсем плохо.

Ну вот, написала В<ам> предлинное письмо. Очень уж мне понравилась В<аша> статья. Но, пожалуйста, не вздумайте обижаться на проект ответа Г<еоргия> Владимировича. Он Вас очень любит и ценит. Ему было по— настоящему — до головной боли — неприятно. Вы, действительно, хватили чуточку через край. «Ваше поколение», по-видимому, не совсем разбирается в «нюансах». А наше, напротив, очень старомодно-вежливо. Вот и получился недолет-перелет-переплет. Вы ведь не хотели причинить боли Г<еоргию> В<ладимировичу>. И он от Вас ничего злого не ждал — а вышло...

Я пишу Вам об этом по секрету. Это между нами. И без друга Моршена. Общий сердечный привет В<ам> и Фиге.

И.О.

<На полях:> Пишу, лежа в саду, оттого так каракулисто.

Посылаю В<ам> статью З. Гиппиус^[93] — две странички, а то дорого. К таким вещам, как «Гавририада», она относилась, кстати, с омерзением. Г<еоргий> В<ладимирович> совсем расхворался и не может сам написать. Статья его очень тронула.

8 июня <1957 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Еще несколько слов о Вашей статье. Я перечитала ее еще раз и поговорила о ней с Г<еоргием> В<ладимировичем>. «Впечатление отличнейшее». Но мы сошлись, что лучше бы всего выбросить весь абзац начиная с «Все это, однако, не спасает книгу» до «не Учредительное собрание»^[94].

Для Г<еоргия> В<ладимировича> «Атом» и сейчас его любимейшее произведение. Писал он его с каким-то несвойственным ему вдохновенным упоением и прямо бредил им. Он и сейчас считает «Распад атома» ключом ко всем его стихам. А тема... вряд ли та, что В<ам> кажется.

«Написать книгу на эту тему оказалось ему не под силу». Но какую Вы тему подозреваете, не ясно ни мне, ни, конечно, читателю. И еще — «Иванов старается — и даже изо всех сил — эпатировать...» Избави Боже. Редко какая книга вообще писалась серьезнее и честнее, с желанием большей искренности.

Теперь о том, что «второй раз эту книгу читать не будешь». Были люди вроде Мережковского и Гиппиус, да и многие другие, знавшие «Атом» чуть ли не наизусть. Кстати, Мережковский публично на большом лит<ературном> вечере назвал «Атом» гениальным и лучшим, что было написано за четверть века — на всех языках. След этого — что, по словам Мережковского, «Атом» гениален — можно найти в сдержанно-отрицательной статье Ходасевича в газете «Возрождение»^[95]. Кстати, Керенский, трактуя «Атом» тоже как гениальную книгу, хотел читать о ней доклад. Все это для Вашего сведения, но поступайте, конечно, по собственному усмотрению.

Теперь Г<еоргий> В<ладимирович> очень просит всюду называть его Георгием Ивановым, а не Ивановым и, если можно, привести несколько строк из В<ами> цитируемых стихов. Читатели вряд ли помнят стихи. Вы о них слишком высокого мнения.

Еще от меня указание: «Хорошо, что нет Царя»^[96] — один из редких примеров апофатической поэзии. К сожалению, это редко кто замечает, понимая как утверждение — «Хорошо, что никого, хорошо, что ничего». — Какой нигилизм^[97]. Г<еоргий> В<ладимирович> хотел сам В<ам> писать, но не в силах. Он очень и очень благодарит Вас за Вашу статью,

доставившую ему настоящую радость. Если бы Вы знали, до чего он презрительно-равнодушен к восторгам Терапиано^[98], померанцевским или идиотизмам Адамовича. Вам было бы страшно лестно.

Еще раз всего наилучшего. «Контрапункт»^[99] могу послать В<ам> — но вряд ли он В<ам> понравится. Читали ли Вы мои стихи во время болезни?^[100]

<На полях:> Решила послать всю статью З. Гиппиус, махнув рукой на расход. Спасибо за марки.

17 июня <1957 г.>

Дорогой душка и умница Владимир Федрович,
Большое спасибо за Ваше письмо и фотографию.

Я давно не видала такого прекрасного, человеческого лица, как у Вашей жены. Верю — сразу и безошибочно — в ее талант. У нее что-то общее с Элеонорой Дузе^[101], какое-то скорей духовное, чем физическое сходство. Думаю, что и для нее, как и для Дузе, даже в самых трагических ролях, грим не очень необходим — так необычайно одухотворено и выразительно ее лицо.

Отвечаю Вам, как и Вы мне, в тот же день, вернее, «без промедленья, в тот же час»^[102].

Я рада, что Вы не возмутились моими замечаниями. Насчет эклектичности раннего Георгия Иванова Вы совершенно правы^[103].

И даже насчет «Распада» мы не так-то расходимся.

Полфразы, выпущенная Иваском, — и слава Богу — конечно, меняет смысл. Насчет того, что тема «Атома» — «невозможность жить в этом мире», тоже спорить нельзя — или можно «по-серьезному», без обиды.

Статья Гиппиус меня не восхищает. Религиозность тут явно притянута. Я всегда считала, что «Атома» она вовсе не поняла. Но послала я В<ам> ее, чтобы Вы увидели, что на «Атом» не только «плевали с омерзением» — как, впрочем, делало большинство.

О Henry Miller'е^[104] мы узнали только после войны, и поэтому «Распад атома» произвел эффект еще сильнее атомной бомбы среди наших благонамеренных читателей. Подумайте, ведь до сих пор невинных «Темных аллея» не могут простить Бунину.

Теперь, если Вы меня спросите, как я отношусь к «возмутительной» части «Атома» — сознаюсь, что она почти вся меня отталкивает. Но, видя с какой страстью Г<еоргий> В<ладимирович> писал ее, я ни разу даже не сказала ему об этом. Я боялась хоть как-нибудь помешать выразить то, что ему необходимо.

Но тему бы эту я никогда не взяла бы или, взяв ее, пришла бы к совершенно другому выводу.

Но ведь дело не во мне, а в В<ас> и в Г<еоргии> В<ладимировиче>. Хотя что же это я «скромничаю»? И про меня в Вашем письме много приятного — и до чего! Но об этом после. Сначала историко-

библиографическая справка — Вы ведь охотник до них.

«Лес» был написан мне и напечатан в альманахе Цеха «Дракон» с посвящением Ирине Одоевцевой^[105]. Но тут не обошлось без осложнений и неприятностей. Как говорил Федор Сологуб — «Где люди, там скандал». Поэтическую *amitie amoureuse*^[106] ко мне сочли за настоящую любовь, и это взволновало некоторых членов лит<ературного> круга — до сплетен и пародийных стихов. Гумилев *Ga pris de trop haut*^[107], и дело чуть было не дошло до третейского суда. (И даже до дуэли с Голлербахом^[108]. Замешаны были Кузмин, Юркун и другие. Подумать, из-за какой ерунды!) Я же дрожала, как осиновый лист осенью, боясь, что все дойдет до ушей кого-нибудь из моей слишком строгой семьи и мне вообще запретят заниматься «этим вздором», т. е. поэзией. Но все, слава Богу, уладилось. Только жена Гумилева закатила истерику, когда он поехал к ней, требуя, чтобы он снял посвящение. Я, конечно, согласилась. Гумилев предлагал мне на выбор «Цыгане» или «Трамвай», т. к. и они — что, конечно, неправда — были якобы «наваяны мной». Но тут я решительно отказалась. Если не «Лес», то ничего.

Сознаюсь, что сейчас скорей жалею о такой гордой несговорчивости. Все-таки приятно и лестно было бы.

Но заметили ли Вы в «Лесе» две нелепых — до очаровательности — строчки —

И скончалась тихой смертью на заре,
Перед тем как дал причастье ей кюре?

Это «перед тем» меня всегда трогает своей беспомощностью.

Раз я уже так расхвасталась — впрочем, для меня прошлое так безразлично, что чужое прошлое иногда мне ближе моего и о себе говорю безразлично — в прошлом, хотя очень люблю себя в настоящем и еще больше в будущем, — так вот, возвращаясь к хвастовству прошлым — остроумнейший М.Л. Лозинский сочинил на меня эпиграмму. Я, видите ли, картаво говорю — картаво, хотя в этих двух строчках ни одного р.

Поклонники льстили на все мне лады
И мне подносили «Леса» и «Сады».

«Сады»^[109], как Вы, наверное, знаете, были тоже посвящены мне. Ну и довольно обо мне «в Аркадии». Перейдем к сегодняшнему дню. Ваше мнение — совсем неожиданное — о моих стихах меня чрезвычайно обрадовало. Я привыкла, что мои стихи проходят незаметно и если кто и говорит о них... так что-нибудь вроде «здорово Георгий Иванов стихи своей жены выправляет». Вот прозу и она иногда недурно пописывает, хотя тоже не без его помощи.

Так что не только Ваше, но и мнение Моршена доставило мне большое удовольствие. Кстати, обменяемся с ним любезностями — его стихи мне когда-то так понравились, что я даже присвоила себе его «Моржа»^[110] — о чем в «Контрапункте», который я вышлю для прочтения Вам обоим — единственный экземпляр. Читать можете долго, но прошу вернуть, как и «Стихи во время болезни»^[111].

«Контрапункт» Вам вряд ли понравится. Но, пожалуйста, пишите с ярой откровенностью, со всякими «стекляшками», «чего дурака валяет», ломакой-кривлякой, что только о себе не воображает. Вообще со всем, что будет Вами сказано. Очень и очень интересуюсь критикой поэтов. Адамович считает меня единственным русским сюрреалистическим поэтом^[112]. Но «мне от этого не легче — вздор».

Теперь совсем о другом. Карточка, присланная Вами, произвела некий раскол среди нас с Г<еоргием> В<ладимировичем>. Ваша жена здесь ни при чем. О ней наши мнения сходятся. Но Бубка... вы уже знаете, что Фига играет большую роль в наших домашних спорах и что мы привыкли устрашать друг друга — «Ах так! Все Фиге отпишу!» А тут вдруг Бубка оказался так пышно-красив и мил, что авторитет Фиги явно поколеблен. Хотя Г<еоргий> В<ладимирович> и находит, что у Бубки менее интеллигентный вид, чем у Фиги. Но с этим я не согласна. Посоветуйте, как нам быть? Который лучше? Но, душка и умница, не сочитите эти строки за старушечье сюсюканье. До этого, слава Богу, еще не дошло. Зато несвойственную годам наклонность к игре нам изжить все еще не удалось. Ну, до свидания, голубчик. Я очень люблю все эти русские ласкательные слова. А Вы? Сердечный привет Вам всем. С Моршеном и Бубкой.

Ваша И. Одоевцева

<На полях:> Спасибо за марки. Графоманией никогда не страдала, но, судя по этому письму, начинаю ею страдать.

Хотелось бы еще о Вашей мнимой нечувствительности и жестокости. Но тоже до другого раза. Все таки — в те дни не читали ли Вы Ницше? Я и сама бывала — при всей моей жалостливости — жестока до необъяснимости. Вы же очень добры, и по-настоящему, что редкость. И в Вас много нежности, что еще реже.

Книги вышлю обыкновенной почтой — по библейской бедности. Пожалуйста, напишите Г<еоргию> В<ладимировичу>, не дожидаясь его письма. Ему вчера стало дурно за завтраком, и он лежит. Если <можете, пришлите?> Lederplex — тот уже вышел.

30 июля <1957 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Наконец-то от Вас полуписьмо. И совершенно неудовлетворительное. Раз Вы уже — по поводу собачьей семьи — заговорили о трудностях не только материальных (материальные вздор и придавать им значения не надо, но другие, другие) — то уже невозможно оборвать и поставить точку. Дружба, высокий союз поэтов и все такое прочее этого не позволяют. Получается недолет-перелет, и я чувствую себя очень неуютно.

В чем дело? Если все вообще — то понятно. Но если детали — хочется знать, какие именно, что у Вас неблагополучно?

У нас Г<еоргий> В<ладимирович> — т. е. его здоровье, нервы и отвращение «к миру и его окрестностям». Ну и, конечно, «материальные трудности». Кстати, об этих трудностях. Е.П. Грот^[113] прислала Г<еоргию> В<ладимировичу> 20 долларов в читателе-почитательском пресимпатичном письме. Это Вы о ней писали? Деньги он принял без обиды — обижаться не на что. Не ее вина, что Г<еоргий> В<ладимирович> в таком положении, что ему не до обиды и гордости. Но вот Иваск пишет, что там целая русская колония любителей поэзии, энтузиастов со средствами. И что там можно было бы устроить вечер стихов Георгия Иванова. И даже мой. Хотя я в письме вовсе не упоминаюсь и мне даже не шлется привета.

Напишите, как Вам кажется, стоит ли возбуждать вопрос насчет вечера через Иваска. Или, если Вы с этой дамой в переписке, идея могла бы исходить от Вас. Деньги, что скрываться от друзей, нам нужны до зареза — на питание и лечение Г<еоргия> В<ладимировича>.

Теперь ему прописали впрыскивание, стоящее 5 тысяч (т. е. 15 долларов) в неделю. И делать его надо в продолжение 6 недель. «Комментарии излишни», как вообще «Комментарии» Адамовича. Но непременно напишите ответ Адамовичу. Защитите Цветаеву^[114]. Иваск не сумеет^[115]. Он боготворит Адамовича и трепещет перед ним^[116]. Не понимаю, как можно не любить Цветаеву и не восхищаться ей. Я чувствую какую-то вину перед ней, как будто я не сделала чего-то для нее, когда еще можно было ее спасти. Она жила в Париже, и очень трудно жила. Мучилась и материальными трудностями, которые тогда возможно было устранить. Не могу до сих пор равнодушно подумать о ней. И то, что Адамович

оскорбил ее память, меня так оскорбило, что я не решаюсь даже ответить на его письмо. Не нахожу тона, чтобы писать ему дружески.

Поцелуйте от меня короля Бубку. А щенка как зовут? Конечно, его болезнь Вас привязала к нему— «Так любит только мать, и лишь больных детей»?^[117] Но правда ли, что детей любят больше собак? В особенности те, у кого нет детей?

«Контрапункт», должно быть, уже прибыл к Вам. Жду Вашу критику, и Моршена тоже. Только не причесывайте и не приглаживайте выражений. Как есть. Что это за стихи Моршена в «Гранях» про трамвай?^[118] Пришлите, пожалуйста. И пишите по-настоящему.

Посылаю Вам свои последние стихи для «Опытов». О них тоже, что думаете.

Всего, всего наилучшего Вам и всем Вашим. Пусть Вам всем будет хорошо и отлично.

Ваша И. О.

Ты говорил: На вечную разлуку
Мою бесчувственную руку
В последне-предпоследний раз...
Слеза из заблестевших глаз
Как синтетический алмаз...
Твоя слеза —
Моя слеза...
Какие у тебя глаза?
Такие же как были?
Ты все такой же милый?
Не знаю Если бы теперь
В мою ты поскребешься дверь,
Тебя я не узнаю —
В преображении потерь
Ты стал горбатый, лысый,
Ты стал хвостатой крысой,
Ты стал крапивой иль грибом...
А прядка над высоким лбом?
А складка на высоком лбу?

Но ты давным-давно в гробу,
На солнечном погосте

И ты не ходишь в гости [\[119\]](#).

Простите за каракули — лежу в саду.

Кроме этих я написала 75 строк. Такое длинное, что трудно переписать.

Beau Sejour 29 августа <1957 г.>

Дорогой и милый Владимир Федрович,

Письмо Ваше я получила в день выхода из госпиталя — оттого что «Друг мой, я болен, Я очень болен»^[120], как писал Есенин незадолго до смерти.

Вот и со мной случилось. И такая странная, почти непонятная болезнь. Слава Богу, не «алкоголь», но все же не многим лучше. У меня малокровие, осложненное еще и отсутствием белых кров<яных> шариков. Их, видите ли, надо иметь не меньше 5000. А у меня неполных 2000. И это чрезвычайно опасно. Попросту грозит смертью при малейшем инфекционном заболевании, напр<имер> гриппе. И почти не существует средств вылечиться (при нашем отсутствии средств в особенности). В госпитале лежала на исследовании. Пришлось и мне познакомиться с больничной койкой — О Господи, и это пережить, И сердце на клочки не разорвалось^[121]. Но — passons. Письмо Ваше я читала «затуманенными глазами». У меня жар каждый вечер — 39. Читала не все, а урывками — ведь неясно без книг, что к чему. Увидела: «Не люблю взволнованно-синих вечеров. Не люблю детских профилей... (Tant pis pour moi^[122].) Тоже больше бы остроты... Об этом писать роман — бульварный... Неинтересно, но конец не вышел... Истерика начинает надоедать... Это банально в самой сути...» И ainsi de suite^[123] «я такого не люблю». «Не сердитесь». Нет, я совсем не рассердилась. Но со вздохом уронила письмо на одеяло. — Жоржик, Марков обложил меня по всем швам. И от грусти и слабости уснула, не дочитав. Когда же проснулась, Г<еоргий> В<ладимирович> мне сказал: «Неправда, ему очень нравятся твои стихи. Очень нравятся».

Не знаю, кто прав. Но знаю, что Вы меня поразили, Вас удивляет «скудно», Вас, петербуржца? Невероятно. У нас даже старшая горничная говорила про поломойку: «Деревенщина, барышня, эта Паша. Скушно ей, да скушно. По-столичному и выражаться не научилась». А когда я, в защиту этой Паши, объяснила ей, что в Московском худож<ественном> театре на сцене говорят «скушно», она только пожала плечами; «И пускай их в Москве, а у нас в Питере лошади засмеют». Что совершенно, в сущности, правильно. В «нашем» Петербурге говорили скудно. Скушно было абсолютно невозможно и неприлично.

В первый раз увидела бездну между нами — Вашим и нашим поколением, на которой Вы настаивали и которая ускользает от моего взора. «Все чисто для чистого взора»^[124]. Ан не все... вижу, что ошибалась. Споткнулась о «скушно». И таких «скушно», наверное, еще не мало, хотя я их и не замечаю.

Когда, наконец, придут мои книжки, займусь серьезной сверкой «наших взглядов на женский долг и мужскую честь» (Веселкова-Кильштет^[125], чтобы Вы не ломали головы). А пока могу только сказать, что Г<еоргий> В<ладимирович> никогда ни малейшего влияния на мои стихи не имел. Влияние же мое на его стихи было «потрясающе-огромное», до невероятия. О чем он Вам как-нибудь и сам поведает. И об Ахматовой тоже вспоминать не стоит. Гумилев и Чуковский приводили меня в пример, что и «поэтесса» может расцвести абсолютно самостоятельно, вне Ахматовой, и ничем не быть ей обязанной — суметь быть ее антиподом.

Впрочем, я очень люблю Ахматову, несмотря на творческое отталкивание от ее тем и интонаций.

Так вот, милый друг. Спасибо за разбор. Жду с нетерпением книжки. Все сличу и кое в чем уличу себя — или Вас.

Бедный Г<еоргий> В<ладимирович> совсем потерял голову от страха за меня. Мне очень грустно за него. Вы, так любящий Вашу жену, наверное, посочувствуете ему и пожалеете его. Только не пишите ему об этом. Я и так верю, что Вам нас обоих жаль.

Но Г<еоргий> В<ладимирович>, несмотря на всю тоску, написал несколько отличных стихотворений. А Вы? У него больна жена — у Вас черный щенок. Как это отражается на творчестве?

Теперь о помощи Г<еоргию> В<ладимировичу> — т. е. о сборе, предпринятом Вами^[126]. Спасибо. Увы! деньги нам нужны еще острее, чем прежде, с тех пор, как я заболела. Не только для него, но и для меня. Мне пришлось оборвать все мои заработки, и получилась зияющая дыра в бюджете. К тому же меня, хоть слегка, подлечивать необходимо. О настоящем лечении, конечно, не может быть и речи — о поездке в горы и проч. Но все-таки надо получше питаться и покупать кой-какие лекарства. Так что еще и еще спасибо Вам. Когда будете посылать деньги, то, пожалуйста, пришлите чек такой, как расплачиваются между собой американцы в Америке — в письме. Не делайте переводов ни в какой форме — ни по почте, ни чеком на Францию (даже на американский банк). А то мы теряем по 100 фр<анков> на доллар. Американский же чек меняется, как наличные доллары.

Желаю Вам удачи в продаже В<ашего> дома.

Сердечный привет Вам и В<ашей> жене и всем В<ашим> собакам.
Пусть Вам всем будет хорошо.

И.О.

<На полях:> Г<еоргий> В<ладимирович> грозитя написать Вам. Но
когда?

Beau Sejour 10 сентября <1957 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Ну как могло случиться, что Вам показалось, будто бы Вы меня огорчили и обидели? Как?

Я прекрасно поняла и только в шутку прикинулась огорченной. Огорчила меня всего лишь невозможность узнать, что Вы хвалите, что нет. Да и чуть-чуть-чутьочку «Не люблю детских профилей». Ау меня как раз был таковой — большой лоб и слишком короткий нос. Но я опять шучу. Впрочем, Вы бы лучше подцепили меня за встречающийся в следующей строке такой затрепанный «детский рот». А «детских профилей» и в стихах, и в жизни не так уж много. Илия ошибаюсь?

Но вот в чем я не ошибаюсь, так это в «И скучно, и грустно». Но, друг мой, как Вы можете? Ведь для нас это просто святотатство, а для Вас — «по-приказчишьи». Нет, нет и нет. От актерского «скушно» меня только в пьесах Островского не коробит. Значит, правда Ваша — кое в чем нам друг друга не понять. Мне за Лермонтова больно. Но Вы, кстати, и не так его любите.

Возвращаясь к Вашей критике — Вы мне ею доставили большое удовольствие. Когда придет «Контрапункт», проштудирую его с Вашим письмом. Мне очень интересно, что Вы находите в моих стихах — иногда обратное тому, что я. И за влияние Ахматовой как бы я могла обижаться? Я ее страшно ценю. Но, к моему сожалению, я не умею поддаваться влияниям, а как бы иногда хотелось. В прозе еще кое-что удастся «стащить», а в стихах никак. Вот только у Моршени тюленя похитила, но и он превратился в чайку^[127]. А насчет интонаций и ритмов... Я иногда нарочно читаю вслух Тютчева — а когда же, о Господи, я на него похожа?.. Это не от самостоятельности совсем, напротив — я чужие поправки с удовольствием присваиваю — если случается! Вот Г<еоргий> В<ладимирович> сочинил «Печальнее печального, Банальнее банального»^[128] — всю первую строфу. И еще «Разбиваются души о счастье, Разбиваются птицы о снасти». Но самое замечательное — но это даже Моршену не говорите — он целиком сочинил «В этом мире любила ли что-нибудь ты?» и только потом мне подарил за ненадобностью. А я взяла. С благодарностью. И даже в антологии^[129] оно имеется, что уже напрасно.

Теперь я хочу Вам сказать, как я Вам соболезнаю и как мне жаль бедного маленького Блэки. Я так хорошо Вас понимаю. Я и сейчас еще, через столько лет, не могу равнодушно вспомнить о своем Орлике. Но Вам все— таки легче — он был у меня один, а у Вас все-таки отличное собачье семейство — и Фига, и Бубка, и еще третья, имя которой я не знаю. Впрочем, утешение идиотское, вроде — у вас еще трое других детей! Но желающий утешить беспомощно хватается за соломинку — Соломинка, Соломка, Саломея^[130] — и распаивается дверь и открывается путь поэзии, на который Вы так упрямо отказываетесь снова ступить. Впрочем, путей у Вас много. Я сейчас очень больна и говорю немного как из *au de là*^[131]. Я, лежа в постели, перечла Вашего «Моцарта» и наново восхитилась им. Вполне и до конца.

Жаль только, что невежественный читатель не всегда создает себе правильное впечатление. Так о «Noces de Figaro»^[132] он не узнает, что музыканты, ошалев от восторга, ломали свои скрипки и проч., аплодируя и крича во всю глотку: «Viva, viva il grande Mozart!»^[133] — на репетиции, и что премьера была триумфом, и что «Noces» были сняты с репертуара происками Сальери^[134] и кабалы, чтобы «не утомлять певцов вызовами и бисированием арий». И жаль, что Вы не отметили чудесного месяца в Праге^[135] у графа Туна, где Моцарт захлебывался славой и признанием — и где не только в театре труппой Bondini, но в каждой кофейной и харчевне ежедневно распевались «Noces».

Раз Вы отметили «пинок гр. Арко», то как не вспомнить и о триумфах. Впрочем, Вы, может быть, правы — всего все равно не расскажешь. А вот о его собаке, похороненной с ним, я узнала от Вас. Я знала, что она следовала за гробом, но что она умерла от горя и ее сбросили в его могилу — за это Вам спасибо.

Как видите — я со всем согласна в В<ашей> статье. Кроме, пожалуй, того, что Моцарта в России не знали^[136]. По личному опыту, ведь в капле отражается весь океан, — у нас, в нашей семье, происходило то же, что и тысяче подобных ей. По вечерам мама, в шуршащем, перетянута в талии платье, с пышной высокой прической, распространяя запах духов, от которых у меня кружилась голова и раз действительно даже сделалось дурно (таких крепких духов после Первой мировой войны уже не стало), садилась за рояль и играла. Играла Моцарта, Шопена, Грига, Чайковского, Брамса. Но для меня Моцарт был не сравним ни с кем — и такой же ребенок, как я. «Моцарт пяти лет»...

И я, забравшись под рояль, слушала, умирая от восхищения и страха,

что меня сейчас обнаружит моя nurse^[137] и, выбравив, поволочет спать.

Для меня еще и теперь «Die Zauberflöte»^[138] звучит волшебнo. А «Царица ночи» — я себя воображала Царицей ночи. В звездно-синем платье с шлейфом, как Млечный Путь, и кометой в распущенных черных волосах — черных, несмотря на мою белобрысость.

Единственным оригинальным в этой мечте, свойственной, наверное, тысяче других русских девочек, родившихся в начале XX века, было то, что я была не только Царицей ночи, но и — и это главное — Страны собак, где кроме меня, их царицы, не было ни одного двуногого.

Вот, милый друг, в какую глубь века Вы меня завлекли. Впрочем, здесь виноват и мой жар. Я хотела только высказать Вам запоздалые комплименты. И спасибо за желание поделиться со мной В<ашими> кровяными шариками — но у Вас их столько, сколько Вам необходимо, раз Вы здоровы.

Мне же не хватает белых, и это хуже, чем недостаток красных. Mais passons^[139].

Стихи, посланные Вам — «Он говорил» — не часть 75 строч<ек>, а законченные. Для «Опытов»^[140] 75 стр<ок> появятся в ноябре в «Н<овом> журнале»^[141]. Переписывать их лень. И так до чего длинное — и дорогостоящее письмо. Еще Жорж подсовывает два листика.

Теперь о чеке. Если пошлете, то только обыкновенным чеком, как Вы расплачиваетесь в Америке, а не чеком на франц<узский> Америк<анский> банки не переводом. Мы теряем 100 фр<анков> на доллар, а американск<ие> внутренние чеки меняются, как наличные доллары.

Спасибо за желание нам помочь, и Моршену тоже. Жду его критику. Привет всем Вашим и безболезненного переезда и выгодной продажи дома^[142]. И чтобы Вам на новом месте жилось много лучше, чем здесь.

Ваша И. Одоевцева

Beau Sejour Hyeres (Var)

декабря <1957 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Мой муж чувствует себя очень виноватым перед Вами — без вины виноватым — за свое возмутительное молчание. Сегодня, наконец, я решила написать Вам за него, т. к. он в ближайшие дни вряд ли сможет сделать это сам, он, к сожалению, чувствует себя опять очень скверно.

Он просит Вас поблагодарить за 21 доллар — и, главное, — за статью^[143]. Вы поразительно правильно объяснили, за что любят Георгия Иванова или, вернее, за что его следует любить. И вообще — лучшей статьи мне себе и представить трудно. Я, в свою очередь, за нее Вам также благодарна от всего сердца — хотя я тут и решительно ни при чем, но мне трудно не сказать Вам этого.

Надо бы сдержаться, но не могу. Нас очень интересует «ретантисман»^[144] статьи, всякие «Ну и расхвалили же вы этого нигилиста» и проч. Здесь до нас ругань и критика не доходит. Впрочем, Адамович, который сам сейчас пишет о Г<еоргии> В<ладимировиче>^[145], пофыркал на Вас слегка^[146], заметив все же, что Г<еоргий> В<ладимирович>, как ему кажется, остался Вами доволен. Что я ему и подтвердила. Доволен — и даже очень.

Но кроме этого недружелюбного отзыва, ничего другого не долетело к нашему крыльцу. Так, пожалуйста, если что-нибудь услышите — отпишите. И мнение Струве. И Моршена. Кстати, он так меня и не удостоил письмом о моих стихах. Ну и не надо.

Вчера совершенно случайно прочли и Вас, и его в «У Золотых ворот»^[147]. Очень мне понравилась рифма «я, а не — океане». А Ваш Струве постеснялся бы позорить свои седины критика «пражскими вечерами». Моршен тоже не хорош. Рифма «далече — отмечен» не находка — дубовые стихи о дубке. А ведь когда-то, лет восемь тому назад, печатал очень милые стихи.

О Вашей статье о Лозинском замечания Г<еоргий> В<ладимирович> напишет — он только что сказал мне это — на отдельном листке. Это ему еще по перу. Он вдруг решился Вам написать^[148].

Теперь мы оба просим Вас описать нам Ваш новый дом, где, слава

Богу, «собаки могут чувствовать себя хозяевами». Надеюсь, что и Вы с женой тоже и что Вам всем в Холливуде хорошо.

Мы оба очень хотим знать подробности Вашего устройства — что и как.

Мы даже не знаем, готова ли уже Ваша диссертация или нет.

Как Вам пришелся по вкусу Ульянов, уничтожающий Чаадаева?^[149] Не кажется ли Вам, что он позавидовал Вашим лаврам от общественной пощечины? Но сделал он это без элегантности, и сравнение с Хлестаковым — странное мальчишество в таком солидном тяжелом уме.

Меня статья даже огорчила — я с Ульяновым подружилась перед его отъездом в Канаду. Он очень милый — по-особенному — наивный и своеобразный. И страшно упрямый — никак его нельзя было уговорить не уезжать в Канаду и остаться в Париже, который ему страшно нравился и где ему хотелось жить.

Читали ли Вы «Перекасти-поле» Е. Печаткиной?^[150] И знаете ли ее лично? Я о ней никогда не слыхала, но роман ее, присланный ею нам, меня поразил. Е.П. Грот, оказавшаяся добрейшей душой, посылает Г<еоргию> В<ладимировичу> лекарства и всячески старается для нас. Она хочет устроить вечер Г<еоргия> В<ладимировича> в Холливуде. Но это все проекты. Если бы все же вышло, хорошо было бы, если Ваша жена согласилась бы прочитать стихи Г<еоргия> В<ладимировича>. Кстати, ее статья, т. е. Е.П. Грот о Есенине в «У Золотых ворот»^[151], очень интересна. Я и не знала, что он из старообрядцев. И его «Ключи Марии»^[152], к сожалению, не читала.

До свидания. Желаю Вам и всем Вашим удачи и радости.

Напишите, что Вы думаете о моих стихах в «Н<овом> журнале»^[153] — он ведь скоро выйдет — откровенно. С сердечным приветом

И. Одоевцева

<На полях:> Нет, Г<еоргий> В<ладимирович> только грозился написать Вам. Он слишком слаб, не может. Напишите ему скорей.

13 января <1958 г.>

С Новым годом, дорогой Владимир Федрович,

Сегодня 13 января — канун Нового Старого года — день, в который до войны устраивался грандиозный литературный бал^[154]. Но зачем вспоминать о том, что прошло, забвением поросло, как говорит поэт (я).

Лучше о настоящем. Мы очень рады за Вас, что морока с переездом прошла и снова у Вас и дом, и сад, и собакам есть разгуляться где на воле^[155], как тоже сказал поэт (Лермонтов). (Один вздор я горожу! стыдно.)

Ну вот, поздравляем Вас от души и желаем всяческого благополучия и удачи на новом месте в 1958 году — и последующих.

Г<еоргий> В<ладимирович> хотел бы Вам сам написать, но он так плохо себя чувствует, что лежит весь день в каком-то полузабытьи.

Насчет «Кристалль»^[156] Вы абсолютно правы. Я в те дни еще почти не была знакома с Г<еоргием> В<ладимировичем>, но помню, с каким восторгом о переводе Г<еоргия> В<ладимировича> отзывались Гумилев и Лозинский^[157].

Боюсь, что и Лозинский часто так же отдаленно схож с переводимым оригиналом. Нет, простите, мне совсем не нравится

...как горестен устам

Чужой ломоть, как трудно на чужбине

Сходить и восходить по ступеням.^[158]

Это, по-моему, просто плохо — не горестен, а горек. Не ломоть, а хлеб — или по крайней мере — ломоть хлеба. Сходить и восходить. Сначала бы уж восходить, а сходить потом. Но ведь, кажется, — «как круты ступени чужих лестниц». Но об этом не стоит спорить. Лозинский был умница и прелесть. Одно его стихотворение попало и в мой «золотой фонд»:

Проснулся от шороха мыши

И видел большое окно,
От снега белые крыши,
А мог умереть давно...

Вторая строфа слабая, но эта, по-моему, очаровательна. Обыкновенно же он писал:

Тоску и радость прошлых дней
Я разливаю в два стакана...

и тому подобное. Зато острил замечательно^[159].

«Кристабель» в переводе Г<еоргия> В<ладимировича> потрясла мое сердце, и я написала — под влиянием, вот такими корявыми четырехударными паузниками — «поэму о Луне», напечатанную во 2-м № «Дома искусства» с иллюстрациями Добужинского. Темой послужила легенда, найденная мной в книге сына Жорж Занд Мориса^[160], собиравшего всякие легенды и сказки.

И вот какое разочарование — непреднамеренная горечь слов рвется из моей души!

Если можно, пришлите дешевый маленький экземпляр «Кристабель». Здесь отдельно ее не достать. А мне хочется ее всю сверить.

Спасибо за Петербургский путеводитель. Г<еоргий> В<ладимирович> читает и перечитывает его и находит в нем все новые жемчужины.

Теперь я должна покаяться — я не читала статьи Ульянова, когда писала Вам, а только перелистала ее рукой небрежною, — и напрасно осудила. Прочитав, круто переменяла мнение. Она и содержательна, и интересна, и заставит расквакаться лягушек нашего эмигрантского болота — что тоже хорошо.

Кстати, Ульянов писал нам: «Чего больше в статье Маркова о Г<еоргии> В<ладимировиче>, коварства или любви?» Но это совсем между нами, никто не должен этого знать, кроме Вас. Да и Вам, мне кажется, я не должна была сообщать. Я ему ответила, что коварства никакого не заметила, т. к. его нет, а в Вашей любви к стихам Г<еоргия> В<ладимировича> и к нему самому не сомневаюсь. Лишнее подтверждение

— читают не то, что написано.

Ульянов очень милый, но трудный человек. С нами, впрочем, он был милый и легкий, но в нем чувствуется каменное упрямство. В Нью-Йорке он не ужился, «в нем царит ежовщина», по его словам. Я даже не поняла, в чем дело — такая я недогадливая^[161].

Статья Ваша очень многим поэтам пришлась по вкусу — потому что каждому хотелось бы, чтобы это о нем было написано. И она тоже заставляет квакать лягушек.

Насчет Печаткиной — конечно, она графоманка, но некоторые страницы «Перекасти-поле» выпадают и совсем хороши. Такая невероятная смесь меня удивила. Кстати, она меня именует «чуткой И<риной> В<ладимировной>» и просит кланяться «Вашему талантливому мужу». О себе же сообщает, что она очень изящна, женственна и хрупка. А Е.П. Грот какая? Она оказалась для нас кладом — шлет Lederplex и Екванил и доллары на рождественского индюка, превратившегося в утку.

Пишите побольше о себе и Вашей новой жизни. Нашла ли Ваша жена работу? Теперь это ведь легче будет ей. Я получила премилое письмо от Моршена. Какой он — опишите его, пожалуйста. С сердечным приветом.

Всегда Ваша И. О.

<На полях:> Г<еоргий> В<ладимирович> Вас целует, а я обнимаю всех Ваших четырех собак — четыре по числу детей Моршена. Я предпочитаю собак.

Пожалуйста, пишите Г<еоргию> В<ладимировичу>, он Вас очень-очень любит и огорчается, когда от В<ас> долго нет писем. У него так мало радостей, вернее, вовсе никаких. Но Ваша статья его обрадовала — и по-настоящему.

Beau-Sejour 20 марта <1958 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Только что отнесла Ваше письмо Г<еоргию> В<ладимировичу> в госпиталь. Он уже больше недели находится там на исследовании. Ему стало так скверно, что он наконец согласился на это. Но переживает он это невероятно тяжело. И я с ним, конечно.

Вчера я говорила с старшим врачом госпиталя, которому кто-то сообщил, что Г<еоргий> В<ладимирович> «русский Виктор Гюго» — я с этим смехотворным мнением спорить не стала и не разочаровывала его — пусть будет Виктор Гюго, раз из-за этого он занимается здоровьем Г<еоргия> В<ладимировича>. — «Если бы он был обыкновенным смертным, я предоставил <бы> его его участи». Сказал он мне, что у Г<еоргия> В<ладимировича> «повреждена мораль» и что его надо хоть на время вырвать из дома и поставить в нормальные условия жизни. «Иначе вы можете себя уже считать вдовой». На мой ответ, что ничего подобного я сделать не могу, он даже рассердился — «у него же должны быть друзья и поклонники, которые не дадут ему погибнуть»^[162].

У меня просто голова идет кругом. Совершенно не знаю, что делать и к кому обращаться за помощью. Может быть, Вы придумаете что-нибудь. Мне так страшно за него. Я написала Адамовичу, и он мне прислал уклончиво-любезно-подлое письмо^[163]: «Не волнуйтесь — все будет хорошо», в виде утешения. Кстати, он написал о Г<еоргии> В<ладимировиче> статью, где Вам шпильки и комплименты^[164] — статьи еще не видели, но вряд ли она в каком-либо смысле сравнится с Вашей. Написала я также Е.П. Грот, оказавшейся пресердечной и предоброй, она все рвалась помочь нам «через прессу». Теперь мы и на это, конечно, согласны. Но как это организовать, чтобы получился серьезный результат? На все — и даже на большее я согласна.

Но раз я Вам уже пишу, то давайте на несколько минут забудем весь этот ужас. Г<еоргий> В<ладимирович> очень обрадовался Вашему письму и сейчас же прочел его. Остальные он кладет на столик и не читает, пока я у него — ведь мне, да еще по особенному разрешению — разрешается бывать у него час в день. Он очень просит сообщить имена этих двух поэтов, протестовавших против Вашей статьи, и еще большие подробности. Все это останется между нами и никак не отзовется на

отношении Г<еоргия> В<ладимировича> к его «гонителям», а его это очень развлечет. Пожалуйста, пренебрегите прописной моралью и доставьте Г<еоргию> В<ладимировичу> настоящее удовольствие. Никто никогда, клянусь, об этом не узнает, а он хоть немного развлечется. Сделайте это для него.

Повеселил его также и Моршен. Кстати, кланяйтесь ему от меня сердечно. Я не пишу оттого, что у меня нет свободной минуты — и еще оттого, что он так тяготится, по его словам, перепиской — даже со мной. Но то, что он меня воображает статуей, мне нравится — хотя я чрезвычайно подвижна и внешне, и внутренне — но все-таки лестно. Смешно, что его рассердил Принц. А мне он кажется очаровательным — т. е. Принц.

Спасибо за милые слова о моих стихах. Но чем же мы, о Господи, в стихах похожи с Г<еоргием> В<ладимировичем>? Не-ви-жу. Объясните, хоть туманно — постараюсь понять.

Кстати, стихи на смерть Полякова^[165] стал писать Г<еоргий> Владимировичу и я у него украла тему и даже «концентрированный зной» и в тартарары^[166]. Впрочем, и в этом «Дневнике» много моих строк. И я (только совсем между нами) иногда переделываю, отделяю и заканчиваю. Он же этим не занимается, а иногда дарит какой-нибудь огрызок на разживу. И я с благодарностью беру. Такая уж у нас общая кухня. Но для него я пишу совсем иначе, чем для меня.

Все это о стихах, как подготовка к главному. Я написала стихи, которые хочу Вам посвятить. Но только если это для Вас подходит. Вот они. Г<еоргий> В<ладимирович>, как Вы знаете, стал перечитывать В<аши> статьи и читал мне о Хлебникове вслух. Меня и Ваша статья^[167], и цитаты из Хлебникова «пронзили». Результатом чего и посвящение Вам:

Отравлен воздух, горек хлеб,
Мир нереален и нелеп,
Но жизнь все слаще, все нежнее.
...О Дон Кихоте, об Альдонце,
Той, что казалась Дульцинеей.

Заходит кухонное солнце
На фитиле жестяной лампы,
В кастрюльке булькает картофель,

Ни занавеса нет, ни рампы.

И Хлебникова светлый профиль
В венце и с венчиком на лбу
В пурпурном ящике-гробу.
Приветствую твою судьбу,
«Земного шара председатель»,
Приветствую в тебе Творца!
Я твой читатель — почитатель (нища).

Как «дева ветреных забав»,
В себя дыхание забрав,
До локтя закатав рукав,
Я ложкой по столу стучу,
Понять — постичь тебя хочу, —
Твои пиррихии, спондеи, —
Заумный твой язык учу!
...Не до Альдонцы-Дульцинеи... [\[168\]](#)

Если Вам действительно они нравятся — но только совсем честно, до конца нравятся — я их Вам с радостью посвящаю. Если же Вас хоть что-нибудь коробит или царапает, то, конечно, не посвящу, и без всякой обиды, дружески не посвящу. Отвечайте честно.

От Струве, к удивлению, прибыл «Лебединый стан» [\[169\]](#) с сухой надписью от издателя. (Стихи меня, к сожалению, не совсем восхитили, за небольшим исключением. Я ждала большего.) Все-таки — ветка мира, хотя и закамуфлированная. Как Вам кажется? Я была бы очень рада, если это так. К Струве, хоть он меня и презирает, я питаю симпатию через Гумилева, и вообще мне кажется, что в нем что-то милое. Г<еоргий> В<ладимирович> его вежливо поблагодарил и добавил, что Цветаева действительно родилась в 1894 году [\[170\]](#). Впрочем, Струве наверно скажет: наверно, Георгий Иванов, как всегда, врет [\[171\]](#).

Я стала Вам писать в убийственно-самоубийственном настроении, а сейчас, поверите ли, чувствую, что улыбаюсь. Спасибо Вам за эту улыбку, правда, мимолетную. Вот опять уже «настает мой тихий ад в стройности первоначальной» [\[172\]](#) со всеми волнениями, заботами и бессилием помочь

Жоржу.

До свидания. Пишите нам обоим не откладывая. Нет, лучше ему.

Кланяюсь всем Вашим низко. Всего-всего хорошего Вам всем.

Ваша И. О.

<На полях:> Г<еоргий> В<ладимирович> Вас обнимает и просит
писать побольше и подробнее, несмотря на усталость.

Beau-Sejour Nyeres 21 апреля <1958 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Как видите, отвечаю Вам без промедления, в тот же час — за Г<еоргия> Владимировичах Сам он так слаб, что писать не может. Спасибо Вам большое. Ваша мысль нам обоим кажется превосходной. Конечно, Вы как никто сумеете кликнуть клич — в этом мы убеждены.

Кстати, Е.П. Грот уже — от доброй души — узнав о горестном положении Г<еоргия> В<ладимировича> — обратилась к Струве (?) с просьбой устроить сбор, он, конечно, отказался^[173]. Но она так же необдуманно обратилась и к Вейнбауму и Лит<ературному> фонду^[174]. Я, поблагодарив ее, попросила вежливо «воздержаться», т. к. такие ее выступления могут только повредить. Жаль, если она обидится, но ведь нельзя в таком деле глупить.

Вас Г<еоргий> В<ладимирович> с удовольствием и благодарностью уполномочивает заняться организацией помощи ему — и разрешает!

Конечно, надо это сделать как можно эффектнее и громогласнее, чтобы прошибить сердца и кошельки читателей. Если просто сообщить, что поэт Георгий Иванов болен и нуждается, — ничего не выйдет. Надо обратиться «к совести эмиграции» — как-никак Георгий Иванов последний из русских дореволюционных поэтов, и грех дать ему так бесславно — и преждевременно, ведь ему только 63 года — умереть.

А эмиграция уже имеет на своей душе грех гибели Марины Цветаевой, да и Ходасевича тоже никто, когда еще можно было, не поддержал.

Теперь, после смерти Ремизова, не осталось никого из «прежних» — не считать же Зайцева за «настоящего».

Конечно, Вы правы и в том, что помощь должна быть регулярная. Самое лучшее, чтобы деньги поступали к Вам. Думаю, что лучше всего покупать у Вас франки на доллары, т. к. у Вас курс выше, или просто посылать нам чек американский, такой, как у Вас, на любой американский банк. Здесь такие чеки легко и выгоднее меняют. Но все это подробности и мелочи. Главное — кликнуть клич.

Может быть — на Ваше усмотрение — дать подписать клич некоторым китам, вроде Карповича, Гуля и тому подобным, кто захотят? Решайте сами — мы вполне полагаемся на Вас.

Г<еоргию> В<ладимировичу> действительно очень, очень плохо — и

до сегодняшнего дня — ему с каждым днем становится хуже. Он почти все время в безучастном состоянии, в полусне. Вчера, когда меня не было дома, он соскользнул с дивана и в продолжение двадцати минут не мог встать, так я его и застала на полу.

Самое скверное, что здешние доктора не умеют определить, чем он болен. Одним давлением крови его состояния объяснить нельзя. Доктор мне недавно сказал: как? Вы все еще не отвезли вашего мужа в Париж? Там, может быть, разберут, что с ним, если Вы обратитесь к специалистам.

Но, спрашивается, как и на какие деньги я могу предпринять такое путешествие? Я просто теряю голову от отчаяния и бессилия. Я так боюсь, что не могу спать ночью, все прислушиваюсь к его дыханию.

Простите, что пишу Вам все это — но Вы один из настоящих друзей Г<еоргия> В<ладимировича> — их, к сожалению, немного.

Но довольно. Напишу и о себе, т. е.: о моих — Ваших стихах — о Хлебникове.

Спасибо за поправку — непонятная рассеянность с моей стороны. Конечно, «дева ветреной воды»^[175]. Я поправила. И вот как получилось:

Как дева ветреной воды,
Забыв озера и сады,
Дыхание в себя забрав

(и т. д.).

Гуль уже ответил, что пойдет в следующем номере «Нов<ого> журн<ала>» еще с одним моим. Я рада, что могу посвятить Вам, т. е. что Вы разрешаете.

Пишите, пожалуйста, даже если только несколько слов — по делу — и несколько — без дела — о себе. Сердечный привет всему собачьему семейству и поклон Вашей жене и Вам.

Пусть Вам на новом месте будет лучше, чем на прежнем.

Ваша Ирина Одоевцева

<На полях:> Жорж целует Вас. Пять долларов дошли — спасибо и еще раз спасибо.

Скоро в издании «Нов<ого> журнала» выйдет книга стихов Жоржа^[176]. В следующий раз пошлю Вам его новую фотографию. Его снимали на дому.

<май 1958 г.>^[177]

Дорогой Владимир Федрович,

Письмо с 5-долларовым вложением дошло благополучно. Большое спасибо.

Пришло оно сегодня, когда Г<еоргию> В<ладимировичу> впервые за неделю стало настолько лучше, что он смог сам его прочесть. А шесть дней тому назад я думала, что это уже конец. У него был временный паралич, и он двое суток пролежал, не в состоянии двигать ни рукой, ни ногой, и только стонал и задыхался.

Случилось это с ним вследствие пребывания в госпитале, где его подвергли всяческим мучительным и напрасным исследованиям, думая, что его надо оперировать. Все это оказалось докторской ошибкой, но Г<еоргий> В<ладимирович> так извелся в госпитале, что, вернувшись домой, чуть не умер.

Самое ужасное то, что позвать в дом доктора со стороны нельзя, а домашний не обращает внимания на больных, не желающих лечиться в госпитале. Мне пришлось одной ухаживать за Г<еоргием> В<ладимировичем> и днем и ночью. И это не только утомительно, но и очень страшно. Мне все казалось, что он умирает. Особенно страшно ночью!

Спасибо большое за все, что Вы делаете для Г<еоргия> Владимировича. Помощь ему действительно необходима — немедленная помощь.

Ваша формула — «Если не понимаете, то вы ослы»... исчерпывающе точна, но лучше не дразнить подлецов, конечно. И немного сахару необходимо, чтобы они чувствовали себя героями за свою подачку. Литфонд меня поразил, прислав... 30 долларов. Для чего, спрашивается, стригут они баранов-читателей, если для Георгия Иванова, для его спасения не находится больше, чем эти гроши? У нас на 30 долларов даже нельзя сходить на осмотр к хорошему профессору. А Жоржу необходимо съездить хоть на месяц в санаторию. Он совершенно надорван, и доктор не скрывает, что его положение опасно — и с каждым днем ухудшается.

Неужели же ему действительно дадут погибнуть? Ведь его еще можно спасти. Но скоро будет поздно. И тогда никакие санатории не помогут. Но довольно об этом.

Вы правы, статья Адамовича^[178] не так уже хороша и не без старомодности. Но все же не без лестности. И даже Вам комплимент отпущен,

чем он меня известил заранее. «Хоть на один раз согласился с Марковым, которого Вы так любите»^[179]. Но, конечно, ему новые стихи Г<еоргия> В<ладимировича> не очень-то нравятся. Он весь в прошлом, и прошлое ему всегда милее настоящего.

В моем Хлебникове, моем-Вашем, изменение — добавка:

Как дева ветреной воды,
Забыв озера и пруды...

и так далее.

А то получался вздор. Я просто забыла, что не забав, а воды. Но из-за этого получилось «богаче», забористее.

Видите, я даже о стихах рассуждаю, хотя мне сейчас ни до чего, кроме Жоржа, дела нет.

Желаю Вам и Вашей жене здоровья и всяческих удовольствий и успехов. Как мало мы все ценим будничное благополучие и как часто зря огорчаемся. Я это поняла только теперь.

С сердечным приветом

Ваша И. Одоевцева

<На полях:> Поблагодарите всех участников помощи и себя в первую очередь от нас обоих.

А моей «Ночи в вагоне»^[180] Вы не заметили? Или не нравится?

Beau-Sejour 9 июня <1958 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Спасибо и еще спасибо. И Вам, и Струве^[181]. Ему я на днях напишу. Сейчас я в таком состоянии, что почти не могу связать двух слов.

Чек страшно помог. С Жоржем были всякие ужасы, даже писать о них тяжело.

Мне было очень грустно, что и Вам плохо и что Ваша жена должна поселиться в санатории. Что с ней?

Желаю Вам всего наилучшего — всем Вам, включая и оперированного песика.

С самым сердечным приветом и такой же благодарностью.

Ваша Ирина Одоевцева

<На полях:> Пожалуйста, напишите Жоржу письмо. Это его развлечет. Он ведь Вас очень и очень любит.

20 июня <1958 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Жорж очень хотел Вам ответить, настолько, что он сегодня утром сказал мне: «Я всю ночь писал Маркову письмо во сне и никак не мог справиться с F и написать Бедрович, а это было необходимо». Вот видите, как он о Вас думает. Но письма от него Вы сегодня еще не получите, он так слаб, что даже газет не читает, несмотря на события^[182].

Пожалуйста, пишите ему, для него это одна из редких радостей.

Теперь — о Вашем желании помочь ему. Нет, я совсем не согласна с Карповичем. Конечно, единовременная сумма — хотя бы только 200 долларов — очень нам полезна, и хорошо, что он хочет ее выхлопотать — но ежемесячная пенсия, помогающая иметь твердый бюджет, еще полезнее. Что до того, что рука дающего сможет оскудеть, то на этот риск надо идти. Да он и не так велик, обыкновенно люди держат свои обещания и не берут своего слова назад. Многие из «старших» писателей получали пенсии в продолжение десятка лет.

Насчет воззвания — не оглядывайтесь ни на кого и составьте его так, как Вам хочется. Конечно, не следует скрывать, в каком жалком положении Георгий Иванов и что он живет в богадельне. Авось кого-нибудь прошибет.

Только, конечно, не надо печатать воззвание в газетах, т. к. Лит<ературный> фонд как будто бы собирается нас поддержать. Но жизнь так дорога во Франции, а лечиться еще дороже, что я совершенно не знаю, как свести концы с концами. Кроме того, мне еще предстоит задача везти Жоржа в Париж к специалистам. Здесь даже толком не могут определить, что у него. Он с каждым днем слабеет. У него — и это ужасно — совершенно нет желания поправиться, нет воли к жизни. Ничто его не интересует, даже книга его стихов, издаваемая «Нов<ым> журналом», ему совершенно безразлична.

Большинство писем он даже не читает. «Прочти и ответь что хочешь». Вы большое исключение, к Вам у него совсем особое отношение. Поэтому я Вас так настойчиво и прошу писать ему.

Предисловие к стихам Моршена^[183] — задача нелегкая. Прежние мне нравились чрезвычайно, но все эти глаза^[184] и Эллен Кей^[185] или как ее — нет, это не тема для стихов, и меня просто отталкивают такие упражнения. Но сам Моршен не без прелести, насколько я могу о нем судить.

Мне очень, очень грустно, что Вам живется сложно и трудно. Чем больна Ваша жена, переутомлением или серьезнее? Зачем ей санатория? Впрочем, отдохнуть в санатории всегда хорошо. Если бы я могла отвезти хоть на два месяца Жоржа в горную санаторию, я уверена, что он бы поправился. Но об этом и думать нельзя, оплата от 3 тысяч в день. И дороже. А какую операцию и кому из собак делали? Надеюсь, теперь все прошло.

Простите, что пишу вздор. Я устала до невероятия, просто не представляла себе, что бывает такая интегральная усталость. Не понимаю, как я еще двигаюсь, разговариваю и, главное, ухаживаю круглые сутки за Жоржем. И как, несмотря на все, сохраняю веселость. Вот я и поплакала Вам в метафизический жилет. Ведь Вы, конечно, жилетов не носите. Но мне так хотелось пожаловаться и поскулить — «Извиняюсь».

Как диссертация о Хлебникове? Неужели нельзя ее самому перепечатать? Или надо как-нибудь особо — парадно?^[186] Пожалуйста, опишите подробно Ваш дом и сад и Вашу голливудскую жизнь.

Ну, кончаю. Спасибо Вам огромное за то, что Вы делаете для Жоржа. Желаю Вам обоим покоя и радости. Жорж Вас целует и обнимает.

Сердечно Ваша

Ирина Оооевцева

<На полях:> Жорж просит послать «Грани», где Струве об Адамовиче и Цветаевой^[187]. И вообще, если у Вас есть что-нибудь любопытное по-русски, по-франц<узски> ему читать не хочется, а русских книг нет.

12 августа <1958 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Я не писала Вам так давно, оттого что ничего утешительного сообщить не могла. Напротив даже — Жорж за это время был несколько раз при смерти. Так что Вы сами понимаете...

Мы оба рады, что Вам доставило удовольствие мое посвящение. И Вы правы, что нас с Вами связал Хлебников, которого я через Вас лучше узнала. А моршеновское — «Мог ли ты в Ленинграде думать, что тебе посвятит стихи Одоевцева», бессмысленно. Мало ли что с нами всеми случилось, о чем мы и думать не могли. Кстати, я не имею отношения к Серебряному веку, я начала печататься в 1921 году и не хочу рядиться в павлиньи перья.

На днях выходит книга Жоржа — в ней Вас ждет сюрприз!^[188] Какой, увидите сами, но надеюсь, очень приятный. Очень.

Спасибо за чек. Я на него купила Жоржу электрический вентилятор. Жорж буквально погибает от жары, особенно свирепой этим летом. А благодаря вентилятору в его комнате почти прохладно, и ему дышать гораздо легче.

Вы правы — сейчас нам деньги не нужны, хотя они и тают с невероятной быстротой, все же Жорж пока что обеспечен всем. Если его удастся спасти, то только благодаря Мих<аилу> Мих<айловичу> Карповичу^[189]. Все же у меня к Вам просьба — не найдется ли у Вас маленького радиоприемника а piles?^[190] Нельзя ли дешево купить по случаю? У нас электричество дают только когда стемнеет, и Жорж не может слушать радио весь день, а читать или даже разговаривать ему утомительно. И он очень скучает. У нас такой аппарат стоит 120 долларов, что нам не по средствам, случайных же тут не продают. Так если найдете...

Нам обоим чрезвычайно жаль, что с диссертацией получилось так негладко. Но шесть месяцев пройдут быстро, и все выйдет благополучно. Раз диссертация уже готова, Вы можете отдохнуть теперь.

Пожалуйста, пришлите «Гурилев<ские> романсы». Я сделаю все, что смогу — посоветую, а с моими советами можете и не соглашаться — не обижусь. Но постараюсь, как для себя. Впрочем, «Романсы» так хороши, что ни переделок больших, ни пропусков не потребует. Это будет очень легко и меня совсем не утомит даже в моем теперешнем переутомленном

состоянии.

Державинская строфа в прошлом Вашем письме прекрасна. Спасибо, я ее не знала.

Г<еоргий> В<ладимирович>, как и Вы, предпочитает разностопным ямбам стихи, посвященные Вам, — он их очень хвалит и был рад, что Вам они нравятся. Я же чувствую нежность к разностопным. Кстати, и тут не без Вас — Данта Вы мне напомнили Вашей статьей о Лозинском — видите, какую Вы играете роль в моих стихах. Я писала их, когда Жорж был в госпитале. Госпиталь для него действительно пытка.

Пишите Жоржу. Я буду за него отвечать. Желаю Вам всяческих удач и всяческого благополучия.

Ваша Ирина Одоевцева

<На полях:> Позавчера к Жоржу приезжал Адамович^[191]. Мы говорили с ним о Вас.

<сентябрь 1958 г.>^[192]

Дорогой Владимир Федрович,

Жорж незадолго до смерти сказал — напиши сейчас же Маркову^[193]. Он Вас любил. А любил он мало кого, как Вы знаете.

После него осталось стихов на целую книгу, но я еще не могу их разобрать, даже перечесать те, кот<орые> он мне диктовал — он уже не был в состоянии писать. Иногда он говорил мне утром: запиши еще одно в «Посмертный дневник». Я помню наизусть стихотворений десять. Я их в следующий раз пошлю Вам. Они почти все о его смерти, и мне даже страшно о них думать^[194].

Я не знаю, можно ли их все печатать — это такой обнаженный ужас жизни и смерти.

Но, конечно, я их все сохраню, как и все его — даже ничего не значащие — записи.

У вас много его писем — у меня сохранились все Ваши. Когда-нибудь можно будет издать Вашу с ним переписку^[195].

Как только я немного приду в себя, я начну писать о нем книгу.

Получили ли Вы уже его стихи? Я просила Гуля послать Вам и Струве. Обрадовались ли Вы посвящению?^[196] Теперь обо мне, но по желанию Жоржа. Он страшно беспокоился, что будет со мной, и даже написал трагическое обращение к эмиграции, чтобы меня спасли^[197]. Он хотел, чтобы я как можно скорее уехала бы в Америку хотя бы на полгода. Он правильно угадал, что здесь мне не удастся успокоиться и прийти в себя.

Здесьняя администрация дает мне отпуск на полгода-год, с сохранением за мной отдельной комнаты. Нашлись также люди, готовые оплатить мой проезд. Но визу — туристическую — получить трудно без affidavit'a. И вот Жорж придумал, чтобы мне на бланке университета прислали бы (фиктивное) приглашение читать лекцию о пок<ойном> Георгии Иванове и еще от издат<ельства> приглашение для устройства его лит<ературного> наследства. Вот об этом он и хотел, чтобы я написала Вам — еще при его жизни. Но мне это было слишком невозможно. Вам и Карповичу — Карповичу я уже написала и послала ему пять стихотворений «Посмертного дневника»^[198].

Посылаю Вам шестое. Я помню их еще несколько наизусть. Но писать

их так больно. Эти стихи навеяны Вами — Вашим замечанием в статье не помню о чем: «Георгий Иванов превращает отчаяние в игру»^[199]. По справедливости, Вы первый должны их прочесть.

Простите, больше не могу писать.

Вот оно^[200].

<конец сентября — начало октября 1958 г.>^[201]

Maison de Retraite 18, Av^{enue} Jean Jaures Gagny (S. et O.)

Дорогой Владимир Федрович,

Отчего Вы не ответили мне? Вот уже три недели, как я в Gagny, под Парижем.

Если бы Г^{еоргия} В^{ладимировича} перевезли сюда год тому назад, он был бы и сейчас жив.

Это не письмо, а только напоминание о себе — и адрес.

Ну, всего хорошего.

И. Одоевцева

<На полях:> Получили ли Вы «Стихи»?^[202]

31 октября <1958 г.> 18, Av<enue> JeanJaures Gagny (S. et O.)

Дорогой Владимир Федрович,

Ваше письмо меня очень огорчило. Я никак не ожидала такой оценки посмертных стихов Г<еоргия> В<ладимировича>.

Для меня они — чудо, и меня не только восхищают, но и потрясают — мне кажется, что он в них, т. е. во всем цикле, достиг своей вершины — и человечески и поэтически.

Но возможно, что я пристрастна — для меня они так тесно связаны с его последними днями, что я могу ошибаться. Хотя вряд ли.

О его смерти я ничего не в силах еще написать. И это лучше для Вас, а то бы и Вы, как и я, провели бы не одну бессонную ночь. Это было ужаснее ужасного. Когда-нибудь потом я расскажу обо всем, но сейчас не могу.

Насчет Америки. От Америки я ничего не жду. Как и вообще от жизни. Это было желание Г<еоргия> В<ладимировича>. Он непременно хотел, чтобы я поехала в Америку, думая, что там я скорее успокоюсь. Ему казалось, что после его смерти многие протянут мне руку помощи — в память его. Но он лишний раз ошибся. Никаких приглашений я не получила. Ничего, кроме бесплатного путешествия — от здешних друзей. Но так как я вряд ли поеду в Америку — не по своей вине — то об этом не стоит беспокоиться. Кстати, я никакого аффидавита у В<ас> не просила, а только фиктивного приглашения читать лекцию о Г<еоргии> В<ладимировиче> — это облегчило бы получение визы. Но сейчас и это отпадает. Во всяком случае, спасибо за хлопоты. Жаль, что даже это его желание не исполнится.

Что Вы думаете о шуме, поднятом вокруг Пастернака? Известно ли Вам, что в 53 году Г<еоргий> В<ладимирович> был одним из кандидатов на Нобелевскую премию?^[203] Как различны их судьбы. Вы правы, о Г<еоргии> В<ладимировиче> никто не знает — не только в Америке, но и в Европе, даже во Франции. Никто не отметил его смерти.

Напишите мне о себе побольше. Я верю в Вашу дружбу.

Ваша Ирина Одоевцева

<На полях:> Что говорят о «Стихах»? Если вообще говорят. Мне очень интересно. Видели ли Вы Doce Poetas Rusos XIX–XX, издан. в Buenos Aires?^[204]

6 декабря <1958 г.> 18, Av<enue> JeanJaures Gagny (S. et O.)

Дорогой Владимир Федрович,

Ну, вот наконец и от Вас письмо — и сразу даже два в Gagny — мне и Терапиано. Спасибо.

Но давайте для начала выясним недоразумение. Я давно — недель шесть тому назад — решила не ездить в Америку, и Ваше милое отсоединение только совпало с моим (уже устарелым) решением и никак меня огорчить не могло.

Этого хотел Г<еоргий> В<ладимирович>. Он себе совсем иначе представлял «резонанс» его смерти.

Но об этом не стоит. Он, кстати, никак не мог думать, что перевод в Gagny, — который спас бы его от смерти, так как он погиб главным образом от климата Иера, и это всем было известно, — что этот самый перевод для меня осуществится в одну неделю — да еще и с отдельной комнатой, что здесь большая редкость, — прямо по щучьему велению.

Он боялся, что я буду вынуждена остаться в Иере, что мне после его смерти было бы невыносимо. Все всегда мне бы напоминало о пережитом ужасе — другого слова, чем ужас, я не нахожу.

Но здесь, в Париже, я понемногу оживаю. Здоровье мое за это время пришло в расстройство, и я сейчас целыми днями лежу, когда не езжу в Париж, где у меня, слава Богу, много друзей, всяких, русских и французов, старых и молодых.

Но вот Вы спрашивали — есть ли у Вас близкие в Америке? Нет, но это меня не беспокоило бы. Нет, но были бы, если бы я туда переехала. Я совсем не представляю себе, как можно не иметь близких и друзей — где бы и при каких бы обстоятельствах ни находиться. Друзьями обрастаешь быстро, иногда даже против собственного желания. Впрочем, я всегда помню — «Друзья мои! Нет на свете друзей»^[205]. В высоком плане, может быть, это правильно, но в житейском — друзья мне необходимы. Я очень интересуюсь людьми и не требовательна ни к их уму, ни таланту. Этого ведь у нас самих довольно. И сколько замечательных кроме этого. Но в доме Gagny я ни с кем, кроме Терапиано, не разговариваю. Здесь старики и старухи — зубры, глубоко православно-монархичные и злостные сплетники. Терапиано же, которого я совсем мало прежде знала, оказался премилый. Но он, бедный, захворал, и его свезли в госпиталь^[206]. Ему,

слава Богу, лучше, и он скоро вернется.

Теперь у меня к Вам странная и даже немного неприличная просьба — пожалуйста, не говорите никому, что Вам не нравятся стихи «Посмертного дневника» — очень Вас прошу об этом.

Г<еоргий> В<ладимирович> сказал мне: «Знаешь, мне кажется, что я этим поставил себе сам памятник». Мне это тоже кажется, и для меня огромное утешение, что и читатели так думали бы. А если начнут сомневаться — мне это было бы страшно больно — за Г<еоргия> Владимировичам

Конечно, я понимаю, что Вы относитесь к стихам очень честно. На этот раз покривите душой — не говорите ничего. Очень, очень Вас прошу. Я хотела бы, чтобы эти стихи действительно стали бы «памятником». Для меня как раз страшно важно, когда и как они были сочинены.

Напишите подробно, как Вы живете в Холливуде. Как здоровье Вашей жены? И как ее карьера? Стали ли Вы уже профессором? Г<еоргий> В<ладимирович> Вас любил, и я в память его чувствую к Вам большую нежность. Мне бы «потерять» Вас было бы очень обидно. И грустно. Ну, конечно, писать мне, если Вам некогда, не надо. Мои чувства к Вам от этого не изменятся.

Пусть Вам всем будет хорошо. Поцелуйте от меня Бобку. Как ему нравится новая жизнь?

С сердечным приветом
И.О.

12 февраля <1959 г.> 18, Av<enue> JeanJaures Gagny (S. et O.)

Дорогой Владимир Федрович,

Спасибо за Ваше милое письмо. К сожалению, о себе ничего хорошего сказать не могу. Я все хвораю и чувствую себя совершенно отвратительно — даже хуже, чем в Nyeres. Но об этом мне писать слишком грустно.

Лучше о Вас. Читала Вашу статью в «Мостах»^[207] и, простите, не согласна с Вами, что короткие стихи непременно должны нить, а длинные будут оптимистичны — огрубляю Вашу мысль для краткости, простите.

Я сама почти всегда пишу длинные стихи, но мой оптимизм совсем не зависит от их длины, а от моего характера. Длинных стихов сейчас почти никто не пишет — не хочется никому, да и дыхания иногда не хватает. Но уверяю Вас, что в длинных стихах стонали бы так же, как и в коротких, только длинные стихи сейчас считают, за исключением нескольких поэтов, совершенно несовременными. Уже Гумилев со мной спорил и уговаривал меня не писать баллад, уверяя, что стихи больше чем 7 строф выдержать не могут — т. е. непереносимы для читателя. Я, как видите, его не послушалась.

Кстати, Гуль по ошибке порезал мое последнее стихотворение в «Н<овом> журнале» и тем его совершенно испортил. Но меня сейчас это не огорчает — не до того мне. В «Посм<ертном> дневнике» в «Аспазии» тоже опечатка. Вместо «А кто она была такая?» напечатано «А кто она такая?» — на стопу меньше. Выбор стихов — я послала их довольно много — неудачный. Слишком какой-то сказочно-игрушечный: «Бре-ке-ке», и «Аспазия», и «Размахайчик» подряд, конечно, помещать не следовало. Но этого я Гулю не писала — он страшно обидчив, и я не хочу его обижать ничем. Это я только Вам. Как у Вас со стихами? И довольны ли Вы Холливудом? Я очень рада, что не поехала в Америку, там бы мне наверно было бы еще хуже в моем состоянии. И климат Нью-Йорка меня бы доканал.

Как здоровье Вашей жены? Надеюсь, что она совсем поправилась. А что Ваша матушка нашлась^[208], все-таки очень хорошо — хотя, конечно, беспокойно. Это я понимаю. Поцелуйте от меня всех собак.

Пишите мне, пожалуйста, побольше о себе. И не откладывайте слишком. Всего-всего наилучшего.

Ваша И. О.

5 января 1960 г. 18, Avenue Jean Jaures Gagny S/O

Дорогой Владимир Федрович,

«Вот наконец оно само,

Столь долгожданное письмо!»,

как когда-то писал Г умилев. Все же очень мило, что Вы в конце концов обо мне вспомнили. Рассчитывать на Вашу дружбу я, конечно, не имела никакого основания. Это бедный Жорж, умирая, тешил себя всякими иллюзиями о предполагаемых друзьях, которые в память его... и так далее. Я же ни от кого ничего не ждала и не жду, и то, что Вы все же нашли возможным написать, мне очень приятно. Спасибо.

Я рада, что для Вас, по-видимому, все устраивается. Жаль только, что Вы не пишете стихов. Жду выхода «Гурилевских романсов». Критика, конечно, будет хорошая. В «Р<усской> мысли» Терапиано^[209], который очень любит «Гур<илевские> романсы». А в «Н<овом> р<усском> слове» кто? И в «Нов<ом> журнале», который, кажется, не собирается умирать^[210]. А как Вам понравился Ульянов об Азефе?^[211] Вот это критика. Тут она произвела сенсацию пышностью подхалимажа. Даже жаль Ульянова, несмотря ни на что.

Как ни странно, я до сих пор не читала «Воздушных путей», но слышала, что Ваша статья очень интересна^[212].

С Моршеном я, действительно, сердечно подружилась, он неожиданно оказался страшно милым ко мне. А тут еще появился его очаровательный «Тюлень» — до чего очаровательный. Я о нем написала с большим удовольствием для «Нов<ого> журнала»^[213], который никак не может появиться.

Обо мне довольно безутешно. Я все время больна, и доктор даже предупредил, что «опасно». Но это неинтересно.

А как Ваше собачье семейство? И как Вам живется в Холливуде? Как здоровье Вашей жены? Надеюсь, хорошо.

Поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам всем всяческого благополучия, и Вашей матушке также.

Теперь у меня к Вам просьба — очень грустная: Жоржин гроб хотят перенести на парижское кладбище, где лежат все писатели, а пока он находится в fosse commune^[214] в Nuyeres, т. е. через 3 1/2 года у него даже

могилы не будет. Устраивается комитет для сбора средств на перенесение и покупку места на кладбище в St. Genevieve^[215]. Так вот, хотите ли Вы быть членом комитета? Пишу Вам об этом под конец оттого, что мне это очень трудно.

Всего наилучшего.

И. Одоевцева

<На полях:> И. Агуши^[216] написала мне, я ей ответила, что у Вас есть письма, — только, пожалуйста, показывайте «с выбором» и осторожностью. Жорж Вам писал слишком откровенно для посторонних глаз. На диссертацию не очень рассчитываю, т. е. на ее ценность.

Вот мои последние стихи^[217].

21 февраля 1960 г.

18, Avenue Jean Jaures Gagny S/O

Дорогой Владимир Федрович,

Спасибо за Ваше такое милое письмо. Нет, я не верю, что мысль изреченная есть ложь. Мне кажется, что всякую мысль можно выразить словами — мысль, а не ощущение, конечно, — или недодуманную полумысль.

Во всяком случае, Вам это со мной удалось — никаких холодных ноток, как видите, не осталось. И я очень рада этому — мне за последнее время пришлось пережить столько разочарований, что всякое проявление симпатии, которому я могу верить, меня не только трогает, но и удивляет.

Рада я также, что Вам понравилась моя статья о «Тюлене». Надеюсь, что и Моршен останется ею доволен. Но разве кто-нибудь, кроме Трубецкого, «тяфкал» (через ф, как писал Гумилев. Он был еще безграмотнее, чем я) на «Тюленя». С Трубецким считаться не стоит, и вряд ли кто-нибудь относится серьезно к нему и его писаниям. Я читала очень лестную критику Струве^[218], и Терапиано его тоже очень хвалил в «Русской мысли»^[219]. А где же и кто же еще о нем писал? Сообщите, пожалуйста, чтобы при случае лягнуть обидчика «Тюленя».

Теперь, непонятно, с моей точки зрения, почему Чиннов сильно повысился в чине, с нележкой руки Адамовича^[220]. Ничего против Чиннова я не имею — ни за, ни против. Просто он мало оригинален — Георгий Иванов постоянно слышится в его стихах^[221] — делает он свои стихи с несомненным мастерством и даже виртуозностью — но меня он не интересует. А шум, поднимаемый вокруг него, не только безвкусен, но и смешон. Но это, конечно, между нами — хотя я знаю, что с Вами бояться сплетен нечего. И слава Богу. Здесь даже у стен уши, и все сейчас же становится всем известно, и все стремятся всех со всеми поссорить. Милые люди — Софья Прегель и Терапиано — ни интригами, ни сплетнями не занимаются. «Гурилевские романсы» еще не вышли. В «Русской мысли» о них — и хвалебно, конечно — будет писать Терапиано. А в «Новом русском слове» кто? Впрочем, у них пресса будет отличная. Я Вас понимаю, они успели Вам стать почти чужими. Слишком много времени прошло. Все же хорошо, что они наконец будут напечатаны «Рифмой» — ведь еще Ирина Яссен писала мне об этом, и мы с Георгием

В<ладимировичем> радовались за Вас.

Спасибо за желание написать Е.П. Грот и Моршену. Мне это и трудно и грустно. Почему Г<еоргий> В<ладимирович> похоронен в fosse commune? Но разве Вы не понимаете? Его похоронили, как хоронят всех богадельцев. И я вначале даже была против переноса его гроба. Раз его не захотели спасти, когда еще не было поздно, перевоз в Париж мне казался просто оскорблением его памяти. Сейчас я думаю иначе, и мне страшно, что через три года — если его оставят там — его просто сбросят в настоящую fosse commune, пока что у него два метра земли, но там можно только ждать окончательного места вечного успокоения. Если бы Вы знали, как мне тяжело и больно говорить об этом. И ведь даже неизвестно, удастся ли собрать достаточно денег. Впрочем, Водов меня «успокаивает»: «Живому не дали, мертвому дадут». А нужно не меньше 800 долларов. Не знаю, не знаю, но и в Нюерес если купить могилу, то это будет стоить немногим меньше.

Я написала Гулю, но к моему изумлению, он даже не ответил мне. Донесли мне, что он недоволен моей статьей^[222] — не того ждал. Но я не Завалишин и Ульянов — подхалимажем не занимаюсь. И так меня многие осуждали за чрезмерные похвалы. Но насчет ужасного стиля я не могла промолчать. И это его обидело. Ведь он сам выбрал меня в восхвалительницу — и оказывается, напрасно. Где мне с Ульяновым тягаться!

Простите за это скучное и тягостное письмо. Я всю зиму хворала, сейчас начинаю немного оживать. Живется мне неважно, даже очень. Если бы я могла работать, я была <бы> довольна. Но это мне еще не удастся — пока. Только иногда сочиняю стихи или какую-нибудь чепуху для «Р<усской> мысли». Ни денег, ни успеха это не дает, к сожалению. А без того и другого — трудно.

Вы забыли, Вы мне писали о моем Хлебникове. Но мне, конечно, очень приятно, что Вы его одобряете. Мне хотелось бы знать, что Вам понравилось в моих новых стихах? Напишите откровенно — и что не нравится. Подумайте, приехавшие из Москвы студенты читали наизусть стихи Г<еоргия> В<ладимировича> и говорили, что он их любимый поэт. Мне это вчера передали.

Желаю Вам всего наилучшего. Не забывайте меня хотя бы в память Г<еоргия> В<ладимировича> — ведь он Вас любил.

Ваша И. О.

<На полях:> Ваша статья в «Воздушных путях» очень хороша, чего не

скажешь о «Темах» Адамовича. А как Вам нравится Ахматова?^[223]

Для ясности — стать членом ком<итета> значит только дать свое имя — и не обязывает ни собирать деньги, ни хлопотать, писать и т. д.

22.3.60

Дорогой Владимир Федрович,

Не дождавшись от Вас ответа, пишу сама, чтобы поблагодарить за 100 новых франк<ов>, полученные — через Вас — от епископа Сан-Францисского^[224]. Большое спасибо. Огромное. И еще, чтобы попросить Вас прислать Вашу статью о Г<еоргии> В<ладимировиче> — знаю от Гуля, что Вы написали — и напечатали^[225].

На этой благодарности кончаю, в надежде, что Вы найдете минуту вспомнить обо мне.

Но не настаиваю и не тороплю.

Сердечно Ваша

И. Одоевцева

31 марта <1960 г.> 18, Av<enue> J.Jaures Gagny S/O

Дорогой Владимир Федрович,

Конечно, было бы правильное дожидаться «Гурилевских романсов», перечесть их и тогда, уже под новым впечатлением от них, ответить Вам.

Но Ваше письмо меня так удивило, что я должна сейчас же постараться выяснить, за что, собственно, Вы меня «дружески ругаете» и где и когда Вы слышали или читали, что я произвела Аронсона «чуть ли не в лучшие эмигрантские критики»? Нигде и никогда (даже в письмах) я о нем ничего не писала. Имя его воспроизвожу здесь письменно впервые. Другое дело, что я считаю его никаким критиком и болваном, но даже мнения такого я, кажется, и в разговорах не высказывала — за слишком ясной очевидностью его, вроде «Волга впадает в Каспийское море». Но — и тут я холодею — что-то о нем чрезвычайно лестное припоминаю, подписанное некой Зинаидой Шех..., Шах... или Ших-разевой или — разниной^[226], не помню. Неужели же, неужели и Вы приписали мне ее писание? О Господи! Здесь, в Париже пущен был этот гнусный слух, но я никак не предполагала, что он мог долететь до Америки. Нет, клянусь памятью Г<еоргия> В<ладимировича>, никогда я не подписывалась Ших-, Шах— или как ее там. К тому же она, если помню, восхищалась моей статьей (что вряд ли я, при каких бы то ни было обстоятельствах, могла сделать) и ругала Оцупа (тоже вполне немыслимый для меня поступок^[227]). Что же касается Аронсона — то это был бы грех меньший, чем два предыдущие, однако я в нем — о нет — не грешна.

Я сочла недостойным себя отречься от авторства этой статьи, однако Водов тогда же поместил заметку, в которой от редакции «Р<усской> мысли» заявил, что З.Ших... или Шах... не имеет ничего общего с И. Одоевцевой^[228]. Кстати, это, кажется, был Зиновий, а не Зинаида, т. е. лицо мужского пола, сумевшее сохранить анонимат, но замолчавшее после своего неудачного выступления.

Но то, что Вы меня приняли за него, меня глубоко огорчает. Боже мой, до чего же Вы меня не знаете. И насколько не «видите» и не «чувствуете». Даже страшно становится. И стоит ли вообще печататься, если умные и дружеские глаза видят такое? Что же тогда видят и думают читатели безразличные и не очень дальновидные в умственном отношении? Грустно, грустно, страшно грустно. Но довольно об этом.

Мне действительно показалось, что Гуль писал мне о какой-то В<ашей> статье по-английски. Письма его я не сохранила. Он или я ошиблись. Статья Ваша в «Опытах» у меня, конечно, хранится, как драгоценность.

Спасибо за добрые слова о моих стихах. Очень меня они тронули и дошли до сердца. Но читали ли Вы, как меня «разделал» некий Рафальский в «Н<овом> р<усском> слове»?^[229] За «Контрапункт»! А я уже забыла, когда его писала — ведь там все больше стихи 30-летней давности, ничего общего с моими теперешними стихами не имеющие. Это акт мести — мстят мне за то, что при жизни Жоржа перед ним — и передо мной — ползали на животе. Особенно старается прежний прославитель, а теперь первый мой враг Померанцев^[230], восхищающийся Рафальским. Гуль предложил мне найти защитника, так его возмутила эта статья. Но Адамович раньше осени обо мне написать не сможет, а к тому времени все это забудется. Если бы Вы не были так заняты, я бы без стеснения попросила Вас. Видите, как я уверена в Вашей дружбе. Но так как Вам совершенно некогда, то об этом даже вопроса не возникает.

Я об этой «Первой и последней» получила столько писем и сочувствий, что даже поднялась в собственном мнении — значит, мои стихи многие любят, чего я не знала.

Живется мне очень и очень трудно — и морально, и материально. Ах, уж эти Maisons de Repos^[231], это гнезда сплетен, злобы и гнусности. Ужасно быть вынужденной жить в них. В особенности одной. Более интегрального одиночества себе и представить нельзя. Но я не хочу жаловаться. У Вас и своих забот довольно — «незачем меня жалеть» и помочь трудно, вернее, невозможно.

Видите, как я расписалась, ничего Вам не написав. Но Вы меня не обидели, а только огорчили, приняв за З. Ш. Не вздумайте только огорчаться этим.

В следующем письме сообщу мнения парижан о «Гур<илевских> ром<ансах>» (пока все лестные). Спасибо за желание помочь с переносом. И вообще — спасибо. Поцелуйте Фигу и всех остальных. Сердечно Ваша

Ирина Одоевцева

<На полях:> Как псевдоним я использую исключительно: Андрей Луганов^[232] — имя моего же героя. Другого — кроме И. О. — у меня никогда не было.

22 апреля <1960 г.>

Воистину воскрес!

Дорогой Владимир Федрович,

Большое спасибо за готовность защитить меня. Спасибо от меня и от Г<еоргия> В<ладимировича>, если он видит, что происходит на земле (в чем я, к сожалению, не совсем уверена), то и он В<ас> благодарит.

Я Вам уже, кажется, писала, что Вас он считал другом, который и ко мне перейдет по наследству. Вот Вы и доказали, что он не ошибся, что меня вдвойне радует — за него тоже.

Посылаю Вам статью Рафальского. Возмутительно в ней изображение меня как какой-то «Мадонны Слипингов», танцующей ча-ча-ча в разных курортных казино. Особенно гнусно, когда у меня такое горе и я живу в таких унижительных условиях. К тому же он говорит только о «Контра—пункте»; как будто не знает, что до и после него я написала очень много совсем других стихов. Я просто чувствую себя вымазанной дегтем.

Но довольно. Лучше о Вас. «Гурилевские романсы» всем, решительно всем нравятся. И это очень и очень хорошо. «Башмак по всем ногам»^[233], как когда-то неуклюже перевел Гумилев. Помню, как они очаровали Г<еоргия> В<ладимировича> и меня в 25-м номере «Н<ового> журнала». Г<еоргий> В<ладимирович> многое знал из них наизусть и часто цитировал: «До чего талантливо».

Я боялась, что на меня, слишком давно и хорошо знающую «Гур<илевские> ром<ансы>», они теперь уже не произведут прежнего впечатления. Но страх оказался напрасным — они по-прежнему меня очаровывают. Поздравляю Вас от всей души. «Гур<илевские> ром<ансы>» выдержали трудное испытание временем. Сколько стихов нравятся при первом чтении и блекнут при втором.

Что вы меня приняли за «Зинаида», меня уже не огорчает. Но не странно ли, что сплетни, ложь и клевета так крылаты. Ведь ничего хорошего никто никогда не передает — хотя бы лестные отзывы о стихах.

Я очень рада, что у Вас светлое настроение. Успех «Гур<илевских> ром<ансов>» еще принесет Вам много счастливых минут — успех, действительно, редкий и совершенно реальный. Надеюсь, что Вы в этом отдаете себе отчет. Я даже немного завидую Вам, хотя и на редкость независтлива.

Желаю Вам всего самого лучшего. Спасибо за слова утешения.

Сердечно Ваша

И. Одоевцева

<На полях:> О том, как мне живется и что я переживаю, предпочитаю не писать. Но повторяю — очень ценю слова утешения. Очень.

Терапиано напишет о Вас очень хорошо — мы с ним говорили о «Г<урилевских> ром<ансах>» и одинакового о них мнения.

29 апреля <1960 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Не знаю, как и благодарить Вас. Жалею только, что Вы не послали письмо сразу. Ни прибавить, ни убавить в нем ничего нельзя. Да и написать лучше вряд ли возможно. Еще раз спасибо от всего сердца. Мне даже как-то легче дышать и жить, раз у меня нашелся такой защитник и друг.

Ваша И. Одоевцева

<На полях:> Не позже чем завтра напишу Вам настоящее письмо — о «Гур<илевских> романсах» и прочем. Сейчас тороплюсь, чтобы не пропустить полет письма.

13 мая <1960 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Чек посылайте на имя Терапиано. Ведь он секретарь Комиссии^[234], я же тут ни при чем и участвую только горем.

Е.П. Грот, конечно, думала поступить правильно и корректно, но доставила Вам лишние хлопоты, а Вы и так перегружены, по-видимому, работой. Но ведь она от уважения к Вам.

Я хотела Вам написать сейчас же после Вашего письма, но я все это время чувствовала себя так плохо, что впала в полное отчаяние, что со мной случается, к сожалению, часто. Ничего не болит, но от слабости я просто не стою на ногах. Не могу ни писать, ни даже читать. Я уже полгода как не писала стихов. А Вы?

Мне бы очень хотелось знать, как Вы живете. Лучше, чем на прежнем месте? И играет ли Ваша жена и как ее здоровье? Вы писали, что она была больна. Надеюсь, это давно прошло и она довольна.

Какие лекции Вы читаете? О поэзии? Мне очень интересно. Напишите подробно. Я слушаю по радио лекции в Сорбонне и хочу сравнить их с Вашими. Теперь о «Гур<илевских> романсах». Терапиано написал о них очень хорошо и хвалебно. От здешних поэтов отзывов не услышишь — они заняты только собой и читают только себя, зато с само-восхищением. Зато я от многих культурных читателей слышала величайшие похвалы. Я не только их поддерживала, но даже хвасталась эпистолярной дружбой с Вами. Говорили о Вашей оригинальности, о чудесной свежести ощущений, об умении из деталей создавать незабываемую картину и так далее.

От себя я добавила — замечательно правильно взятый тон и какая-то особая скрытая музыкальность в разливе строк, я даже вспомнила «chant cache»^[235] Цицерона; что показалось Вашим поклонникам интересным. Но главное, это то, что Вы в «Гур<илевских> романсах» сумели заставить обыкновенные, избитые слова зазвучать по-новому, будто это новый язык, язык, который сейчас ищут почти все поэты.

Я об этом — т. е. о необходимости нового языка — пишу в статье о «Странствиях»^[236]. Мне хотелось бы привести Вас примером, но это бы удлинит и осложнит газетный фельетон «Р<усской> мысли».

Вообще, мне очень хотелось написать о Вас. К сожалению, негде. Но и без меня в «Р<усской> мысли» отзыв превосходный. Иначе, впрочем, и

быть не могло. Думаю, что «Гурилевск<ие> романсы» добьются запоздалых лавров.

Конечно, все эмигрантские успехи — буря в стакане воды — вот если бы вернуться в Россию! Долетают ли туда наши «Приглушенные голоса» и «Гур<илевские> романсы»?

Говорят, что можно просто послать книгу Пастернаку или кому пожелаешь — и дойдет. Я не пробовала. А Вы? Я бы очень хотела послать стихи Жоржа.

Теперь скоро выйдет и моя книга «За десять лет»^[237] — со времени выхода «Контрапункта» как раз 10 лет. И каких лет — «считать на горе, выйдет лет 500»^[238], перефразируя Моршена.

Кстати, до чего Моршен мне нравится. Прелесть. Мы с ним поспорили из-за стихов — его новых. Но в письме ничего не объяснишь. Я даже не умею сказать Вам, почему я так люблю «Гур<илевские> романсы», — для этого нужен разговор. Или статья.

Ну, до свидания. Поблагодарите В<аших> знакомых от меня. Привет всему собачьему семейству и всяческих благополучий Вам

Ваша И. Одоевцева

<На полях:> Статью Терапиано вышлет в тот же день, т. е., наверное, завтра, т<ак> ч<то> получите ее вместе с моим письмом — наверное.

30 мая <1960 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Это не письмо, а только подтверждение-благодарность за чек, который я передала Ю.К. Терапиано. Я ведь тут ни при чем.

Очень рада, что Вам понравилась статья Ю<рия> Константиновича^[239]. Он мне ее читал, и я ее очень одобрила. Она в особенности выигрывает рядом с явно вымученными одобрениями поэм Пиотровского. Не похвалить Пиотровского, т. е. откровенно сказать, что о нем следует сказать, Ю<рий> К<онстантинович> не мог. Это сочли бы за сведение счетов.

Но Пиотровский все же понял и смертельно обиделся на Ю<рия> К<онстантиновича>, а заодно и на меня, как «вдохновительницу восторгов» перед «Гурилевскими романсами». Он, видите, считает себя «первым поэтом эмиграции» и имел наглость заявить, что Георгий Иванов был неважным поэтом, «плохим Фофановым» — в чем убедил нового врага, Померанцева. Если бы Вы только знали, до чего они все ползали на животе перед Жоржем. Впрочем, я все это напрасно сообщила Вам. Я очень, очень прошу, чтобы это осталось между нами. Конечно, вздор, что мое влияние на Терапиано вызвало похвалы «Гурилевским романсам». Они просто нравятся ему. И как бы ему при его вкусе они — спрашивается — могли бы не нравиться?

Еще конфиденциально — упрек в некоторой длине «Г<урилевских> романсов» поставлен, только чтобы доказать «беспристрастие», чтобы были не одни только восторги. Не знаю, напишет ли Вам об этом всем Ю<рий> К<онстантинович>. Но помните, Вы от меня ничего не знаете. Ю<рий> К<онстантинович>, на которого я никак не могла рассчитывать, оказался выше всяких похвал в отношении памяти Георгия Иванова.

Вы и он только и оказались настоящими друзьями Георгия Иванова, а значит, и моими. Жаль, что Вы не прислали мне В<ашего> письма с сокращениями. Алексеева уже послала его Рафальскому, а я его еще не читала. Спасибо за статью о Г<еоргии> В<ладимировиче>. — Epatage^[240] — слово русское, но может сойти и за французское, раз существует epatement^[241]. Никто не заметит, и к тому же pariskaya nota его оправдывает.

Я хотела написать только два слова, а исписала вдоль и поперек целый

лист. Мне всегда столько хочется Вам сказать. Пусть Вам будет хорошо.

Желаю Вам всего наилучшего — всему Вашему дому. Глубокий поклон собакам.

Сердечно Ваша

И. Одоевцева

8 декабря <1960 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Я очень давно Вам не писала, но помню Вас всегда. И очень нежно.

К тому же я получала сведения о Вас от Ю. Терапиано и знаю, что у Вас все благополучно.

О себе ничего веселого сообщить не могу, а жаловаться нет охоты. Вот я и молчу.

Все же мне очень хотелось бы быть с Вами в контакте. Вы — один из немногих, даже очень немногих, обитателей земли, которых я ценю. И как поэта, и как человека. Да, совершенно искренно.

Ценю я также и Вашего Моршена. Но, к сожалению, его теперешние стихи меня скорее огорчают, чем радуют. Надеюсь, что только временный срыв. А все же досадно.

Не сообщайте ему, пожалуйста, моего мнения о его после-тюленных стихах. Ведь неуместное замечание может ему принести вред. Я хотела бы теперь помочь ему советом, но он не из тех, кто слушает советы. Они ему ни к чему. Я же, напротив, нуждаюсь в советах, в поощрении, одобрении и «читательской любви».

Кстати, читали ли Вы в «<Новом> р<усском> слове», как меня Аронсон превознес, после статьи Адамовича обо мне?^[242] Ваше утверждение, что Адамович производит в генералы, оказалось правильным. До сих пор я была только вдовой генерала. Теперь же и сама генерал, то есть сразу и генерал, и генеральша. Но это очень многим не по вкусу. А мне, не скрою, приятно слегка. На днях выходят мои стихи. И вот, я решилась Вас просить написать о них в «Н<овом> русском> слове», — если, конечно, Вам это не неприятно и не неудобно. Но Рафальский опять хочет меня «разгромить окончательно». И необходимо помешать ему в этом. И заранее занять в «Н<овом> р<усском> слове», заявить, что Вы дадите отзыв о моих стихах. Если бы Рафальский просто бранил мои стихи и даже пристрастно критиковал их, я бы ничего не имела против. Но он старается оскорбить меня, неизвестно почему. Кстати, он уверяет, что «восхищается» моими стихами и «любит» их. И даже где-то сказал, что я равна Ахматовой. Странная и отвратительная любовь-ненависть! Так вот — если можете и, главное, хотите, напишите обо мне. Если же считаете это для себя неудобным, я ни в какой претензии не буду. Не обижусь, хотя и

пожалую.

Только очень прошу Вас сразу мне ответить, да или нет. Объяснять, почему «нет», не надо. Как и не надо против желания соглашаться писать.

Если «да», то я сейчас же пришлю Вам еще не сброшюрованные стихи, как уже послала их Тарасовой, пожелавшей о них писать^[243].

Ну, вот. Теперь решайте. Но пусть это Вас не беспокоит и не огорчает. Отказывайтесь с легким сердцем — обиды не будет.

Какая идиотка Анстей. Я в «Современнике» нарочно для нее написала несколько строк о «Г<урилевских> романсах» как Андрей Луганов^[244]. Не могу надивиться ее непониманию поэзии. Ведь она сама недурно пишет. А в стихах чужих ровно ничего не смыслит — глупейшая статья о Пастернаке в «Гранях»^[245]. А Ваши замечания о переводах Пастернака интересны^[246].

Теперь у меня еще и другая просьба — нельзя ли получить пальто для Терапиано, зимнее и легкое. Он изнемогает от тяжести своего холодного пальто. Если можете раздобыть ему легкое и теплое, сделаете доброе дело. Вот его размеры:

Рост — 1 м<етр> 75 с<антиметров> рукава — 63 сант<иметра> грудь — 49 <сантиметров> талия — 110 с<антиметров>!

Он, бедный, очень растолстел после операции, хотя и находится на вечном режиме.

Хотелось бы, чтобы Вы прибавили и костюм, но уже для старичка, нашего приятеля. Роста он такого же, талия — 95 сант<иметров> Этого старичка любил Жорж, и я его даже выписала в Ганьи и забочусь о нем. Говорят, в Америке студенты охотно жертвуют свои вещи. Боюсь только, что все они тонкие.

Пожалуйста, если посылку не удастся послать, не пишите об этом Терапиано. Это я для него стараюсь. Сам он не стал бы просить.

Приезжала И.Г. Агуши — клялась в вечной дружбе, наобещала былей и небылиц и посылок. Но, уехав, по-американски все забыла. Бог с ней.

У меня неожиданно обнаружилась прекрасная фотография Жоржа. Когда соберусь с деньгами, размножу ее и пришлю Вам.

С самым сердечным и дружеским приветом и пожеланием благополучия всем Вам.

Ваша И. Одоевцева

18, Avenue Jean Jaures GagnyS/O 6 февраля <1961 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Я опять целую вечность не отвечала на Ваше такое дружественное письмо.

Но на этот раз у меня было смягчающее вину обстоятельство — я была очень больна, с жаром в 40,5. У нас тут злостная эпидемия гриппа, к тому же возвратного.

Но что меня удивляло, у меня ровно ничего не болело, так что хворать оказалось даже довольно приятно и даже утешительно.

Я все еще лежу в постели и, как всегда после сильной болезни, поглядываю на окружающее радостным взглядом. Все мне кажется лучше и милее, чем шесть недель тому назад. Жаль только, что пришлось пропустить столько литсобытий больших и малых.

Вот и вчера был доклад^[247] редактора «Граней» Тарасовой с забавными прениями, в которых нес чепуху Померанцев.

Сегодня Тарасова приезжала в Gagny и навестила меня. Она преславная и удивительно не по-эмигрантски уютна и добродушна. Здесь она всем очень нравится — даже жене Терапиано, которая не любит ни стихов, ни поэтов, к сожалению. Но она все же хороший человек, хотя и антипоэтический.

Я все еще не поблагодарила Вас за Ваше согласие написать о моих стихах. Спасибо большое. Адамович сказал, что Вы можете обо мне написать «как никто», и вообще неожиданно наговорил массу лестного о Вашем уме и вкусе. Неожиданно — оттого что от него другим всегда ждешь скорее осуждения, чем похвалы. Но о Вас он говорил так вдумчиво и серьезно, что я не могу не передать Вам его мнения о Вас, очень лестного.

Он, конечно, капризен в своих суждениях, но он по-настоящему умен, и похвала его не должна Вас оставить безразличным.

О пальто Ю<рия> К<онстантиновича> не огорчайтесь слишком. Раз не удалось, то и беды большой нет. Тем более что он ведь о моей «вылазке на одежном фронте» и не подозревает. И значит, все в порядке.

Я не помню, писала ли я Вам, что у меня обнаружилась очень похожая карточка Г<еоргия> В<ладимировича>. Если хотите, я ее пересниму для Вас.

К сожалению, как Вы и сами знаете, книга стихов ничего, кроме «славы», не приносит — никакого гонорара. Поэтому нужно, чтобы она «прогремела, как гром». А то уже слишком обидно. «Для того ли я, Господи, пела?» и т. д.

Еще раз спасибо, что Вы хотите мне помочь прогреметь. Я Вам действительно благодарна от всего сердца. Пусть Вам и всем Вашим будет хорошо. Душевно Ваша

И. Одоевцева

<На полях:> Очень меня тронуло, что бедный Бобка спит в пальто. Неужели собачья старость так же печальна, как человеческая. Все же она, наверное, не так отвратительна. Среди каких стариков и старух мне приходится жить.

23/III <19>61

Дорогой Владимир Федрович,

Я только что получила Вашу статью^[248] и пишу Вам в состоянии смущения и восторга.

Лучше написать нельзя было. Она даже превосходит статью Адамовича^[249].

Особенно замечательно начало, но и дальше все прекрасно. Кроме все же упрека в перевранной цитате. Нет, в этом я не грешна. Я привожу цитату из незаконченного рассказа Пушкина про чертей. Черт играет в аду в карты, приговаривая: «Мы играем не для денег, а чтоб время провести»^[250]. И я, и все мы в Петербурге постоянно повторяли ее по разным поводам. Кажется, я узнала ее от Ходасевича и даже читала ее в одной из его книг о Пушкине. Мне казалось, что она широко известна, иначе я, конечно, не взяла <бы> ее. «Если надо оправдываться, то не надо оправдываться».

Мне очень, очень интересно все, что Вы пишете, и невероятно приятно. И до чего лестно!

Вы правы — я довольно бесстыдно ищу читательской любви — она мне просто необходима. Хотя ее, как и многого житейски-необходимого, у меня нет. Не нравится и мне нарочитость концовки, обращенной к читателям, — это я уступила Софье Прегель (ей, между нами, я обязана книгой). Правы Вы и что горестные стихи больше всего нравятся читателям и доходят до них. Им бы хотелось, чтобы я издала толстый сборник «Розовые слезы», а остальные стихи выбросила. Я сама сомневалась, стоит ли помещать все «вдовьи слезы» в «Десять лет». Неловко как-то. Но меня уговорили — необходимо!

Я прочту Вашу статью еще много раз и разберусь в ней по пунктам — тогда напишу Вам подробно. Сейчас же мне надо ехать в Париж. И я могу только от всего сердца поблагодарить Вас. Спешно, но горячо.

Обо мне много писали — о моих романах — и часто хвалебно до крайности. Но это не радовало меня по-настоящему. Все это было «не то». А Вы именно «то». Адамович был прав, советуя попросить Вас. Кстати, он на днях будет здесь, и я узнаю, что он думает о Вашей статье.

Посылаю Вам портрет Жоржа. Это — «портрет со сходством», и даже большим, снятый в 1955 году.

Что Вы думаете о Пиотровском? Как он Вам понравился? В нем,

несмотря на его хвастовство и манию грандиоза, много хорошего. Очень много.

Желаю Вам всего самого наилучшего и побольше радости. Я благодаря Вам чувствую себя сегодня именинницей — вот Вы какой. Надеюсь, Вам это приятно.

Душевно Ваша
Ирина Одоевцева

25/111 <19>61

Дорогой Владимир Федрович,

Пишу Вам снова, но уже не по поводу Вашей прекрасной статьи, а обращаясь к Вам с просьбой.

Мой большой друг М.Ю. Крузенштерн-Петерец^[251] переехала из Рио-де-Жанейро в Palo Alto и никак не может найти там работы. Она умоляет меня обратиться за помощью к Вам и к Струве.

К Струве не решаюсь, но Вас горячо прошу помочь ей устроиться при каком-нибудь университете или колледже.

Она не имеет дипломов. Но знает французский, португальский, английский и немного немецкий язык. Она опытная преподавательница, писательница и поэт. И вообще вполне замечательная женщина.

Мне неловко обращаться к Вам, я знаю, как Вы заняты. Но я также по опыту знаю, как тяжело ей одной без друзей, не зная, что делать, встречая всюду отказ. «Человек человеку бревно». Но Вы ведь не похожи на «человеков». Вы все понимаете. Она готова работать в бюро или в библиотеке. С Palo-Alto она ничем не связана и могла бы переехать в любое место, где найдется работа. Может быть. Вы будете так добры и напишете о ней Струве, упомянув, что она мой большой друг.

Я послала ему «Десять лет», и он очень вежливо меня поблагодарил, но, зная его презрение ко мне, просить его сама не могу — перечла строки, посвященные мне в его книге, и запоздало возмутилась. Да и о Жорже тоже — подражал Одарченко и Штейгеру!^[252] О Господи! Неужели он это думал?

Еще раз спасибо за Вашу статью. Она всем очень нравится. Только «часами висит на телефоне» изумляет моих знакомых. Я, видите ли, терпеть не могу телефона и всячески избегаю его. Не могу разговаривать, не видя собеседника.

Меня очень заинтересовал портрет моей героини. Пожалуй, «Портрет без сходства». Нет, она в моем авторском сознании не такая. И все же я принимаю этот портрет, раз она такой выразилась в Вашем сознании. Ведь у нас и у наших героев столько обликов в зависимости от того, в ком мы или они отражаются, как в зеркале. Кстати, зеркальный мир чрезвычайно глубок, как Вам, конечно, известно.

Пусть Вам будет хорошо.

Душевно Ваша
И. Одоевцева
Адрес М.И. Krusenstern-Peteretz
1024 Emerson St. Palo-Alto.

Как Вам понравился Корвин?^[253] Он гораздо лучше, чем кажется. В нем много настоящего, несмотря на хвастовство и озлобление.

Как Бобка? Поправился ли с весной? Здесь старички молодеют и пьянеют от весны. Даже девяностолетние скачут по дорожкам сада.

Адамович очень хвалит В<ашу> статью. Очень.

6 мая 1961 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Ваше письмо меня неожиданно рассмешило. Не могу поверить, что Вы «умственно отдаете честь» Пиотровскому и стоите перед ним навтыжку. Неужели? И все оттого что его похвалил Адамович^[254]. Но, уверяю Вас, Адамович делал это из вежливости и безразличия. И главное, оттого, что Пиотровский приставал к нему до невозможности. Мне же Адамович не раз говорил, что Пиотровский «напрасно старается стать Пушкиным» и что все его писания никому не нужны. Но это, конечно, между нами. О Вас же Адамович говорит, что Вы талантливы и оригинальны, хотя иногда и раздражаете его. Так что, как видите, скорее Пиотровскому следует стоять перед Вами навтыжку. Пиотровский неплохой человек, несмотря на его хвастовство и вранье — верить ему абсолютно нельзя. Он законченный мифоман. Чего стоит его «граф Корвин-Пиотровский», в которого он самовольно превратился из местечкового еврея Пеотровского^[255]. Наверное, он Вам уже поведал «историю своего рода», как и свои невероятные успехи — во всех областях. Но, повторяю, он скорее достоин жалости, чем презрения — он больной. А жена его очень мила, и сын тоже.

К сожалению, он наверно сумеет очень скоро со всеми поссориться. Все же будьте к нему снисходительны. Меня он тоже возненавидел неизвестно за что и даже, после того как пресмыкался перед Жоржем, заявил после его смерти, что «считает его плохим поэтом и говорил ему об этом», что меня просто восхитило. Боюсь, что Вы, дорогой Владимир Федрович, страдаете комплексом неполноценности. Вам, право, есть чем гордиться не только над Пиотровским, но вообще — начиная с «Гурилевских романсов». Уже не говоря о Ваших статьях. Как хорошо Вы написали о стихах Чехова^[256]. Так умно и ясно.

Ну, вот. Надеюсь, я хоть немного поколебала Вашу несправедливость к себе самому, огорчающую меня. А теперь спасибо за хлопоты о Крузенштерн. Очень большое спасибо. Авось ей и удастся где-нибудь устроиться с Вашей помощью. Я не думала, что это так трудно в Америке.

Что же касается спора о пушкинских героях, то нет, я никакой цитаты не перепутала. Но найти Вам эту цитату вряд ли удастся. Она из неоконченного рассказа Пушкина. Я ее впервые услышала от Ходасевича

еще в Петербурге. Конечно, вина моя, что я взяла эпиграфом такую малоизвестную цитату. Сожалею об этом — ведь Вы не единственный упрекнувший меня в «искажении Пушкина», что, понятно, очень обидно, хотя и незаслуженно. Я думала, что все ее знают, вроде «Птички божией»^[257].

Как Ваши дела с домом? Удалось ли найти такой, как Вам нужно.

Представляю себе, как все это сложно и неприятно — переезжать, паковаться, устраиваться.

Надеюсь, что на этот раз Вы все будете вполне довольны новым домом и новым садом.

Меня огорчает, что Вы совсем не пишете стихов. Я же, напротив, к сожалению, совсем не пишу прозы, а только стихи. Их у меня после «Десяти лет» накопилось много. Но мне надо писать статьи и статьи для заработка, а я не могу себя заставить. И здоровья не хватает. Пишу Вам, лежа в постели. Несмотря на весну и солнце, я все же ухитрилась простудиться и кашляю.

Знаете ли Вы, что Вы не только доставили мне большую радость, но даже помогли мне лучше понять мои собственные стихи. Это огромная редкость. Похвалы всегда приятны, но в большинстве случаев они, как и упреки, как будто не имеют отношения к моим стихам. А Ваши попадают в цель.

Теперь обо мне будет писать Завалишин в «Н<овом> журнале». Ничего не жду от этой статьи^[258].

Желаю Вам всяческих радостей и удач и новых стихов.

Сердечно Ваша

Ирина Одоевцева

<вторая половина мая 1961 г.>^[259]

Дорогой Владимир Федрович,

Посылаю вам автограф «самого Адамовича»^[260], чтобы поднять Ваше самоуважение и заставить Вас понять, что Вас ценят много больше тех, о которых пишутся статьи (я в их числе).

Так вот. Терапиано передал мне о Вашем желании получить рисунок Хлебникова. Я сейчас же написала Анненкову и от себя. Я уверена, что Вы его получите^[261].

Поздравляю вас с новым домом. Надеюсь, что в нем все Вы будете себя хорошо чувствовать.

Я все время хвораю. Пишу стихи, но на прозу не хватает сил. Мне следовало бы серьезно лечиться, но не на что. Что Вы думаете о моих стихах в «Н<овом> журнале»?^[262]

Я задала этот же вопрос Моршену, и он мне серьезно и исчерпывающе ответил на него, к моему удивлению. Ведь первое — «черт знает что», а не стихотворение. Я его сочинила для саморазвлечения, а Терапиано уговорил меня его напечатать, в чем был неправ.

Зато в следующем номере «Н<ового> журнала» появятся два моих настоящих «трагических» стихотворения^[263], которых я не стыжусь.

На прошлой неделе здесь происходил парад поэтов^[264]. О Господи, до чего все это «не нужно никому»^[265] (строчка Адамовича). Очень, очень, очень грустное впечатление — понятно, что публика равнодушна к поэзии.

Желаю Вам всем всяческих удач на новом месте^[266]. Опишите мне, пожалуйста, и дом, и сад.

С самым сердечным приветом

Ирина Одоевцева

<июнь 1961 г.>^[267]

Дорогой Владимир Федрович,

Я все хвораю и не могу поэтому написать Вам, как хочу, длинное письмо. Я постоянно думаю о Вас очень нежно и грустно.

Вы, как это ни странно, очень меня огорчаете своим несправедливым отношением к себе. Лучше бы Вы уж ко мне относились так придирчиво-зло. Не могу Вам этого простить. Мне так хотелось бы, чтобы Вам жилось хорошо. Ведь Вы все для этого имеете. Так почему же, о Господи?

Конечно, мнение Адамовича значения не имеет. Все же для поднятия самоуважения роль сыграть может. По-моему. Простите, если, за отсутствием чувства юмора, не угодила.

Какой ужас Валентинов о Блоке!^[268] Новый позор для «Нового <русско-го> слова».

Желаю Вам от всей души всего наилучшего — в Вашем понятии.

Сердечно Ваша

И.О.

19 декабря <1961 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Вы меня совсем забыли — больше чем полгода от Вас ни строчки. А с Терапиано Вы в оживленной переписке. Следовательно, только для меня у Вас нет ни времени, ни охоты писать. Это грустно, тем более что я была очень больна и чуть не оглохла. Мне было очень плохо. В такие минуты необходимо дружеское участие. И Ваше молчание меня огорчило.

Огорчило, но не обидело. Вы мне когда-то писали, что Вы бессердечны. Тогда я не поверила. Впрочем, и сейчас не верю. Вы просто, мне кажется, не представляете себе, как другому трудно и тяжело и что Вы Вашим письмом могли бы помочь.

Но довольно об этом. Я совсем поправилась и чувствую себя сейчас превосходно. К тому же снова могу работать каждый день, чего уже годами не могла. Я начала писать мои воспоминания^[269], т. е. воспоминания о всех поэтах и писателях, которых я знала, с 1919 года по наши дни.

Как видите, «труд капитальный» и многотомный. И до чего нужный. Я отношусь к этому более чем серьезно и не шутя считаю «Воспоминания» делом моей жизни.

Ведь кроме меня уже почти никого не осталось, кто жил в те баснословные года и знал Гумилева, Лозинского, Шилейко и всех других.

Я уже написала четыре тетради, но не дошла еще даже до расстрела Гумилева.

Я пишу подробно и стараюсь дать портреты всех, кого я знала.

К сожалению, с осени 1922 года начнется эмигрантский период. Я очень жалею, что мне пришлось так рано покинуть Петербург.

Кстати, и Вы, конечно, тоже попадете в мои «Воспоминания». Поэтому будьте милым и пишите мне о себе, чтобы я правильно изобразила Вас. Когда дойду до 1956 (кажется?) года. Года нашего эпистолярного знакомства. Что будет не скоро.

Я хочу создать памятник. Видите, какие у меня «дерзкие мечты». Памятник не себе, а поэтам и писателям, современным мне. Заставить их жить в сознании будущих читателей. Как бы воскресить их. Это ли не «дерзкие мечты»? А? Я так занята этим, что даже стихов не пишу. Кстати, читали ли Вы в «Н<овом> журнале» мои стихи «Волшебная, воздушная весна...»?^[270] Ведь это о Вас и Вам.

Если я когда-нибудь еще издам книгу стихов, то посвящу их Вам. В «Н<овом> журнале» не сделала этого, чтобы не дразнить гусей, собратьев по перу.

А Вы? Пишете ли Вы стихи? Терапиано говорил, что Вы послали ему однострочные стихи^[271]. Прочту и напишу, что о них думаю. Ну, а многострочные? Неужели совсем нет?

В заключение приношу горячую благодарность за присылку Терапиано пальто и пэнтсов. Ведь это мне пришлось в голову попросить Вас. И я оглядываю Терапиано в его прекрасном пальто с чувством удовлетворенной гордости. Если бы да еще непромокаемое пальто к весне!

Терапиано, как Вы знаете, оказался для меня исключительным другом. Хотя я не имела никаких оснований рассчитывать на него. Мы с ним живем душа в душу и — что еще важнее — ум в ум. Ведь нам говорить абсолютно не с кем здесь. Слава Богу, теперь Адамович в Париже, и я часто его вижу, а то хоть волком вой, хоть закричи совой — от одиночества.

Сердечно Ваша
И.О.

<На полях:> Не пострадали ли Вы от пожара? Вопрос праздный. Знаю, что нет. Я очень беспокоилась о Вас, пока от Вас не было известий.

Посылаю Вашей жене капельку духов и прошу ее подушиться ими под Новый год. На счастье.

18 марта 1962 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Ваше письмо меня очень огорчило. И даже возмутило немного. О Господи! Кому же быть счастливым, как не Вам?

И что же тогда говорить и делать мне? Или Терапиано?

Единственное Ваше горе — и я ему сердечно соболезную — это смерть Бубки. Бедный король!

Остальное же не только благополучно, но — с моей точки зрения — просто великолепно.

Но, видно, Вы, к сожалению, очень похожи на Г<еоргия> Владимировича. Он тоже ничему радоваться не умел и страстно искал поводов для беспокойства и огорчений. Их, впрочем, у него было несравненно больше, чем у Вас. Он вечно ел себя поедом. И вечно ждал катастрофы. Не только в последние мрачные годы его жизни, но когда все складывалось для него — как сейчас для Вас — на редкость удачно.

Дорогой Владимир Федрович, я Вас очень прошу и заклинаю памятью Г<еоргия> В<ладимировича>, — опомнитесь! Постарайтесь себя переделать.

Уверяю Вас, что это возможно. У Вас ведь очень сильная воля. Ведь и Г<еоргий> В<ладимирович> погиб главным образом от «душевного запоя» и тоски. Отсюда и болезнь сердца.

Конечно, Вам будет легче справиться с собой, чем ему. Но и он, несмотря ни на что, мог бы еще долго жить, если бы сумел победить этот «запой».

Простите меня, что я пишу Вам такие неприятные вещи. Но мое искреннее желание Вам добра дает мне на это право. Не сердитесь на меня. И постарайтесь понять меня.

А теперь совсем о другом — «Однострочные стихи» мне чрезвычайно понравились. Многие из них меня просто поразили своею точностью, глубиной и исчерпыванием темы. Это чрезвычайно интересно и неожиданно.

А о Берберовой могу сказать, что она всегда была махровой дурой, только умела прежде скрываться под разными масками. Теперь же возгордилась и показывает свое настоящее лицо «царь-дуры». «Царь-дура», так звали — и несправедливо — Цветаеву^[272]. Ведь Цветаева была даже

гениальна. Берберова, напротив, вполне бездарна во всем. И в стихах, и в прозе, и в «критике». Ее даже жаль. Я в ней ценю работоспособность и энергию. Если бы ей чуточку ума и юмора, она была бы «хорошим газетным работником». Теперь же просто вредна. Сбивает с пути и соблазняет своею ученой дурью слабых — у нее найдутся ученики^[273].

Не понимаю успеха «Льдины». Стоит ли — раз она считается великим произведением — писать стихи? Ведь никто ничего не понимает. Надеяться на будущих читателей? Но и тогда будут свои Берберовы и Аронсоны. Как Вам кажется?

Впрочем, «Льдина» совсем не плоха и в текущей поэзии заслуживает скорее похвалы — недурна.

А вот Моршен меня порадовал. Не как «достижение», а как выход из тупика на дорогу. Только бы снова не заблудился в трех несуществующих соснах.

Терапиано после долгого молчания написал хорошую поэму «Эпоха»^[274]. Что свидетельствует о том, что способности не пропадают, а, напротив, развиваются с годами, а не усыхают.

Как жаль, что Вы так далеко, и Вы, и Моршен. Без литературного воздуха и поддержки поэтов очень трудно писать. Я это знаю по себе. Терапиано мне во многом помог, как и я ему. Думаю, что и Вы нам, и мы Вам тоже помогли бы.

Желаю Вам и Вашей жене всего наилучше-лучшего и шлю Вам обоим сердечный привет.

Ирина Одоевцева

30 июля <1962 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Спасибо за Ваше письмо. Впрочем, за такое безнадежно-пессимистическое письмо мне на Вас скорее следовало бы наброситься со всяческими: «Бога Вы не боитесь! Кому-кому, а Вам-то на что жаловаться?» и закончить ядовитым, как купорос, вопросом: «А что бы Вы, к примеру, стали делать на моем месте? Повесились бы? Или застрелились?»

Но я понимаю, что все это ни к чему. И что *comparaison n'est pas raison* ^[275]. Плохое утешение, что другому еще хуже — во всех отношениях — чем Вам. Нет, не во всех, пожалуй. Я одарена доходящей до глупости веселостью и жизнерадостностью, и это мне многое скрашивает. Только на прошлой неделе я послала в «Мосты» стихи:

...И казалось, что грустней,
Безнадежней и темней
Горестной моей судьбы.
Ну, а вот пойдя,
Бьется радостно в груди
Сердце... ^[276]

А Ваше сердце разве никогда не бьется радостно?

Я даже ночью просыпаюсь от радости, будто меня толкнули. И долго не могу сообразить, что радоваться абсолютно нечему. Скорее наоборот. И, сообразив, снова засыпаю.

Как бы мне хотелось Вас утешить! Но у Вас все есть — все, чего мне не хватает. Семья, удачная карьера, дом, собаки, друзья и пр. А у меня ровно ничего. Хочу завести себе плюшевую собаку, хотя будут говорить, что я впала в детство. И пусть. Все таки — друг.

Кстати, о друзьях. Из послания Дукельского я поняла, что он Ваш друг ^[277]. И мне кажется, что очень стоящий. Мне чрезвычайно нравятся «Послания» находчивостью, свободой и оригинальностью. Они даже

удивили меня — чтобы не поэт, а композитор мог так писать. Смутил меня только слегка восторг перед Корвиным^[278]. Неужели совсем искренний? Некоторые рифмы, повороты стиха и аллитерации просто очаровательны. А кто такие «армяне»?^[279]

Приезжал Гуль. Все, кто его видел, поражены. Говорят, вылитый президент Эйзенхауэр. Я «не имею опыта» — Эйзенхауэра никогда не видела. Но Гулем все же поражена.

Что Вы думаете о моем отрывке «На берегах Невы»?^[280] Моршен прислал мне за него похвалу, обрадовавшую меня. Я ведь и Вас, и Моршену очень люблю и ценю. И человечески. И поэтически. Как редко кого, ценю Вас обоих.

«Пусть Вам будет хорошо», как Вы пишете. От всего сердца желаю Вам этого. Почему бы Вам не прислать мне вашу диссертацию о Хлебникове, если есть лишний экземпляр?^[281]

И. Одоевцева

12 марта 1965 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Простите, что я так давно Вам не отвечала на Ваше долгожданное первое письмо. Ну, и на второе, конечно.

Первому я очень обрадовалась — я ничем не могла объяснить ваше молчание после вполне удачной встречи^[282].

Мне и Лидия Ивановна, и Вы очень и очень понравились. Я даже, признаться, была удивлена, как легко с Вами говорить и как правильно — с моей точки зрения — обо всем судите Вы. Вот и сейчас я совершенно согласна с Вами насчет Ахматовой, но, конечно, держу свое мнение про себя. А то скажут: «Завидует бедная богаделка». Для меня Ахматова кончилась в 22-м году. Остального могло бы и не быть, хотя им как раз и восхищаются самозабвенно.

Да, так вот. Я не писала Вам лишь оттого, что у меня было страшно мало сил. Я так устала и ослабела, что едва дышу, а писать писем совсем не могу.

Конечно, с радостью даю согласие на переводы Жоржа и была бы счастлива, если бы он стал известен в Америке^[283].

Конечно же и себя разрешаю переводить. Пожалуйста — сколько угодно!

Но почему такой неудачный выбор — и только юношеские стихи? Неужели и Вам нравится «Статуя»?^[284] Мне совсем нет. (Нельзя ли хотя бы выбросить последнюю строку: «Как вы думаете», или во всяком случае заменить на Ваше усмотрение.)

Впрочем, я, кажется, путаю, «В этом мире»^[285], кажется, тоже переводится. Но оно мне тоже не нравится. Я даже жалею, что поместила его в «Контрапункте». А теперь оно появляется всюду — и в «На Западе»^[286], и у Раннита, и у Вашего переводчика.

Лучше бы он взял «Скользит слеза» или какое-нибудь из «Десять лет» короткое.

Впрочем, я напрасно пишу все это. Мне, в общем, безразлично — и раз ему нравится, то и отлично. Я и не думаю протестовать.

Посылаю Вам иллюстрацию к «Статуе». Я думаю, что вид Летнего сада Вам доставит удовольствие. Одна моя знакомая привезла его в багаже,

забыв отправить из Ленинграда.

Ю<рий> К<онстантинович> рассказал мне, что Вы тоже чувствуете себя плохо. Очень Вам сочувствую и понимаю Ваше состояние и желаю Вам, как и мне, скорее справиться с ним.

Самый сердечный привет <пропуск в оригинале> и всем Вашим у compris^[287] собак. Пусть Вам всем будет хорошо.

Душевно Ваша

И. Одоевцева

<На полях:> Скоро выйдет мой сборник стихов «Одиночество»^[288].
Вам его сейчас же пошлю.

25 июня 1966 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Разве я, а не Вы не ответили на последнее письмо? Мне казалось... Но я не настаиваю. И ведь это, в сущности, не важно. Важно, чтобы оставался душевный контакт, а он у меня с Вами не прерывается.

Понимаю и сочувствую Вашей чрезмерной занятости. Я сама испытала ее в этом году. Окончить и сдать рукопись «На берегах Невы» оказалось чрезвычайно трудно и даже мучительно. Никогда ни одна из моих книг не требовала столько работы, на которую я не способна.

Я печатала «Берега» отрывками^[289], а когда пришлось их приводить в порядок и сводить концы с концами, впала в отчаяние.

Теперь это, слава Богу, позади и остается просто ждать, когда книга наконец выйдет^[290].

Постараюсь, как могу, ответить на вопросы о Жорже:

Фамилия его матери — Брау-Брауэр фон Бренштейн. Предки его — голландцы, но триста лет тому назад переселились в Польшу. Они имели баронский титул, которого лишились за участие в польском восстании. Два его предка участвовали в Крестовых походах. Все, и с отцовской, и с материнской стороны, были военные. Отец его служил в гвардейской артиллерии и был после турецкой войны, вместе с Мосоловым^[291], адъютантом Александра Батенбергского^[292].

«Те иль эти»^[293], по всей вероятности, навеяно пушкинским «эти вот и те, те, те»^[294].

Т.Г. Терентьева^[295] — бывшая заведующая Чеховским издательством.

«Мудрости земной», по всей вероятности, просто ирония.

Большая часть архива хранится у меня. Небольшую часть я передала в архив Йельского университета^[296].

Кстати, я была бы Вам очень благодарна, если бы Вы прислали мне хотя бы несколько писем Жоржа. Все Ваши к нему сохранились.

Ю<рий> К<онстантинович> передал мне, что Вы хотели бы получить мое искалеченное «Одиночество»^[297] в виде библиографической редкости. Посылаю Вам его с моими поправками.

Жаль, что в этом году Вы не собираетесь в Европу. Я надеюсь в сентябре поехать в Швецию, а позже еще и в Мюнхен.

Шлю Вам обоим мои самые сердечные пожелания.
Ваша И. Одоевцева

11 июля 1966 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Письмо вдогонку к первому — не можете ли Вы быть таким милым и вторично переснять портрет Жоржа из «Аполлона»? [\[298\]](#)

Меня просит издатель портрет Жоржа для «Берегов Невы». Присланный Вами еще в Иер снимок у меня кто-то утащил, когда я переезжала в Ганьи.

Надеюсь, что письмо еще дойдет — Вы еще не уехали на вакансии. Желаю Вам еще раз как можно приятнее их провести и хорошо отдохнуть. Сердечный привет Лидии Ивановне и Вам.

Ваша И. Одоевцева

20 августа 1966 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Спасибо за Ваше письмо. Надеюсь, что Вы и Лидия Ивановна хорошо отдохнули.

Впрочем, у Вас ведь круглый год лето, не то, что у нас — мы мерзнем и сейчас, в августе, и нам к тому же обещают раннюю и суровую зиму.

Я буду Вам очень благодарна, если Вы переснимете портрет Жоржа из «Аполлона».

Я предполагала, что мною «закончен труд, завещанный от Бога»^[299]. Оказывается, нет. Надо еще добавить две главы. Об Ахматовой и Анненкове.

Об Ахматовой я сначала не хотела писать, так как она гнусно поступила по отношению к Жоржу в «Воздушных путях»^[300], выставив его каким-то вралем, хвастающимся своей вымышленной близостью с Гумилевым и с ней. Оскорбилась же она тем, что Жорж в «Петербургских зимах» ее недостаточно превознес и даже посмел помянуть о поданной ей прохожим копейке — по рассказу Ольги Судейкиной^[301].

Но раз она умерла — то какие могут быть с нею счета?

Напишите мне подробно о Вашем кусающемся песике — какой он породы, возраста и цвета. Нет ли его фотографии?

Желаю Вам обоим всего самого хорошего.

Ю<рий> К<онстантинович> просит передать Лидии Ивановне и Вам привет.

Дружески

Ирина Одоевцева

17 сентября 1966 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Большое спасибо за фотоснимки. Вы мне этим сделали настоящее одолжение.

Но, к сожалению, второй снимок не тот, на котором Жорж. Это для меня два «анонима», не догадываюсь даже, кто они^[302].

На рисунке, где Жорж — он стоит на коленях на диване, en fass на диване, — там, если я не ошибаюсь, и Мандельштам^[303]. Должно быть, в другом номере.

Хотите ли Вы, чтобы я вернула Вам этих двух «анонимов»?

Вы ничего не написали мне про «кусачего песика» — он меня очень интересуется, как вообще все собаки.

Я уже начинаю «Берега Сены». Но совсем в другой манере.

Там, кстати, будет и наша с Вами и Лидией Ивановной парижская встреча, незабываемая для меня.

Надеюсь, что Вы все-таки хорошо отдохнули и набрались сил для Вашей дальнейшей чрезмерной работы.

Вы, наверное, видели Моршена. Почему он мне перестал писать? Ведь я всегда к нему хорошо относилась.

Желаю Лидии Ивановне и Вам всего доброго.

С сердечным приветом

Ирина Одоевцева

<На полях:> У меня радость — мне предложили издать полное собрание сочинений Жоржа. Не осталось ли у Вас все-таки его «размахайчиков» и первого «Отплытия на остров Цитеру»?^[304]

Я была уверена, что это письмо давно отправлено, простите, ради Бога.

22 мая 1968 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Большое, огромное спасибо за оттиск и за лестный, хотя и очень запоздалый отзыв о «Берегах». Я думала, что первые «Берега» потерялись, чем и объясняется посылка вторых — Вам и Маркову^[305].

Меня очень радует, что Вы написали о Жорже^[306]. Пора вспомнить о нем. Здесь его совершенно забыли, будто его вовсе не было.

Зато из России приходят известия, что там им начинают интересоваться — Евтушенко, приезжавший в Париж, читал его стихи наизусть, и несколько советских корреспондентов Ю<рия> К<онстантиновича> настойчиво просят прислать им «все книги Георгия Иванова», что — сами понимаете — невыполнимо.

Вы совсем по-новому подошли к стихам Жоржа. Кстати, могу подарить Вам еще одно самоповторение: в «Посмертном дневнике» в «Кошка крадется...» —

Небо в окне, как персидская шаль,

А в «Садах»:

И дальний закат, как персидская шаль^[307].

Я теперь и у себя ищу цитатности, а раньше я и у Жоржа не замечала ее. И как правильно — это у него началось с «Распада»^[308].

Очень хорошо, что Вы занялись Кузминым. Он тоже несправедливо забыт. Пора и о нем вспомнить. Не нужны ли Вам какие-нибудь справки о нем? С радостью сообщу Вам все, что знаю. У Ю<рия> К<онстантиновича> сохранились его «Сети»^[309] — дореволюционные. Я постараюсь найти у букинистов старый «Вереск»^[310] для Вас. Хотя не могу

обещать.

Мне, повторяю, очень лестно Ваше мнение о «Берегах», я ценю только мнения стоящие, а их очень немного. Конечно, Берлянд, а не Берлин — это «досадная опечатка». Их, к сожалению, масса. Особенно отвратительно в стихах Пушкина. Вместо «Глуп и нем» — «Глухи нем». Вместо «Зимы ждала, ждала» — «Зимы, зимы» — всего не перечесать. Слава Богу, читатели не замечают. Но мне обидно.

Кстати, и у Вас я заметила опечатку — в сноске, в письме Жоржа — не дяди, а деда — ведь дяди в 1848 у Жоржа быть не могло. Но здесь, вероятно, виноват почерк Жоржа, его иероглифы трудно расшифровать.

Моя поездка в Америку была для меня непрерывным праздником. Впервые со дня смерти Жоржа я чувствовала себя так хорошо — я просто жила там и мечтаю снова полететь в Америку. На этот раз на свои «шиши», а не камкинские. Камкин^[311] пригласил меня погостить у него в Вашингтоне и прислал мне 400 долларов на аэропальный билет. Я, конечно, с радостью сразу согласилась — и не жалею об этом. Напротив. Америка меня очаровала^[312]. Я жду не дождусь, когда снова сяду в аэроплан и полечу. После Америки жизнь в богадельне в Ганьи стала для меня еще отвратительнее.

Но так как я полечу на свой счет, надо подготовить целый ряд вечеров и выступлений в университетах. Я, конечно, не ищу материальных выгод — где уж там! Мне надо только окупить расходы. Мне здесь добрые души дадут деньги в долг. Но, как известно, долги надо возвращать.

Было бы прекрасно, если бы Вы могли, как Вы писали, устроить мне турне по Калифорнии. Мне очень хочется увидеть Холливуд, Сан-Франциско и побывать у Вас с Лидией Ивановной и познакомиться с Вашими собаками — ведь Вы, наверное, завели новых — все это крайне заманчиво. Я могу — если надо — приготовить несколько лекций. О чем говорил ученый Вейдле? И на каких основаниях он к Вам ездил? Неужели выписывали его из Мюнхена?

Я думаю для начала полететь в Нью-Йорк, а оттуда уже лететь куда пригласят, начав с моего вечера в Нью-Йорке и в Вашингтоне, где я обзавелась многими новыми друзьями.

Я бы хотела полететь уже этой осенью, пока не так еще холодно в Нью-Йорке — я боюсь сильных морозов. Если не удастся до Рождества, придется отложить до весны.

У Вас в Калифорнии, конечно, всегда хорошо, не то что в Нью-Йорке. Но, дорогой Владимир Федрович, если Вам трудно и некогда заниматься

моими делами, не делайте этого — я прекрасно пойму. Ведь Вы и без того очень заняты. Я не обижусь. Напишите мне откровенно.

Мы с Ю<рием> К<онстантиновичем> очень жалею, что Вы с Лидией Ивановной не посетите Париж этим летом. Желаю Вам обоим всего-всего наилучшего и прекрасных европейских каникул.

Ваша И. Одоевцева

<На полях:> 19 мая скоростно скончался в Мюнхене С.А. Водов. Его хоронят здесь, в Париже, в субботу. Мы даже не сможем быть на его похоронах — не на чем ехать — нет бензина.

Неизвестно, когда уйдет это письмо — у нас всеобщая катастрофическая забастовка.

15 октября <19>68 г.

Дорогой Владимир Федрович,

От Вас опять ни слуха ни духа. Скоро буду в Америке, но что предпринять, чтобы увидаться с Вами и Лидией Ивановной.

28 ноября я буду в Нью-Йорке, а с 3 декабря начну свое «турне» по университетам.

Я пробуду в Америке до начала будущего года и даже надеюсь слетать в Канаду.

Маленькая просьба к Вам — у Вас в университетской библиотеке имеется № первый журнала «Новый дом». Вы в свое время прислали Ю.К. Терапиано фотокопию его статьи о Ходасевиче^[313].

«Нового дома» здесь разыскать невозможно, а мне для «Берегов Сены» необходима статья о «Верстах» и Марине Цветаевой, помещенная в этом номере^[314].

Будьте милый, пришлите мне фотокопию этой статьи, и, если можно, поскорее.

Заранее благодарю Вас и шлю самый сердечный привет Лидии Ивановне и Вам.

Всего, всего наилучшего.

Ваша Ирина Одоевцева

«La Pensee Russe» 96, rue du F-rig St. Denis Paris Xe 23 января <19>69 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Редакция «Р<усской> мысли» поручила мне попросить Вас написать некролог о В. Дукельском^[315] как о музыканте и авторе нескольких книг, в том числе и стихов.

Если можно, не задерживайте и адресуйте прямо Зинаиде Алексеевне Шаховской, нашему редактору^[316].

Надеюсь, что Вы приятно слетали в Европу и хорошо отдохнули.

Я, со своей стороны, очень удачно слетала в Америку и Канаду и познакомилась с рядом университетов, где читала лекции и стихи.

Возможно, что прилечу опять в апреле в Америку.

Я очень жалела, что на этот раз не удалось с Вами повидаться.

Сердечный привет Лидии Ивановне и Вам.

Всего, всего наилучшего.

Ваша Ирина Одоевцева

28 июня <19>70 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Мы действительно не общались вечность, о чем я очень жалела.

Тем более приятно было мне получить Ваше письмо — спасибо.

Статья^[317], Вы правы, «не ахти» — Г<еоргий> И<ванов> не был модернистом и сам себя считал «завершителем эпохи», а не новатором. Неверно и что он три раза называет себя в своих стихах. Всего только один раз — «Не Георгием Ивановым»^[318], в двух остальных случаях фамилия Иванов, с ударением на ов, взята как самая распространенная, не без издевательства над ней:

Нет ни похода ледяного,

Ни капитана Иванова...^[319]

Как Вы, наверное, знаете, Г<еоргий> И<ванов> никогда военным не был.

То же, уже в виде гротеска, и о «брюках Иванова».

Но статья, конечно, написана с «лучшими чувствами», и это для меня ценно.

В моей жизни с тех пор, как мы с Вами перестали «общаться», произошло немало событий, начиная с троекратного посещения Америки и Канады, доставивших мне много радости. А самое последнее — «невероятно до смешного» — приехавший из Москвы композитор Н.В. Богословский^[320] сообщил мне в присутствии Зайцева, Шаховской, Прегель, Ю.К. Терапиано и прочих, что «На берегах Невы» передают по московскому радио в отрывках. Он сам слышал два — о Блоке.

Здесь никто верить не хочет в такую «чужовищность». Но, кажется, действительно — факт.

К сожалению, до меня не дошел Ваш Бальмонт^[321]. Очень хорошо, что Вы о нем написали. Здесь с «нелегкой руки» Адамовича его стараются «сбросить с корабля современности» и относятся к нему крайне несправедливо, как и к Марине Цветаевой^[322].

Меня очень интересует все, что касается Кузмина. Его «Парабол»^[323] я не видела никогда.

Не могли ли Вы быть так добры и прислать мне фотокопии их? А также биографические сведения о нем?

О нем в мое время рассказывали столько вздора, в чем он и сам участвовал, создавая легенду о себе.

Действительно ли он старообрядец? И что он вообще делал до 30-летнего возраста?^[324] Меня все это очень интересует.

Мне известны только его похороны, больше ничего.

Надеюсь, что у Вас все хорошо, если нового нет. Впрочем, я слышала, что Вы «почитаемы и знамениты», но ведь естественно, иначе и быть не могло. А Лидия Ивановна, что у нее нового?

И как Ваше собачье семейство? Наверное, пополнилось новыми членами? Сердечный привет Лидии Ивановне. Пусть Вам обоим будет хорошо. Дружески Ваша

Ирина Одоевцева

<На полях:> Юрий Константинович шлет Вам привет и охотно пойдет Вам навстречу в смысле «эзотеризма»^[325].

12 августа <19>70 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Спасибо за желание прислать мне Вашу книгу о Кузмине^[326]. Буду ждать ее появление с нетерпением.

А насчет того, что Жорж только раз назвал себя в стихах, я абсолютно и 100 % права. Он не только настаивал на том, чтобы его называли Иванов, но еще и непременно Георгий Иванов^[327].

К своей фамилии он относился иронически, считая ее «собирательным именем» — всякие там Ивановы-Петровы.

Кстати, дворяне были Ивановы, а разночинцы и мещане — Ивановы — так повелось в дореволюционной России.

«Капитан Иванов»^[328] свидетельствует о все том же ироническом отношении к своей фамилии — ведь Жорж никогда капитаном не был. Несмотря на то что он воспитывался в корпусе, он вышел из него глубоко штатским и, благодаря связям, не участвовал в войне — что, конечно, не очень похвально.

Брюки Иванова^[329] тоже никак не относятся к нему. Тут «Иванов» взят как самый ни на есть обыкновенный, рядовой обыватель, ставший обладателем фантастических брюк.

Кстати, это стихотворение было написано или, вернее, сочинено с молниеносной быстротой. Жорж подметал пол и вдруг прочитал мне его с начала до конца, без запинки. И тут же объяснил мне, как его следует понимать. Еще о его фамилии — он, в четырнадцать лет начитавшись Вальтер Скотта, в шутку уверял своих товарищей, что его настоящая фамилия — Айвенхо, а не Иванов.

Я забыла Вам ответить о Сергее Рафаловиче. Он умер — если не ошибаюсь — после войны в Париже.

Как же Вы обходитесь с одной только собакой, да еще кусающейся? Я бы на Вашем месте завела бы не меньше четырех.

Желаю Вам и Лидии Ивановне всего, всего хорошего и новых добрых собак.

Ю<рий> К<онстантинович> шлет Вам привет.

Ваша Ирина Одоевцева

6 декабря <19>71 г.

Дорогой Владимир Федрович,

А мне казалось, что не я Вам, а Вы мне не ответили на письмо. Но может быть, я ошибаюсь.

Во всяком случае, мне было очень приятно, что Вы вспомнили обо мне. Я очень одобряю Ваше намерение написать о Бальмонте. Он ведь совершенно незаслуженно забыт в эмиграции. Обидно за него. К сожалению, несмотря на то что Бальмонт жил и умер в Париже^[330], я видела его только раз в жизни у Мережковских^[331]. Лица, которому Бальмонт посвятил стихи, я не знаю, как, впрочем, и большинство из его окружения.

Зато мне известны много историй и анекдотов о нем — если Вам это интересно, с удовольствием расскажу Вам их.

Мне жаль, что Вы ничего не написали о себе, о том, как живете — как и чем. Завели ли Вы новых собак? И что думаете о Солженицыне, особенно об «Августе 14-го»? И не собираетесь ли навестить Париж? К нам ведь приезжают все знаменитости «потриумфировать», — даже Чиннов. А Адамович, тот полетел пожинать лавры в Америку, и жатва по—настоящему великолепна, — застрял надолго^[332].

Посылаю Вам силуэт Ахматовой, сделанный Кругликовой^[333] еще до революции, — примите его как новогоднее поздравление.

С наилучшими пожеланиями Лидии Ивановне.

Дружески Ваша

Ирина Одоевцева

26 февраля <19>72 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Не знаю, кто из нас с Вами друг другу не ответил. Если это я, то прошу прощения.

У меня большое горе — умер Адамович^[334]. Он был моим самым старым другом — с 20 года — и самым верным. Точнее — моим единственным другом. Последней связью с прошлым.

Для меня это огромная потеря, но и для русской литературы она очень велика. Ему ведь и в России отдавали должное.

Теперь я стала окончательно одинокой. Еще месяц тому назад нас — эмигрантских писателей, успевших стать писателями или поэтами еще в России, было трое — Зайцев^[335], Адамович и я.

Теперь же осталась только я —

Передового нет, и я как есть
На роковой стою очереди^[336].

Посылаю Вам статью Ю.К. Терапиано без комментариев — портреты вызывают всеобщий смех.

Кстати, я наконец собралась издать «Посмертный дневник». Не осталось ли у Вас каких-нибудь рисунков Жоржа — портретов размахайчиков или подписей.

Не хотите ли Вы написать вступление к «Посмертному дневнику»? Вы так прекрасно когда-то написали о Жорже.

Как живете Вы и Лидия Ивановна? Завели ли новых собак?

Желаю Вам обоим всего доброго и хорошего.

Сердечно Ваша

Ирина Одоевцева

28 августа <19>75 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Нет, Вы не послали мне статью о Георгии Иванове^[337].

Пожалуйста, пришлите мне ее. Я недавно с большим удовольствием перечла то, что Вы писали о нем в «Опытах». Лучше, чем Вы, о нем никто не писал.

Признаюсь, что я ждала с нетерпением Ваш отзыв о моей «Златой цепи»^[338] — мне очень хотелось знать, что Вы о ней думаете. Но Вы, к сожалению, не сказали мне этого. Она, по-видимому, Вам совсем не понравилась, и Вы отделались короткой отпиской. И это меня немного огорчило. Ведь Вы и обо мне, как и о Георгии Иванове, когда-то прекрасно написали. Лучше всех.

Огорчило меня немного и то, что Вы ничего не сообщаете о себе и о Лидии Ивановне. А меня это чрезвычайно интересует. Как Вам живется и как Вы оба себя чувствуете? Завели ли новых собак? О Вас я знаю только, что Вы знаменитый, всеми уважаемый профессор, а мне хотелось получить о Вас и «лирические сведения». Ведь когда-то мы переписывались. Мы — то есть Георгий Иванов и я.

Кстати, у меня хранятся все Ваши письма к нему. Сохранили ли Вы его письма? Можно было бы напечатать выдержки из Вашей с ним переписки — на радость литературоведам.

В последний раз я, кажется, обращалась к Вам с просьбой защитить память Г<еоргия> И<ванова> от Родиона Патерсона^[339]. Но он и сам образумился и даже задумал написать обо мне диссертацию, для чего приезжал ко мне с женой и свояченицей и даже съездил в Йер, чтобы сфотографировать дом, где мы с Г<еоргием> И<вановым> жили.

Желаю Лидии Ивановне всего наилучшего.

Пусть Вам обоим будет по-настоящему хорошо.

Сердечно и дружески

Ирина Одоевцева

<советская открытка с видом Углича>

25/XII/75

Как мне пишет профессор Токо Кавасаки из Токио: «Желаю Вам большое счастье в этом году!» — Вам и Лидии Ивановне.

Спасибо за статью о Георгии Иванове^[340] — она очень хороша, а «поэтические близнецы»^[341] меня чрезвычайно заинтересовали и даже принесли мне пользу. Теперь я всюду, и в стихах, и в прозе их ищу.

С праздничным приветом

Ирина Одоевцева

Примечания

Помимо писем в архиве Маркова сохранились две книги с дарственными надписями Одоевцевой: «Десять лет» (1961) с надписью: «Владимиру Маркову, от любящей его и его “Турилевские романсы”. Ирина Одоевцева. 10 февраля 1961 г. Ганьи», а также «Портрет в рифмованной раме» (1976) с надписью: «Дорогому Владимиру Маркову, этот мой “Портрет в рифмованной раме”. Его, прошу, примите, как Любви и уваженья знак. Ирина Одоевцева. 3/III/76» (Собрание Жоржа Шерона).

Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955–1958 /
Miteiner Einl. hrsg. von H. Rothe. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verl., 1994. S.
23–24.

Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955–1958) / Публ. О.А. Коростелева // Минувшее: Исторический альманах. 21. М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1997. С. 500–501.

Петрицкий В.А. «Врезанные в память письма...»: Каталог собрания рукописных материалов XIX-XX веков. СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 1998. С. 170–172.

Одоевцева вслед за Георгием Ивановым хорошо отзывалась о «Гурилевских романсах» как в печати, так и в письмах друзьям.

Имеется в виду поэма без названия В.Ф. Маркова («Часы холодной смерти...» // *Опыты*. 1955. № 4. С. 11–20) позднее была переиздана в антологии «Содружество» (Вашингтон, 1966) под названием «Поэма про ад и рай». Сомнения по поводу монотонности одолевали и самого Маркова, спрашивавшего совета у друзей-поэтов. Георгий Иванов высказал свое мнение о поэме в письме Маркову 29 декабря 1955 г.: «Насчет Вашей поэмы в “Опытах” — если хотите откровенного мнения — она не совсем “вытанцевалась”. Она длинна. Она ритмически вяла. Там я насчитал четыре прекрасных строфы» (Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. *Briefe an Vladimir Markov 1955–1958* / Mit einer Einl. hrsg. von H. Rothe. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verl., 1994. S. 6).

В сохранившихся письмах Терапиано Маркову этого и впрямь нет.

В интервью сотруднику «Русской мысли» Одоевцева, отвечая на вопрос о новых талантливых произведениях, назвала «прелестную поэму Маркова» (Гость. В гостях у писателя: К вечеру Ирины Одоевцевой // Русская мысль. 1954.30 июня. № 671. С. 4).

29 декабря 1955 г. Георгий Иванов писал Маркову: «Вы передаете привет моей “жене”. С “женой” моей Вы незнакомы и никаких оснований ей, как таковой, кланяться у Вас нет. Очевидно, это в ответ на переданный поэту Маркову привет поэта Одоевцевой. И выходит, что Вы поэта Одоевцеву игнорируете, как и заодно всех эмигрантских поэтов — исключая Одарченки» (Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955–1958 / Mit einer Einl. hrsg. von H. Rothe. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verl., 1994. S. 7–8).

Позже Марков изменил мнение о стихах Одарченко. См. письмо 14 в разделе: «“Хочется взять все замечательное, что в силах воспринять, и хранить его...” Письма Э.М. Райса В.Ф. Маркову (1955–1978)».

Речь идет о стихотворении Одоевцевой «За верность, за безумье тост!..» (Новый журнал. 1955. № 40. С. 96–98).

В доме Марковых, никогда не имевших детей, всегда водилась какая-нибудь живность. В частности, в 1950-1960-х гг. — собаки, которым в переписке с Г.П. Струве и другими знакомыми Марков уделял особо почетное место. В 1980-1990-х гг. — кошки, число которых со временем достигло двух десятков. В это же время Марковы завели черепаху Машку, которая жила у них более трех десятилетий.

Имеются в виду воспоминания Маркова о студенческих годах в советском Ленинграде «Et ego in Arcadia» (Новый журнал. 1955. № 42. С. 164–187).

Школа, в которой учился Марков в Ленинграде, находилась на ул. Социалистической (бывшей Ивановской). До революции это была 1-я Санкт-петербургская гимназия, которую, в частности, окончил Адамович.

Гумилев с семьей жил на ул. Преображенской, д. 5/12 (позже носила название ул. Радищева) с весны 1919 до осени 1920 г.

Дом литераторов существовал с 1 декабря 1918 по 3 ноября 1922 г., располагаясь на углу ул. Бассейной и Эртелева пер., д. 11/17. Подробнее о нем см.: Мартынов И.Ф., Клейн Т.П. К истории литературных объединений первых лет советской власти. 1918–1922// Русская литература. 1971. № 1. С. 133.

Институт живого слова основал В.Н. Всеволодский-Гернгросс в 1918 г. Первоначально лекции проходили в Тенишевском училище, затем в здании Павловского института на ул. Знаменской. Рассказом о нем открывались воспоминания «На берегах Невы» См.: Одоевцева И. На берегах Невы. М.: Худож. лит., 1989. С. 14–32.

Литературная студия издательства «Всемирная литература» просуществовала с 1919 по 1923 г. под общим руководством К.И. Чуковского, располагаясь в доме Мурузи по адресу Литейный пр-т, д. 24. Одоевцева с большой теплотой вспоминала о студии в своей книге «На берегах Сены»: Одоевцева И. На берегах Невы. С. 33–49.

В статье «Мысли о русском футуризме» Марков выражал сожаление, что в русской поэзии возобладала традиция акмеизма, в то время как идеи и приемы футуристов остались невостребованными. Он находил, что «футуризм шире и глубже, чем его обыкновенно понимают. <...> Акмеизм недостаточно творчески, неполно и прозаично оттолкнулся от символизма. За акмеизмом не было настоящей идеи, а была невнятная тенденция к реставраторству, что и позволяет его легко ассимилировать массам и второстепенным поэтам. <...> В эмиграции акмеизм победил, потому что не было футуризма; в СССР акмеизм победил, потому что футуризм был задушен. Но это не победа поэзии» (Новый журнал. 1954. № 38. С. 181).

В конце концов (фр.).

Мой стих мал (фр.).

Имеется в виду «драматическая поэма» В.Л. Корвин-Пиотровского «Бродяга Глюк» (Новый журнал. 1953. № 32. С. 117–125).

Ср. рассуждения Б.М. Эйхенбаума о стремлении современного стиха ко все большему лаконизму. По его мнению, уже в начале 1920-х гг. стихотворение, содержащее более пяти строф, казалось длинным: Эйхенбаум Б.М. Анна Ахматова: Опыт анализа.// Эйхенбаум Б.М. О поэзии. Л., 1969. С. 89.

Георгий Иванов 29 декабря 1955 г. писал Маркову о том же: «К Вашему сведению — Blake — произносится Блэк, а отнюдь не Блейк» (Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955–1958 / Mit einer Einl. hrsg. von H. Rothe. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verl., 1994. S. 7). Написание Блэк в дореволюционной печати, а также в эмигрантской встречалось довольно часто, напр., в считавшемся законодателем вкуса парижском «Звене», где сотрудничали Георгий Иванов и Одоевцева, как в хронике, так и в статьях К.В. Мочульского и В.В. Вейдле, употреблялась исключительно эта форма.

Из стихотворения Уильяма Блейка «Тигр» (1794). В переводе С.А. Степанова: «Тигр, о Тигр, в крошечный мрак / Огненный вперивший зрак...».

Из стихотворения У. Блейка «Пророчества невинности» («Auguries of Innocence», 1803). В переводе В.Л. Топорова: «Небо синее — в цветке, / В горстке праха — бесконечность; / Целый мир держать в руке, / В каждом миге видеть вечность».

До революции такое написание фамилии О. Уайльда встречалось довольно часто. См., напр.: Энциклопедический словарь / Ред. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1905. Т. 1 (доп.). С. 421.

«Мое невежество имеет свои пределы» (фр.).

Вероятно, имеется в виду стихотворение Р.М. Рильке «Пожар» («Белая усадьба спала, да телега уехала...»)(1900).

Афоризм принадлежит А. Бергсону, многие идеи которого были весьма популярны в акмеистской среде, а позже в кругу поэтов «парижской ноты».

В конверт было вложено также письмо Г.В. Иванова, датированное 2 февраля 1956 г. (см.: Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955–1958. S. 4).

Датируется предположительно по содержанию, и если это действительно приписка к письму Г.В. Иванова, то письмо не сохранилось, во всяком случае, в издании: Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955–1958 / Mit einer Einl. hrsg. von H. Rothe. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verl., 1994 — между письмом Иванова от 2 февраля 1956 г. (№ 4, которое само являлось припиской к письму Одоевцевой от 1 февраля) и письмом Одоевцевой от 18 марта (№ 6) значится лишь письмо Иванова от 24 марта (№ 5).

Одоевцева неточно цитирует частушку из «Золотого тельника» Ильфа и Петрова, сочиненную и подаренную им поэтом и сценаристом Михаилом Давыдовичем Вольпиным (1902–1988). У Вольпина: «У Петра Великого / Близких нету никого...».

Жена Маркова Лидия Ивановна Яковлева в конце 1930-х гг. в была актрисой Ленинградского академического театра драмы (бывш. Александринский театр), затем в эмиграции пыталась сделать актерскую карьеру в Голливуде.

Речь идет о первом сборнике Маркова «Стихи» (Регенсбург: Эхо, 1947).

Из стихотворения Игоря Северянина «Июневый набросок» (1910).

Роман И.В. Одоевцевой «Оставь надежду навсегда» первоначально вышел в ее собственном французском переводе: «Laisse toute esperance» (Paris, 1948). На следующий год роман вышел на английском — «All Hope Abandon» (New York, 1949; F. Reed, tr.) и испанском «Abandona toda esperanza» (Barcelona, 1949; Luis de Caralt, tr.); отдельное издание на русском языке появилось гораздо позже (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954).

Радлова Анна Дмитриевна (урожд. Дармолатова; 1891–1949) — поэтесса, жена С.Э. Радлова (с 1914). А.А. Ахматова отзывалась о Радловой недружелюбно, см: Лукницкий П.Н. *Асуміана: Встречи с Анной Ахматовой*. Paris, 1991. Т. 1. С. 59–60. Причина тому: «Еще в начале 1920-х в литературной среде возникло ощущение соперничества двух Анн: Радловой и Ахматовой, отчасти спровоцированное дискуссией в прессе, но обусловленное в основном личными мотивами» (Радлова А. Путешествие по Франции. 1925 / Публ. К.Н. Левиной и А.Л. Дмитренко // *Минувшее: Исторический альманах*. 23. СПб.: Atheneum: Феникс, 1998. С. S35). Способствовал этому, в частности, М.А. Кузмин, в своих статьях и рецензиях давая творчеству Радловой непомерно высокие оценки. Адамович, печатно удивившись этому (Адамович Г. Недоумения М. Кузмина. По поводу заметки «Крылатый гость, гербарий и экзамен» // *Жизнь искусства*. 1922. 1–7 августа. № 30 (853). С. 3), получил отповедь Кузмина. В передаче Ю.П. Иваска рассказ Адамовича об этом выглядит так: «— Помните Анну Радлову? Ее сборник “Корабль”. Слабый поэт. Но ее жаловал Кузмин, и я его за это укорял. Михаил Алексеевич посмотрел на меня и отрезал: — А вы, Адамович, дурак! Это было перед самым моим отъездом из России. Г.В. весело смеется: — Заслужил дурака... Не понял, что Кузмина и Радлову связывали какие-то дела — издательские, коммерческие» (Иваск Ю. Разговоры с Адамовичем: 1958–1971 // *Новый журнал*. 1979. № 134. С. 98). В этой своей догадке Адамович не ошибся — Радлова входила в околокузминскую группу эмоционалистов, в 1922–1923 гг. совместно с Кузминым редактировала «Абраксас» и, судя по всему, была для Кузмина просто «нужным человеком». Спустя полтора месяца после заметки Адамовича, 21 сентября 1922 г., Кузмин записал в дневнике: «Кто остается? только Радлова, но я не знаю, не партийная ли скорее это привязанность, чем дружба» (Тимофеев А.Г. Михаил Кузмин и издательство «Петрополис» // *Русская литература*. 1991. № 1. С. 94).

Радлов Сергей Эрнестович (1892–1958) — режиссер, создатель Театра народной комедии.

Марков встречался с Радловыми в Берлине в 1945 г. О пребывании Радловых в Германии во время Второй мировой войны см.: Гайдабура В. «Так расскажи правдиво...» // Советская культура. 1989.22 августа.

Из стихотворения А.А. Ахматовой «Высокие своды костела...» (1913), впервые опубликованного в «Четках» (СПб.: Гиперборей, 1914. С. 36–37) без всякого посвящения. М.М. Кралин высказывал предположение, что темой стихотворения послужило самоубийство влюбленного в Ахматову Михаила Александровича Линдеберга (1891–1911). К предположению Кралина присоединяется и Н.В. Королева, считая, что, «возможно, Ахматова вспомнила о Линдеберге в связи с известием о самоубийстве В.Г. Князева» (Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. М: Эллис Лак, 1998. Т. 1. С. 756).

Радлов Николай Эрнестович (1889–1942) — художник, до революции сотрудник «Аполлона».

Правильно: «Ледерплекс» («Lederplex») — витаминизированное лекарство для улучшения работы кровеносных сосудов.

Измененная строка стихотворения А.А. Блока «О доблестях, о подвигах, о славе...» (1908) из цикла «Возмездие» (1908–1913).

Речь идет о подборке Н. Моршена «Стихи 1954 года», опубликованной в «Новом журнале» (1955. № 42. С. 104–107).

Стихотворение «Тюлень» (1949) впервые было опубликовано в составе большой подборки стихов Моршена в журнале «Грани» (1950. № 8. С. 106). Позже Моршен назвал свою первую книгу «Тюлень: Стихи» (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1959); предисловие к ней написал Марков.

Моршен стал постоянным автором «Нового журнала» с № 21 и опубликовал там в общей сложности около сотни стихотворений.

«Философская лирика» (нем.).

«Волшебная гора» (нем.). Этот проект осуществлен не был.

Статья Маркова «Моцарт» была опубликована в «Новом журнале» (1956. № 44. С. 88–113).

Тысячу вещей (фр.).

Различия в мироощущении и поведении двух поколений эмиграции — дипийцев и эмигрантов первой волны — общее место послевоенных размышлений публицистов. См., напр., публицистические статьи Адамовича 1950-1960-х гг. или попытки Терапиано объяснить Маркову сходство и отличия двух поколений (письма 1–3, 11 в разделе: «“... В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда”: Письма Ю.К. Терапиано В.Ф. Маркову (1953–1966)»).

«Как кошка с собакой» (фр.).

После поэмы без названия (Опыты. 1955. № 4. С. 6–20) другие стихи Маркова в «Опытах» не появлялись.

Ю.П. Иваск вел обширную переписку как с Марковым, так и с Одоевцевой и Георгием Ивановым, напечатал положительные рецензии на составленную Марковым антологию «Приглушенные голоса» (Опыты. 1953. № 1. С. 199–202), а также его книги «Гурилевские романсы» (Там же. 1959. № 9. С. 114–116. Подп.: Ю. И.), «The longer Poems of Velimir Khlebnikov» (Новый журнал. 1965. № 81), «Russian Futurism: A History» (Там же. 1969. № 96. С. 294–296).

Возможно, речь идет о вызвавших скандал «Заметках на полях» Маркова (Опыты. 1956. № 6. С. 62–66).

Экзамены на получение PhD (докторской степени) на славистских кафедрах американских университетов включают, помимо основного, дополнительный славянский язык, по усмотрению аспиранта; русисты чаще всего выбирают польский.

Статья Р.Б. Гуля о книге Г.П. Струве «Русская литература в изгнании» была разгромной: «Недостатки ее настолько велики, что от положительной оценки книги приходится воздержаться. <...>...Его регистрационная работа пестрит такой непонятной неполнотой и неряшливостью (я настаиваю именно на этом слове), что цена ей становится невелика. <...>... От книги создается впечатление какого-то первозданного хаоса, из чего не родится ни инвентарь, ни тем более литературная критика. Самый же тяжкий недостаток книги — в ее плохом русском языке и невозможном стиле. <...> Для людей, проводших в эмиграции без малого сорок лет и знающих ее литературу и журналистику, эта книга — кривое и тусклое зеркало» (Гуль Р. О книге Глеба Струве // Новое русское слово. 1956. 23 сентября. № 15793. С. 8). В ответ Струве упрекнул Гуля в недобросовестных критических приемах, заявив, что тот в качестве не упомянутых в книге лиц перечислял эмигрантов второй волны либо общественных деятелей, в то время как книга посвящена только литературе, причем преимущественно первой волны (Струве Г. Pro domo mea: (Ответ Р.Б. Гулю) // Там же. 7 октября. № 15807. С. 7).

В сохранившейся переписке Г.П. Струве и В.Ф. Маркова этот конфликт не обсуждался.

Ознакомившись с книгой «Русская литература в изгнании», Марков писал Г.П. Струве 22 июня 1956 г.: «То, что Вы пишете обо мне — лестно. <... >... Конечно, нашел вещи, с которыми не согласен. Я, например, во много раз больше ценю Иванова, чем Вы; не считаю набоковское “Каким бы полотном...” стихотворением удачным ни с какой стороны, но это все мелочи» (Hoover. Gleb Struve Papers. Box 105. Folder 9).

Из посвященного Адаму Мицкевичу стихотворения Е.А. Баратынского
«Не подражай, своеобразен гений...» (1828).

Датируется по содержанию.

В пьесе Н.В. Гоголя «Ревизор» купцы жаловались на городничего: «Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины» (действ. 4, явл. X).

Переименованное выражение В.С. Соловьева, восходящее к молитве Августина Блаженного (354–450).

У К. Маркса в предисловии «К критике политической экономии»:
«Бытие определяет сознание».

Имеется в виду скандал, вызванный «оплеухой российской общественности» (Марков В. Заметки на полях // Опыты. 1956. № 8 6. С. 62–66).

Наибольшее возмущение вызвали два пассажа Маркова; в первом, посвященном спору о «незамеченном поколении», была задета Е.Д. Кускова: «Г-жа Кускова (которую в свое время воспел Маяковский) входе дискуссии высказалась на тему, почему-то до сих пор очень популярную в некоторых околотературных кругах — о “понятной” и “непонятной” поэзии. Пример был взят из той же многострадальной Цветаевой — стихи совершенно понятные, даже ребенку, и вдобавок еще очень хорошие. Я их не знал и пользуюсь случаем поблагодарить Кускову за информацию»; во втором — Чернышевский и вместе с ним вся «общественность»: «Глава о Чернышевском в “Даре” Набокова — роскошь! Пусть это несправедливо, но все ведь заждались хорошей оплеухи “общественной” России» (С. 65). «Заметки на полях» вызвали бурный, совершенно несоразмерный с ожидаемым резонанс. Самые маститые присяжные критики эмиграции — каждый по своей причине — обратили внимание на Маркова, чему он был совсем не рад. 2 июня 1956 г. Г.П. Струве писал Маркову из Парижа: «На Вашу статью получил крайне возмущенный отклик от М.В. Вишняка. Он в совершенном ужасе, просит меня даже по дружбе что-то “сделать” с Вами, пробрать или проучить. Я не могу, поскольку не знаю, в чем дело. Но очевидно речь идет о чем-то недопустимом, что Вы написали по адресу Е.Д. Кусковой (кстати, я с этой замечательнейшей 87-летней женщиной провел несколько интереснейших вечеров в Женеве — я ведь специально для нее туда ездил), и еще более “недопустимой” фразе о Чернышевском а ргоро сиринаского “Дара”. Судя по приведенной Вишняком цитате, фраза действительно малоуместная. <...>...Боюсь, что в том, на что указывает Вишняк, сказалось не раз замеченное мною у Вас озорство и отсутствие “решпекта” к вещам, которые заслуживают иного» (Собрание Жоржа Шерона). Марков ответил Струве 8 июня 1956 г.: «Получил Ваше письмо с нотацией — поделом мне! Написал Вишняку тоже о том, что ошибку сознаю. Некоторые оправдания у меня есть (не снимающие вины, конечно). Писал я все это давно, когда еще шла газетная дискуссия между Кусковой и Яновским. Теперь же все уже читали саму книгу Варшавского, гораздо более широкую по содержанию, и мои замечания кажутся особенно

легковесными и неуместными. К тому же Иваск сильно “обработал” все (вот когда прочитаете, услышите, что звучит местами совсем как Иваск — а значит, и усиляет впечатление развязного легкомыслия. <... > Еще одно оправдание: я это писал “из-под палки”, Иваск очень просил что-нибудь для номера, а у меня ничего готового не было. Можно, конечно, возразить, что скверного немало пишут сейчас на страницах нашей печати. Откуда мне такая честь — что все возмутились? Тем более что вещь-то короткая, проходная, “вторичная”, ни на что не претендующая. <... > Очевидно, придется наложить на себя какой-то “обет молчания”» (Hoover. Gleb Struve Papers. Box 105. Folder 9).

Ознакомившись с «Опытами», Струве написал Маркову 15 июня 1956 г.: «Я прочел ту статью, которую Вам инкриминировал Вишняк, и нашел, что “не так страшен черт, как его малютки” — не так уже велик Ваш грех. <... > У Вас мне не понравились “афоризмы” в конце статьи — они какие-то дешевые и Вас недостойные. Но все-таки это не значит, что Вы должны замолчать, как Вы пишете в письме, которое я нашел здесь» (Собрание Жоржа Шерона).

17 июня 1956 г. Ю.П. Иваск сообщил Маркову о развитии сюжета: «10-го было собрание “Опытов”. Что там творилось... Сперва о Вас. Разговоров было много. Все признали, что Марков талантлив, но два часа обсуждали Вашу оплеуху и один час пенис Поплавского. <... > На меня большое впечатление произвел Вишняк — еще недавно был он моложавый самодовольный адвокат-социалист, а тут он явился рыдающим Иеремией. Я постарался его успокоить. Что делать — Чернышевский для него святой, как Никола для бабы. Это вера. Ульянов и Коряков сказали, что Ваши заметки не на художественной высоте, но вместе с Завалишиным отмежевались решительно от Чернышевского и Вишняка. Но Варшавский и я, мы поняли Марка Веняминовича, и я с ним еще долго беседовал по телефону. Ваша оплеуха по сути и по контексту добродушна. Но теперь я вижу, что надо было и оплеуху, и пенис (Поплавского) опустить, чтобы не дразнить гусей. Кое-кто грозил почтенной доброй издательнице и мне американской тюрьмой! <...> Уравновешенный Карпович говорил как всегда хорошо и умеренно, хотя и был против оплеухи. Между прочим, Завалишин сказал, что Аронсон импотент, и я, как председатель, его остановил. <...> Не принимайте всего этого так горячо. Адамович Вас ценит. Вишняка мы успокоим. Таланты Ваши признаны» (Собрание Жоржа Шерона).

22 июня 1956 г. Марков пересказал Струве письмо Иваска, добавив: «С Вишняком у нас полный мир. Я написал ему “милое” письмо, в котором не

настаивал на том, что мои заметки “шедевр”, называл их “скверными” (что в конце концов и недалеко от истины) — и это его обезоружило» (Hoover. Gleb Struve Papers. Box 105. Folder 9). Струве в свою очередь сообщил Маркову из Лондона 24 июня 1956 г.: «Вчера получил письмо от Вишняка. Он пишет, что, подобно тому как они несколько месяцев “жили под знаком” или “в эпоху” Варшавского, так целая неделя прошла у них “под знаком” В. Маркова. Описывает вкратце собрание, посвященное “Опытам”, на котором он выступал против Вас (и Карпович тоже)» (Собрание Жоржа Шерона). В полемику с Марковым вступил и В.В. Вейдле в статье «О спорном и бесспорном», обратив внимание на его высказывания об «отцах и детях в эмиграции»: «О поколениях в этой статье рассуждает он, как мне кажется, совсем неправильно. <...>...В том-то и беда, что никакой борьбы литературных поколений нив России, нив эмиграции не происходит. Когда Марков полемизирует — с Г.В. Адамовичем, например, — он ищет точку опоры не в несуществующих литературных позициях своего поколения, а либо в своих частных взглядах, либо в литературных позициях одной из частей того поколения, к другой части которого принадлежит и сам Адамович. Когда же Марков пишет о “поколении отцов”, что оно, “зачитываясь Михайловским и Марксом, не имело времени читать Еврипида и Расина”, он забывает, что писатели у нас, даже и в конце прошлого века, вовсе не так уж усердствовали по части Маркса и Михайловского, тогда как тот же Анненский, например, Еврипида, во всяком случае, читал, да и Расина тоже, чего я не решусь утверждать ни о Хлебникове, ни о Маяковском, ни о многих из тех, кому они годились бы в отцы. Дело тут не в поколениях; дело в том, что в эмиграции, именно вследствие неустроенности, да и относительной бедности ее литературной жизни, постоянно велись и ведутся споры не о спорном, не о том, что заслуживало бы спора, а о бесспорном» (Опыты. 1956. № 7. С. 42–43).

Георгий Иванов, прочитавший № 6 «Опытов» с большим опозданием, ободрил Маркова в письме от 6 октября 1957 г.: «Обмолвка о Чернышевском “роскошь” сама по себе — недаром она так искренно возмутила всех Вишняков эмиграции» (Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955–1958 / Mit einer Einl. hrsg. von H. Rothe. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verl., 1994. S. 79).

В своей статье «О спорном и бесспорном» Вейдле посвятил Маркову большой и уважительный пассаж, начинавшийся словами: «Самым талантливым в эмиграции среди наиболее (но все же относительно) молодых представляется мне В.Ф. Марков» (Опыты. 1956. № 7. С. 42).

О значении для литературной репутации критических отзывов парижан, и в частности Адамовича, Иваск писал Маркову еще 31 августа 1950 г.: «Париж же до сих пор остается столицей эмигрантской литературы <...> там вкус. Главное же — там еще и чуткость: и не только у Адамовича. <...> И Вы, и Моршен, конечно, начнете после парижского признания. Разве это так обидно?» (Собрание Жоржа Шерона). Однако отзывы Адамовича о Маркове были далеко не такими же однозначными, как у Вейдле. Двусмысленные полушпильки-полукомплименты, для Адамовича естественные, Маркова очень сильно задели.

Об отзывах Адамовича на книги Маркова:

Рецензируя № 4 «Опытов», Адамович отозвался о поэме Маркова весьма амбивалентно: «Поэма Маркова — вещь сама по себе для “Опытов” не столь характерная, но достойная того, чтобы на ней остановиться. В ней есть кое-что от Хлебникова и довольно много от Агнивцева или другого поставщика стихотворных лубков. Дисгармония стилей мучительна, а все-таки настоящее дарование дает себя знать повсюду, даже и в срывах. Так сквозь неудавшийся снимок догадываешься иногда о прелести отраженного в нем лица: смотришь, морщишься и любишься» (Адамович Г. Несколько слов о журнале «Опыты» // Новое русское слово. 1955.19 июня. № 15758. С. 8).

Адамович писал о поэме в обзоре: «Есть в его “Турилевских романсах” что-то несомненно “свое”, бесспорно подлинное, еще неясное, то вспыхивающее, то гаснущее, но явно отвечающее тому, что отличает поэта от рядового стихотворца. Стихи мало отчетливые <...> сплошной туман. Марево, а то даже и сон: где кончается реальность, где начинается видение, — проследить не легко. Но это стихи не выдуманные, а как будто сами собой возникшие, и это-то в них и прельщает. Это-то и внушает надежду, что Марков в нашей поэзии — не “гость случайный”, а человек, который должен бы оставить в ней какой-то след» (Адамович Г. Новые голоса // Новое русское слово. 1954.6 июня. № 15380. С. 8).

Отзывы Адамовича казались Маркову весьма двусмысленными. Рецензируя № 4 журнала «Опыты», Адамович откликнулся на поэму Маркова так, что тот не знал, радоваться или обижаться. Год спустя, рецензируя № 6 «Опытов», Адамович отозвался еще резче: «“Заметки на полях” В. Маркова меня озадачили. Из авторов, появившихся в нашей

печати после войны, это один из тех, с которым связаны большие надежды. Но до чего он боек, небрежно поверхностен, многословен, с налетом “легкости в мыслях необыкновенной”! В его коротеньких заметках кое-что остроумно. Удивляет, однако, самая мысль эти заметки представить на суд читателей: это — будто крохи с некоего роскошного стола. А в данном случае ни какого стола еще нет» (Новое русское слово. 1956. 3 июня. № 15681. С. 8). Еще откровеннее Адамович отзывался о Маркове в письмах друзьям. См., напр., письмо 34 в разделе: «Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г.В. Адамовича И.В. Одоевцевой и Г.В. Иванову (1955–1958)».

Заключительные строки стихотворения Михаила Осиповича Цетлина (псевд. Амари; 1882–1976) «Жадно пей, полней и слаще...» (Современные записки. 1927.№ 32.С. 141), вошедшие в цикл «Vita somnium».

Книга стихов Элизабет Баррет Браунинг (Browning; 1806–1861) «Португальские сонеты» вышла в переводе М.О. Цетлина и И. Астрова с предисловием Адамовича (Нью-Йорк: Мосты, 1956).

Литература о Цетлиных — как мемуарная, так и исследовательская — весьма широка. Наиболее подробно см. в публикациях: Цетлин-Доминик А. Из воспоминаний // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. Вып. 1. С. 288–309; Шалит Ш. «С одним народом я скорблю...»: К открытию Музея русского искусства им. Марии и Михаила Цетлиных в Рамат-Гане, Израиль // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1995. Вып. 4. С. 385–407.

В своих воспоминаниях «На берегах Сены» Одоевцева пишет о своих первых годах после войны в Биаррице: «...поступила в американский университет, помещавшийся напротив нашего дома. Там я завела знакомства с американскими профессорами и даже одному из них давала уроки французского языка, что было очень интересно» (Одоевцева И. На берегах Сены. М.: Худож. лит., 1989. С. 190).

Возможно, роман «Когда бушевала буря». Фрагмент был опубликован в «Новом журнале» (1956. № 45. С. 15–52). Целиком роман напечатан не был.

М.А. Алданов скончался в Ницце 25 февраля 1957 г.

Ничего не поделаешь (фр.).

Марков посылал Одоевцевой и Иванову для ознакомления рукопись своей статьи «О поэзии Георгия Иванова», вскоре опубликованной в исправленном виде (Опыты. 1957. № 8. С. 83–92).

В окончательный текст статьи Маркова не вошли фразы о влияниях И.А. Бунина, Н.Я. Агнивцева и С.А. Есенина.

Иванов Г. Распад атома. Париж, 1938.

Сравнение «Распада атома» с поэмой А.С. Пушкина «Гавриилиада», а его героя с «человеком из подполья» также в окончательный текст статьи не вошло.

Георгий Иванов участвовал в переводе этой поэмы: Вольтер. Орлеанская девственница: Поэма в двадцати одной песне / Пер. Г. Адамовича, Н. Гумилева, Г. Иванова; под ред. М. Лозинского. М.; А.: Всемирная литература: Госиздат, 1924. В письме Маркову Иванов в декабре 1955 г. писал, что когда Гумилев «отдавал мне и Адамовичу перевод “Девственницы”, он говорил: “От сердца отрываю эту душку, никогда бы не отдал, все бы сам перевел, да времени нет”. Перевод этот требовался Горьким срочно — мы и перевели его в два месяца и довольно блестяще» (Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955–1958 / Mit einer Einl. hrsg. von H. Rothe. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verl., 1994. S. 7). Перевод высоко оценил Б.В. Томашевский: «Перевод “Девственницы” запоздал на 150 лет, но в данном случае — лучше поздно, чем никогда. <... > Выполнен он чрезвычайно тщательно, с попыткой соблюсти детали подлинника, напр., его рифмовку» (Русский современник. 1924. № 4. С. 266–267. Подп.: Б. Т.), а также В.В. Вейдле (Звено. 1925. 20 апреля. № 116. С. 4. Подп.: W.).

Одоевцева переиначивает строки посвященного ей стихотворения Гумилева «Лес» (1921). У Гумилева: «Косы — кольца огневеющей змеи, / На твои зеленоватые глаза...».

Опубликовано с разночтениями в четырехтомном Собрании сочинений Гумилева под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова (Вашингтон, Victor Kamkin, Inc., 1964. Т. 2. С. 256).

Энгельгардт Анна Николаевна (1895–1942) — вторая жена Гумилева (с 1919).

По сообщению самой А.Н. Энгельгардт П.Н. Лукницкому, эта надпись была сделана Гумилевым на книге Т. Готье «Эмали и камеи» в августе 1916 г. (Лукницкая В. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л.: Лениздат, 1990. С. 184). В Собрании сочинений Гумилева в четырех томах под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова опубликовано не было.

От фр. *inedite* — непубликовавшиеся.

Оставим (фр.).

В своих мемуарах Одоевцева подробно изложила эту историю:
Одоевцева И. На берегах Невы. М.: Худож. лит., 1989. С. 88–92.

Георгий Иванов посвятил Моршену одобрительный абзац в обзорной статье «Поэзия и поэты»: «Пользуюсь случаем указать на третьего поэта, имеющего все данные занять равное место рядом с Кленовским и Елагиным. Ник. Моршен такой же “ди-пи”, как они. В № 8 “Граней” напечатано его 19 стихотворений, во многих отношениях замечательных. Они, конечно, не лишены недостатков. Но недостатки стихов Ник. Моршена случайны и легко устранимы, достоинства же очень значительны. Но почему-то критики, засыпающие похвалами его более удачливых товарищей — особенно Елагина, — до сих пор, если не ошибаюсь, ни разу не упомянули имя Ник. Моршена, не менее, чем они, заслуживающего внимания. Исправляю, хотя и чересчур кратко, эту несправедливость и приглашаю своих “коллег” последовать моему примеру» (Возрождение. 1950. № 10. С. 180).

Имеется в виду стихотворение Моршена «Карло Гронко» («Чудесный труд закончил скальпель острый...») (Новый журнал. 1957. № 49. С. 104), снабженное авторским примечанием: «Аббат, завещавший свои глаза слепым детям».

«Весы» — литературно-критический ежемесячный журнал, выходивший в Москве в 1904–1909 гг. под редакцией В.Я. Брюсова, главный литературный орган символизма. Ведущими критиками «Весов» были Брюсов, А. Белый, Вяч. Иванов, К.Д. Бальмонт и Эллис. Подробнее см.: Лавров А.В., Максимов Д.Е. «Весы» // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1984. С. 65–137.

Сам Георгий Иванов было своих критических способностях несколько иного мнения и писал Р.Б. Гулю 8 августа 1955 г.: «Хуже всех пишу критику я — либо в ножки, либо в морду. Притом по темпераменту больше тянет в морду» (Георгий Иванов. Девять писем к Роману Гулю / Публ. Г. Поляка; коммент. А. Арьева // Звезда. 1999. № 3. С. 148).

Адамович впрямь в своих статьях очень редко «ругался», чаще недоумевал или ядовито шутил.

М.И. Цветаева однажды попробовала излить свой гнев на современников печатно: в статье «Поэт о критике» и прилагавшемся к ней «Цветнике». См.: Благонамеренный (Брюссель). № 2. С. 116–136. Результат был соответствующий. Обзор ответных критических отзывов см. в кн.: Адамович Г. Литературные беседы: Книга вторая («Звено»: 1926–1928). СПб.: Алетейя, 1998. С. 471–475. См. также: Марина Цветаева — Георгий Адамович: Хроника противостояния / Предисл., сост. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000.

Имеется в виду выступление З.Н. Гиппиус на собрании «Зеленой лампы», посвященном «Распаду атома» (28 января 1938 г.). Текст выступления был опубликован под названием «Черты любви» (Круг. 1938. Кн. 3. С. 139–150).

Упомянутый абзац был изъят из текста статьи.

Статья В.Ф. Ходасевича «Распад атома» открывалась словами: «Месяца два тому назад на одном многолюдном собрании в многострадальной зале Лас-Каз Д.С. Мережковский объявил с эстрады, что вскоре появится книга Георгия Иванова “Распад атома”, что он, Д.С.Мережковский, читал ее в корректуре и что она — гениальна» (Возрождение. 1938. 28 января). По всей вероятности, Ходасевич имел в виду выступление Д.С. Мережковского в прениях по докладу Адамовича «Русская литература (советская и эмигрантская) за 20 лет» на собрании Объединения русских писателей и поэтов, состоявшемся 2 декабря 1937 г.

Заглавная строка стихотворения (1930) Георгия Иванова из сборника «Розы».

Большинство читателей относилось к поэзии Иванова именно так. См. напр., отзыв Г.П. Струве: «...его новейшую поэзию признавать гениальной отказываюсь, ее нигилизм меня отталкивает, а в “Распаде атома”, помимо того же нигилизма, я вижу эпатаж» («Ваш Глеб Струве»: Письма Г.П. Струве к В.Ф. Маркову / Публ. Ж. Шерона // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 127).

Имеется в виду статья Ю.К. Терапиано «О поэзии Георгия Иванова» (Литературный современник. 1954. С. 240–245). В письме Маркову от 18 января 1956 г. Иванов назвал эту статью «довольно бестолковой» (Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955–1958 / Mit einer Einl. hrsg. von H. Rothe. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verl., 1994. S. 11).

Сборник стихов Одоевцевой «Контрапункт» (Париж: Рифма, 1951).

Имеется в виду книга Одоевцевой «Стихи, написанные во время болезни» (Париж, 1952).

Дузе (Duse) Элеонора (1858–1924) — итальянская актриса. Выступала с огромным успехом во многих странах, в том числе и в России (в 1891–1892, 1908).

Похоже, Одоевцева неточно цитирует «Евгения Онегина». У А.С. Пушкина: «...без предисловий, сей же час...» (гл. 1, строфа II).

О влияниях на стихи раннего Иванова см.: Крейд В. Петербургский период Георгия Иванова. Тераfly: Эрмитаж, 1989. С. 27–28, 40–43; Богомолов Н.А. Талант двойного зренья // Иванов Г. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М.: Книга, 1989. С. 507–508 и др.

Миллер (Miller) Генри (1891–1980) — американский писатель, до войны живший и писавший в Париже. Скандальную славу принесли ему романы «Тропик Рака» (1934) и «Тропик Козерога» (1939), появившиеся почти одновременно «Распадом атома». В эмигрантской печати первые отзывы о его творчестве появились уже после Второй мировой войны: Адамович Г. «Тихий Дон» // Русские новости. 1946.30 августа. № 68. С. 6; Он же. Литературные заметки: Генри Миллер и его «Тропики» // Там же. 1947.31 января. № 90. С. 4; Он же. Литературные заметки: Французы об американцах // Там же. 14 февраля. № 92. С. 4. Рассуждая о «Распаде атома», Марков заявил, что «Георгий Иванов тут опередил и превзошел “самого” Генри Миллера» (Марков В. О поэзии Георгия Иванова // Опыты. 1957. № 8. С. 88).

Гумилев Н. Лес // Дракон: Альманах поэзии. Пг., 1921. С. 7. В сборнике «Огненный столп» посвящение было снято.

Дружескую влюбленность (фр.).

Взял на полтона выше (фр.).

До дуэли с Голлербахом дело как раз не дошло, а суд чести под председательством А.Ф. Кони, включавший В.П. Миролюбова, Л.М. Ремизова и Вл. Каренина (В.Д. Комарову), состоялся 22 мая 1921 г. и вынес резолюцию «как и полагается суду чести, двойственную и потому безобидную». Подробнее о нем см.: Одоевцева И. На берегах Невы. М.: Худож. лит., 1989. С. 271; Голлербах Э.Ф. Н.С. Гумилев / Подгот. текста Е.А. Голлербаха; предисл. и коммент. Ю.В. Зобнина // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994. С. 588–589; Зобнин Ю.В., Петрановский В.П. К воспоминаниям Э.Ф. Голлербаха о Н.С. Гумилеве (Суд чести) // Там же. С. 592–604.

Первое издание книги стихов Георгия Иванова «Сады» (Пб.: Петрополис, 1921) было посвящено Ирине Одоевцевой. Второе издание (Берлин: Изд-во С. Ефрон, 1922) публиковалось без посвящения.

Имеется в виду стихотворение Моршана «Тюлень», давшее название его книге (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1959). В сборнике Одоевцевой «Контрапункт» есть стихотворение «Далеко за арктическим кругом...» (1950), в котором «рассуждали тюлени друге другом...».

Одоевцева И. Стихи, написанные во время болезни. Париж, 1952.

Ср. мнение современного исследователя: «Во второй половине XX века именно этикетка “сюрреализма” оказалась удобной для характеристики — пусть даже и частичной — и творчества Иванова, и Одоевцевой» (Гальцова Е. На грани сюрреализма: Франко-русские литературные встречи: Жорж Батай, Ирина Одоевцева и Георгий Иванов // Сюрреализм и авангард: Материалы российско-французского colloquium, состоявшегося в Институте мировой литературы. М.: ГИТИС, 1999. С. 105–106).

Грот Елена Петровна (урожд. Баранова; 1891–1968) — поэт, литератор. Уехала в США с мужем в 1916 г. Редактор журнала «Родные мотивы» (Сан-Франциско), организатор Литературно-художественного кружка в Сан-Франциско (с 1923). После войны редактор сан-францисской газеты «Русская жизнь», сотрудник «Нового русского слова». Подробнее о ней см. в кн.: Грот Е. Избранные стихи и очерки / Вступ. ст. К.И. Дубницкой. Мадрид, 1969.

Одоевцева имеет в виду статью Адамовича «Несколько слов о Марине Цветаевой» (Новое русское слово. 1957.9 июня. № 16052. С. 8).

На статью Адамовича Иваск откликнулся статьей «О читателях Цветаевой» (Там же. 30 июня. № 16073. С. 8).

Иваск и впрямь считал Адамовича, М.И. Цветаеву и Г.П. Федотова самыми интересными личностями в эмиграции. Маркова он долгое время и вполне безуспешно пытался подружить с Адамовичем, регулярно отзываясь о нем в письмах самым лестным образом: «Адамович, этот “мэтр” эмигрантской поэзии из Серебряного века, “мэтр” — по праву, в лучшем смысле слова. При некоторой капризности, он чуток удивительно» (Собрание Жоржа Шерона. 22 декабря 1948 г.); «Кроме “взглядов”, у Адамовича совершенно необыкновенное чутье к стихам, или не “чутье”, это скверное слово, а понимание поэзии всем существом. Поэтому человек он — драгоценный. Незаменимый» (Там же. 29 марта 1955 г.); «Как Вы можете сердиться на Адамовича? Сердиться ведь значит (обычно) обижаться. Будьте в данном случае ледовито-холодны: признайте его заслуги. Какая она там ни есть, но он родил литературу эмигрантскую 30-х гг.» (Там же. 24 августа 1956 г.); «Обещайте повидать Адамовича! Пусть любопытство преодолееет раздражение. Повидайте его хотя бы для меня: это последний аргумент (беспомощный и настойчивый). Одоевцеву и Терапиано не миновать» (Там же. 1 мая 1963 г.). Одновременно Иваск подталкивал к сближению и Адамовича, который в конце концов написал Маркову, изрядно его тем удивив. В ответ на удивление Маркова Адамович написал ему еще раз 30 декабря 1969 г.: «Два слова об Иваске. Он довольно часто мне пишет и часто с попреками. То я несправедлив к Цветаевой, то недооцениваю Достоевского — и так далее. О Вас он тоже писал не раз, и совсем недавно. Но о покойниках — спор отвлеченный, никуда не ведущий, а о Вас он писал иначе, в другом тоне. Иваск — человек ко всем и всему благожелательный, миролюбивый, что я в нем и люблю. Он многое понимает, по-моему, “не умом, а всей жизнью”, как сказано где-то у Толстого. Если его укоры, к Вам относящиеся, вызвали у меня желание Вам написать, то за это я ему искренне благодарен. Но не “накачивал” он меня нисколько, писать не побуждал, а только — по моей просьбе — дал мне Ваш адрес» (Там же).

Из стихотворения И.Ф. Анненского «Третий мучительный сонет», включенного в книгу «Тихие песни» (СПб., Товарищество художественной печати, 1904).

Стихотворение Моршена «На Первомайской жду трамвая» (Грани. 1956. № 32. С. 171).

Стихотворение Одоевцевой было опубликовано в «Опытах» (1957. № 8. С. 4).

Неточная цитата из поэмы С.А. Есенина «Черный человек» (1925). У Есенина: «Друг мой, друг мой, я очень и очень болен...».

Из стихотворения Ф.И. Тютчева «Весь день она лежала в забытьи...»
(1864).

Тем хуже для меня (фр.).

123

И далее (фр.).

Неточно приведенная заглавная строка стихотворения (1911) Н.С. Гумилева (или известный только Одоевцевой вариант). У Гумилева: «Все ясно для тихого взора...» Эту строку (оставшуюся неточной) Одоевцева взяла эпиграфом к своему стихотворению «Ни спора с судьбой, ни укора» (Новый журнал. 1959. № 58. С. 108).

Веселкова-Кильштет Мария Григорьевна (1861–1931) — поэтесса, прозаик, сотрудничала в журнале «Лукоморье» в одно время с Георгием Ивановым.

Весь 1958 г. деньги для Г.В. Иванова собирал в США. В.Ф. Марков. 30 марта 1958 г. он писал Г.П. Струве: «Г. Иванов в госпитале, Одоевцева пишет, что врачу сказали, будто он “русский В. Гюго”, и врач отнесся внимательнее, но денег на лечение нет, и врач недоумевает, как же поклонники “В. Гюго” это допускают. Как же ему объяснить, что 1) люди вроде Вас и Моршена “В. Гюго” осуждают по причинам высшего порядка, 2) что у поклонников, вроде меня, сейчас нет денег, 3) что Лит<ературный> фонд тоже вряд ли поможет по причинам уж совсем высшего порядка. Если Иванов и Зайцев умрут, у эмиграции не станет ни одной первоклассной фигуры в литературе. Одоевцева пишет, что согласна даже на кампанию в газете по сбору денег. Не знаю, что делать и предпринять» (Hoover. Gleb Struve Papers). Струве ответил 2 апреля 1958 г.: «Мне об этом уже звонил несколько дней тому назад М.М. Шнееров — после того как письмо от Одоевцевой получила Е.П. Грей. Одоевцева писала об обращении в газетах, и Шнееров советовался со мной — они как будто хотели моей подписи под таким обращением. Я бы не отказался. Но я считал, что такое обращение будет эффективнее, если будет исходить от Литер<атурного> фонда (думаю, что Вы неправы — они ему помогают). Или же должен быть образован какой-то комитет. Письмо с несколькими случайными подписями не годится. И так боюсь, что много не собрать. <... >... Если Вы хотите лично что-то сделать, то можно было бы в том порядке, как Вы когда-то организовали помощь для Терапиано (и как некоторые американские ученые помогают г-же Варшер), т. е. чтобы несколько человек обязались вносить столько-то долларов в месяц и Вы бы переводили эту сумму Ивановым. Я заранее готов подписаться на \$ 5.00 в месяц. Попросите Иваска, и пусть он завербует еще несколько человек. Сам я сейчас очень озабочен тем, чтобы как-то помочь Кленовскому» (Собрание Жоржа Шерона). 5 августа 1958 г. Марков написал Струве: «Цетлина пишет, что Адамович собирает на Иванова “не потому, что И<ванов> нуждается, а чтобы скрасить его последние дни, т. к. он уже не поправится”. (Я Цетлину хотел в Группу помощи, но она сейчас во Франции и там дала денег прямо через Адамовича.)» (Hoover. Gleb Struve Papers).

Стихотворение Одоевцевой о тюленях «Далеко за арктическим кругом...» (1950) завершалось строчками: «Сумасшедшая чайка врала / Перед тем, как на льду умирала».

У Одоевцевой два стихотворения, начинающихся словами «Банальнее банального...»: одно вошло в сборник «Контрапункт», второе — в «Портрет в рифмованной раме». Здесь речь идет, по всей видимости, о первом.

Стихотворение (1950) вошло в сборник Одоевцевой «Контрапункт», а позже за ее подписью было опубликовано в антологии «На Западе» (Нью-Йорк, 1953. С. 193).

Измененная строка стихотворения О.Э. Мандельштама «Соломинка» (1916).

Здесь: далеко (фр.).

Опера Моцарта «Свадьба Фигаро» (1785–1786) по комедии Бомарше.

«Да здоровствует великий Моцарт!» (итал).

Сальери (Salieri) Антонио (1750–1825) — итальянский композитор.

Имеется в виду октябрь 1787 г., когда Моцарт приехал в Прагу со своим либреттистом Лоренцо да Понте, придворным поэтом австрийского императора, ставить «Свадьбу Фигаро». Первое представление состоялось 29 октября 1787 г. и имело оглушительный успех.

О рецепции Моцарта в России см., напр.: Ливанова Т.Н. Моцарт и русская музыкальная культура. М., 1956.

Няня (англ.).

«Волшебная флейта» (1791) — опера Моцарта.

Но оставим (фр.).

Стихотворение Одоевцевой «Ты говорил: на вечную разлуку...» было опубликовано в «Опытах» (1957. № 8. С. 4).

Видимо, имеется в виду стихотворение Одоевцевой «Ночь в вагоне» («У окна качается пальто...»), опубликованное несколько месяцев спустя указанного срока (Новый журнал. 1958. № 52. С. 50–53).

В 1957 г. Марков был приглашен на место ассистента профессора в Калифорнийский университет и готовился к переезду из Монтерея в Лос-Анджелес.

Марков В. О поэзии Георгия Иванова // Опыты. 1957. № 8. С. 83–92.

От фр. *retentissement* — резонанс.

Статья Адамовича «Наши поэты: <1.> Георгий Иванов» была напечатана спустя несколько месяцев (Новый журнал. 1958. № 52. С. 55–62).

См. письмо 34 в разделе: «Эпизод сорокапятiletней дружбы-вражды: Письма Г.В. Адамовича И.В. Одоевцевой и Г.В. Иванову (1955–1958)».

В сборнике литературно-художественного кружка в Сан-Франциско «У Золотых ворот» (Сан-Франциско: Литературно-художественный кружок, 1957) были опубликованы стихотворение Маркова «Подъезжая к Америке» («Вместо водорослей Гольфштрема...») и посвященный М.Л. Лозинскому «Запоздалый некролог» (С. 99-104), а также стихотворение Моршенина «Над рощей тучи встали...» (С. 51) и два стихотворения Струве из цикла «Пражские вечера»: «На Карловом мосту» («Над градом дымчатый закат...») и «В поезде» («Расцветают пожаром закатным...») (С. 170–171).

Возражения Иванова вызвало предположение Маркова в статье «Запоздалый некролог», что «не отними революция у Лозинского возможности свободно писать о своем, он, может быть, так и остался бы третьестепенным акмеистом» (У Золотых ворот. С. 99). 14 декабря 1957 г. Георгий Иванов написал Маркову: «Случайно попался мне сборник “Золотые ворота” с Вашей статьей о Лозинском. Конечно, он замечательный переводчик, но какой же он третьестепенный акмеист? Он третьестепенный поэт (т. е. как собственное творчество), но он был натуральным врагом акмеизма — считая себя завершителем символизма и этим гордясь. Читали ли Вы “Горный ключ” — там сплошные туры на колесах не хуже Вячеслава Иванова. <...> Он был, несмотря на свои стихи, очень близкий человек нам всем. Вы бы могли знать (м. б.) его в Ваши аркадские времена. Трудно было быть очаровательней, умней и остроумней, лучше чувствовать поэзию, чем Мих<аил> Леонидович. Его, как говорится, нельзя было не любить, и поэзию его все мы рассматривали как бородавку на прекрасном лице» (Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955–1958 / Mit einer Einl. hrsg. von H. Rothe. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verl., 1994. S. 85). Современные исследователи также считают, что хотя «Лозинский был близок к “Цеху поэтов” и журналу “Гиперборей”, но в стихах больше ощутили воздействия Блока, Брюсова, реже Кузмина» и находят «усредненно-символистскую поэтику» «Горного ключа» вторичной (Кушлина О.Б. Михаил Лозинский // Русская поэзия «Серебряного века». 1890–1917: Антология. М.: Наука, 1993. С. 472).

Имеется в виду статья Н.И. Ульянова «Мысли о П.Я. Чаадаеве» (Опыты. 1957. № 8. С. 50–72).

Роман Е. Печаткиной (наст. имя и фам. Евгения Сергеевна Исаенко; 1899–1969) «Перекасти-поле» вышел отдельным изданием в Аугсбурге в 1954 г.

Грот Е. Корни творчества Есенина // У Золотых ворот. С. 76–86.

Есенин С. Ключи Марии: Мысли о творчестве. М.: Изд-во Московской трудовой артели художественного слова, 1919 (на титульном листе: 1920).

В «Новом журнале» были опубликованы стихотворения Одоевцевой «Средиземноморский ад...» и «Скользит слеза из-под закрытых век...» (1957. № 51. С. 57–59).

Благотворительные концерты в отеле «Лютетия» на вечерах встречи русского Нового года, сборы с которых шли нуждающимся, устраивались Комитетом помощи русским писателям и ученым с 1924 г. Начиная с 1927 г. к устройству их присоединился Союз русских писателей и журналистов в Париже, и встречи переросли в настоящие балы. На первом балу, 13 января 1927 г., Одоевцева вместе с И.А. Буниным, А.И. Куприным, Б.К. Зайцевым и другими литераторами разыгрывала сочиненный ими сообща скетч, один из основных номеров программы. Балы в «Лютетии», называвшиеся также балами прессы, продолжались до 1937 г. Последние два бала проводились в Salle Noche, и уже не 13 января, а 24 декабря 1937 и 31 декабря 1938 г.

Из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино» (1837).

Кольридж С.-Т. Кристабель / Пер. Г. Иванова. Берлин: Петрополис, 1923.

Иванов так рассказывал Маркову историю с переводом: «Вот посылаю Вам листик из моей “Кристабели” (Кольриджа). Это последние стихи поэмы. Про этот кусочек Лозинский очень восхищался переводом, называл шедевром и не изменил редактуру ни строчки. Он вообще очень мало внес поправок в весь мой перевод. Но после него Гумилев, не знавший к тому же ни бе ни мэ по-английски, прошелся по ней “редакторской корректурой” и наворотил черт знает чего. За редактора платили почти столько же построчно, как за перевод. Скоро Гумилева расстреляли, а я, уезжая за границу, выкрал рукопись и продал ее “Петрополису”. По лени и наплевательству, я не удосужился снять гумилевских глупостей, и “Кристабель” появилась в обезображенном виде. Был бы у меня Кольридж в подлиннике, я бы теперь, на старости лет, исправил бы, “для потомства”. А впрочем, наплевать» (Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955–1958 / Mit einer Einl. Iirsg. von H. Rothe. Koln; Weimar; Wien: Bohlau Verl., 1994. S. 86–87).

Из перевода М.Л. Лозинского «Божественной комедии» Данте. Иванов отозвался на эти строки Лозинского в письме Маркову схожим образом: «Я читал здесь — большие куски — его Данта, зная его, не считаю, что это его переводческий шедевр. Вот хотя бы Вы приводите “как горестен устам”, “общенье будет глупых и дурных”, по-моему, весьма и весьма не на высоте» (Ibid. S. 86).

Подробнее о М.Л. Лозинском см.: Оношкович-Яцына А.И. Дневник 1919–1927/Публ. Н.К.Телетовой // Минувшее: Исторический альманах. 13. М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1993. С. 355–456.

Дюдеван-Санд (Dudevant-Sand) Морис (1823–1889) — сын писательницы, живописец и поэт, был весьма плодовитым автором. Трудно сказать, какую именно из его книг имеет в виду Одоевцева.

Друг и биограф Н.И. Ульянова С.П. Крыжицкий объяснял это следующим образом: «В 1953 году <Ульянов> был приглашен Американским комитетом по борьбе с большевизмом в качестве главного редактора русского отдела на радио “Освобождение”. Но Н.И. был сугубо принципиальным человеком и не мог исполнять роль марионетки — делать то, что расходилось с его убеждениями. Он расстался с “Освобождением” и в мае 1953 года переселился в Канаду» (Отклики: Сб. статей памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985). Нью-Хейвен, 1986. С. 62).

См. примеч. 126.

См. письмо 41.

В статье «Наши поэты: <1.> Георгий Иванов» Адамович, в частности, писал: «Скажу мимоходом, что я редко бываю согласен с Марковым, мне редко бывают по душе его статьи, в которых явно что-то еще “не перебродило” и где при этом не заметно признаков, что затянувшееся брожение к чему-либо наконец приведет. Но Марков — талантливый человек, в его капризных и ребячески запальчивых писаниях есть неподдельная свежесть, есть игра живого ума, эти писания украшают сейчас нашу поблекшую и посеревшую печать, и я рад случаю хоть в чем-либо с ним согласиться» (Новый журнал. 1958. № 52. С. 55–62).

Имеется в виду стихотворение Одоевцевой «Средиземноморский ад...», посвященное «Памяти поэта Виктора Полякова», застрелившегося в Париже на площади Трокадеро 14 марта 1906 г.

Внимательный Струве, прочитав стихи, когда они появились в «Новом журнале», обратил на это внимание и 26 июля 1958 г. написал Маркову: «Мне понравилось стихотворение Одоевцевой, посвященное Вам. Да и первое тоже, но разве оно ее, а не Иванова? (почему она пишет о себе в мужском роде, как Гиппиус?)» (Собрание Жоржа Шерона).

Марков В. О Хлебникове: (Попытка апологии и сопротивления) // Грани. 1954. № 22. С. 126–145.

Стихотворение Одоевцевой с посвящением «Владимиру Маркову» было опубликовано в «Новом журнале» (1958. № 53. С. 57) с разночтениями в пятой строфе: «Как дева ветреной воды, /Забыв озера и сады» и добавлением (видимо, пропущенной в письме по рассеянности) строки «От вдохновенья холодея» после «Твои пиррихии, спондеи».

Цветаева М. Лебединый стан: Стихи 1917–1921 гг. / Пригот. к печати Г.П. Струве; с вступ. ст. Ю.П. И васка. Мюнхен, 1957.

На самом деле М.И. Цветаева родилась 26 сентября (11 октября) 1892 г.

После «Петербургских зим» Струве не без оснований считал, что «Иванов часто врет без зазрения совести», о чем и сообщил Маркову 23 апреля 1953 г. (а тот, по всей вероятности, передал позже этот отзыв Одоевцевой). С недоверием отнесся Струве и на этот раз к сведениям, сообщенным Ивановым, и 6 марта 1958 г. писал об этом Маркову: «Сегодня получил письмо от Георгия Иванова в ответ на посылку ему “Лебединого стана”. Благодарит за “внимание и за ценный подарок”. Подтверждает, ссылаясь на разговор с Цветаевой еще в Петербурге, даваемый Еленевой (и усиленно отрицаемый Иваском) год ее рождения — 1894. Фраза об этом довольно забавная: “При первом же знакомстве с Цветаевой (в квартире Каннегисеров, Саперный, 10, СПб) в разговоре с ней за чайным столом вместе с тем, что ‘только петербуржец не может оценить гениальности Эдмонда Ростана’ и что клюква в сахаре вкуснейшая из конфет’, выяснилось, что мы оба родились в 1894 году”» («Ваш Глеб Струве»: Письма Г.П. Струве к В.Ф. Маркову / Публ. Ж. Шерона // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 129). Впрочем, это не помешало позже Струве опубликовать письмо Георгия Иванова: Струве Г. Из моей переписки с писателями: Письма Г.В. Иванова, М.И. Цветаевой и М.А.Алданова // Мосты. 1968. № 13/14. С. 394–395.

Одоевцева неточно цитирует стихотворение Ходасевича «У окна» («Нынче день такой забавный...») (1921). У Ходасевича: «Восстает мой тихий ад».

29 апреля 1958 г. Г.П. Струве писал Маркову о своих планах помощи Иванову: «Что касается дела помощи Иванову, то моя мысль была о том, чтобы в частном порядке, без всякого общественного воззвания, получить от ряда лиц (обратившись к ним с личными письмами) обязательство вносить ежемесячно такую-то сумму в фонд помощи Иванову, пока он находится в госпитале (или неопределенное время). <...> Таким образом, по моему плану (я могу, конечно, и ошибаться) воззвания в газетах не нужно; но если Вы считаете его необходимым и придаете значение моей подписи (она может иметь значение, я думаю, только если будет очень мало подписей, но если подпишут Карпович — его подпись, думается, существенна — Гуль и др., то без меня можно обойтись), я не откажусь подписать, хотя и хотел бы видеть текст. Но повторяю, мой план кажется мне целесообразнее. Вы когда-то в таком порядке помогали со сбором для Терапиано» (Собрание Жоржа Шерона).

Литературный фонд — эмигрантская организация, созданная в 1918 г. в Нью-Йорке группой лиц, среди которых видную роль играли генерал К.М. Оберучев, И.Л. Тартак, В.М. Берг. Первоначально носила название Общество помощи писателям и ученым. Занималась в основном устройством вечеров и сбором средств для больных или неимущих литераторов. Ее деятельность получила наибольшую значимость после Второй мировой войны, распространившись и на Европу. В те годы председателем правления был М.Е. Вейнбаум, казначеем — Б.М. Авксентьева, представителями Литературного фонда во Франции — Н.А. Недошивина и Н.С. Долгополов. О масштабах деятельности фонда можно судить по одному из отчетов Вейнбаума общему собранию: «Кампания наша за 1962–1963 год оказалась самой удачной за все годы существования Литературного фонда. Она дала 19 655 долларов с сентами, почти на тысячу долларов больше, чем в прошлом году. <... > Самое большое число пожертвований дали, конечно, Соединенные Штаты. <...> Как и в прошлые годы, больше всего пособий пришлось на Францию. Их было отправлено 238» (Вейнбаум М. О деятельности Литературного фонда (из доклада общему собранию 10 ноября) // Русская мысль. 1964. 24 ноября. № 2234. С. 4).

Из стихотворения В. Хлебникова «Кому сказатеньки...» (1909 или 1910).

Сборник «Стихи 1943–1958 гг.» со вступительной статьей Р.Б. Гуля был издан в Нью-Йорке при «Новом журнале» лишь в октябре 1958 г., уже после смерти Георгия Иванова, см. газетное объявление: Новая книга стихов Георгия Иванова // Русская мысль. 1958.11 октября. № 1276. С. 5.

Датируется по содержанию. Обсуждаемый в письме № 52 «Нового журнала» вышел в самом конце апреля.

Адамович Г. Наши поэты: <1.> Георгий Иванов// Новый журнал. 1958.
№ 52. С. 55–62.

См. письмо 39 в разделе: «Эпизод сорокапятiletней дружбы-вражды: Письма Г.В. Адамовича И.В. Одоевцевой и Г.В. Иванову (1955–1958)».

Стихотворение Одоевцевой «Ночь в вагоне» (1954) было опубликовано в «Новом журнале» (1958. № 52. С. 50–53).

Весь 1958 г. Марков собирал деньги для Георгия Иванова, сформировав, по его собственному определению, группу помощи. Г.П. Струве также передавал Маркову деньги для нелюбимого им Иванова. См. письмо Г.П. Струве В.Ф. Маркову от 22 мая 1958 г.: «Как дело с комитетом помощи Иванову? Я прилагаю свой взнос за год — чек на \$ 60. Думаю, что это имеет больше смысла для И<ванова>, чем если бы я вносил ежемесячно, но это, конечно, не значит, что другие тоже должны делать так» (Собрание Жоржа Шерона).

См. письмо 40 в разделе: «“...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда”: Письма Ю.К. Терапиано В.Ф. Маркову (1953–1966)».

Марков писал предисловие к книге Моршена «Тюлень», которая вышла в следующем году (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1959).

См. примеч. 87.

Имеется в виду стихотворение Моршена «Разговор о Елене Келлер» («Ты только вдумайся: взамен...»). Американка Элен Келлер (Keller; 1880–1968) в 19 месяцев после детской болезни осталась слепоглухонемой, но преодолела все трудности и смогла стать писательницей.

26 августа 1958 г. Г.П. Струве писал об этом Маркову: «Вчера впервые узнал по- настоящему, почему такие строгости в отношении внешней формы диссертации. Тут дело вовсе не в какой-то пустой придирчивости, а в том, что депонируемый в университете текст должен удовлетворять известным требованиям для фотографирования машинописи: на микрофильмы диссертаций есть большой спрос. Вот почему, когда диссертация депонируется, ее в Graduate Division просматривают страница за страницей, и если окажутся не удовлетворяющие их страницы (бледные, а может быть, и с поправками чернилами?), их возвращают кандидату для переписки наново» (Собрание Жоржа Шерона).

Имеется в виду статья Г.П. Струве «Об Адамовиче-критике» (Грани. 1957. № 34–35. С. 365–369).

Стихотворение «Полутона рябины и малины...», впервые опубликованное без посвящения в составе «Дневника 1955» (Новый журнал. 1955. № 42. С. 102), в сборнике было посвящено Владимиру Маркову.

Стараниями М.М. Карповича Литературный фонд назначил Георгию Иванову ежемесячную пенсию. 9 июня 1958 г. Адамович писал Полякову: «Спасибо за письмо и сообщение о пенсии Жоржу Иванову. Они уже получили первые 30 долларов, но не знали, что это будет каждый месяц» (BAR. Coll. Poliakov. Box I).

На батарейках (фр.).

Во время визита Адамович убедился, что Иванов долго не протянет.

В письме С.Ю. Прегель от 20 августа 1958 г. Адамович о состоянии Г. Иванова отозвался пессимистично: «Совсем плохо. Но сколько это может тянуться — неизвестно» (Новый журнал. 1994. № 194. С. 294). В мемуарно-некрологической статье «Георгий Иванов» Адамович писал об этом посещении: «Я был у него в Иере, маленьком городке на южном побережье Франции, около Тулона, недели за две-три до его смерти. Было ясно с первого взгляда, что это конец... Но казалось — конец, который может еще длиться, с перемежающимися улучшениями и ухудшениями, как почти всегда бывает при последних, смертельных болезнях. Конец подлинный, окончательный настал, однако, совсем скоро» (Новое русское слово. 1958.2 ноября. № 16663. С. 8).

Сбор для Иванова Адамович, однако, продолжал и утешал Одоевцеву, уже уверившись в самом худшем исходе и не имея никаких иллюзий. В. Марков 5 августа 1958 г. сообщал Г.П. Струве: «Цетлина пишет, что Адамович собирает на Иванова “не потому, что И<ванов> нуждается, а чтобы скрасить его последние дни, т. к. он уже не поправится”» (Hoover. Gleb Struve Papers. Box 105. Folder 9).

Датируется по содержанию. Написано вскоре после смерти Иванова (скончался 28 августа 1958 г.). Марков упоминает это письмо Одоевцевой в своем письме к Г.П. Струве от 1 октября.

17 сентября Марков написал Г.П. Струве: «Смерти Г. Иванова я не ожидал, думал, что у него только страшная депрессия (до сих пор не знаю причину его смерти). Теперь мучает совесть: за своими “проблемами” забывал и оттягивал некоторые вещи, кот<орые> могли бы хоть скрасить последние дни» (Hoover. Gleb Struve Papers. Box 105. Folder 9).

Последние стихи Георгия Иванова не вызвали энтузиазма у Маркова, написавшего Струве 5 октября 1958 г.: «Стихи, приложенные на отд<ельном> листке (если интересуют, пришлю), имеют мало худ<ожественной> ценности, но они как-то внутренне (да и внешне) перекликаются с предсмертными стихами Есенина (которые я не очень высоко ставлю) и Маяковского. Последние я ценю, но там есть вкусовой спад (“инцидент исперчен”), и интересно, что подобное “словечко” роняет и Иванов» (Ibid.).

К этой идее Марков поначалу отнесся весьма скептически и 5 октября 1958 г. написал Струве: «В письме Одоевцевой есть немало других наивных вещей (вроде издания переписки)» (Ibid.). Лишь в конце 1980-х гг. он пришел к выводу, что издать письма Иванова все-таки нужно, и передал их Х. Роте для публикации, осуществившейся в 1994 г.

Имеется в виду посвящение «Владимиру Маркову» стихотворения «Полутона рябины и малины...» в сборнике Георгия Иванова «Стихи 1943–1958» (Нью-Йорк: Изд-во «Нового журнала», 1958).

Текст предсмертной записки Г. Иванова был таким:

«Благодарю тех, кто мне помогал.

Обращаюсь перед смертью ко всем, кто ценил меня как поэта и прошу об одном. Позаботьтесь о моей жене Ирине Одоевцевой. Тревога о ее будущем сводит меня с ума. Она была светом и счастьем моей жизни, и я ей бесконечно обязан.

Если у меня действительно есть читатели, по-настоящему любящие меня, умоляю их исполнить мою посмертную просьбу и завещаю им судьбу Ирины Одоевцевой. Верю, что мое завещание будет исполнено.

Георгий Иванов».

1 октября 1958 г. Марков писал Струве: «Посылаю Вам на прочтение письмо Одоевцевой, полученное мною на днях. <...> Вся эта затея с приездом сюда по аффидавиту мне представляется несколько хлестаковской. Если ей оплачивают проезд, прекрасно, может, в ее положении и надо развешаться, но эта идея с фиктивным докладом... Надеюсь, что Карпович ответил ей что-нибудь деловое, но я хотел бы и В<ашего> совета во всем этом деле. Если я ей стану писать, что UCLA такого аффидавита не может дать, она может подумать, что мне просто неохота хлопотать, чего мне не хотелось бы. Уж если есть возможность каких-то официальных мер, то не от нашего карликового отдела, где Иванова и не знает-то никто. Но что можно сделать? Я бы хотел сделать все, что можно» (Hoover. Gleb Struve Papers. Box 105. Folder 9).

Имеются в виду «Заметки на полях» Маркова, где он, в частности, писал: «Г. Иванов — большой поэт; он нигилизм довел до конца, трагизм в себя принял, но на крайних высотах отчаяния начал всем этим играть — здесь обнаруживается вершинный здравый смысл истинного художника» (Опыты. 1956. № 6. С. 62, 65).

К письму прилагалось написанное Георгием Ивановым в августе 1958 г. стихотворение «Отчаянье я превратил в игру...» из «Посмертного дневника».

Датируется по содержанию. Одоевцева переселилась в Ганьи в начале сентября.

Иванов Г. Стихи 1943–1958 гг. Нью-Йорк: Изд-во «Нового журнала», 1958.

В своей книге «На берегах Сены» Одоевцева пишет о Георгии Иванове, что «приехавший из Америки профессор М. сообщил ему, что Америка представит его кандидатом на Нобелевскую премию следующего года, если будет благоприятствовать политическая конъюнктура. Но конъюнктура, как и можно было ожидать, оказалась неблагоприятной» (Одоевцева И. На берегах Сены. М.: Худож. лит., 1989. С. 191). См. также письмо 32 в разделе: «Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г.В. Адамовича И.В. Одоевцевой и Г.В. Иванову (1955–1958)».

Сборник «Двенадцать русских поэтов» вышел в Аргентине в переводах на испанский В. Виноградовой. Из эмигрантов в нем был представлен только Георгий Иванов: *Doce poetas rusos XIX–XX / Sel., trad, e introd. de V. Vinogradova; arreglo de O. Corvalan. Buenos Aires: Ed. M. Segura, 1958.* См. отзыв о книге в эмигрантской печати: Терапиано Ю. Новые книги//Русская мысль. 1960.25 июня. № 1543. С. 6–7.

Высказывание Аристотеля.

Терапиано была сделана операция, о чем он по возвращении из госпиталя сообщил Маркову. См. письмо 43 в разделе: «“...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда”: Письма Ю.К.Терапиано В.Ф. Маркову (1953–1966)».

Марков В. О большой форме // Мосты. 1958. № 1. С. 174–178.

В 1958 г. Марков получил известие о том, что его мать Иустина Филипповна Маркова жива (он думал, что она погибла в лагере), реабилитирована и живет в Ленинграде, начал переписываться с ней и с сестрой, слать им посылки в Советский Союз. В 1960-е гг. Иустина Филипповна приезжала в гости к сыну в Лос-Анджелес.

Статья Терапиано о «Гурилевских романсах» и книге Корвин-Пиотровского «Поражение» (Париж: Рифма, 1960) была опубликована под названием «Новые книги» (Русская мысль. 1960. 14 мая. № 1525. С. 8).

На «Гурилевские романсы» рецензиями откликнулись также Ю.Г1. Иваск (Опыты. 1959. № 9.11одп.: Ю. И.), О. Анстей (Новое русское слово. 1960.18 сентября) и Ю. Офросимов (Новый журнал. 1960. № 61. С. 302–303. Подп.: Ю. О.). Последняя в «Указателе содержания "Нового журнала"», опубликованном в № 190/191, атрибутирована Ю.П.Одарченко, что вряд ли верно, поскольку Одарченко, в отличие от Офросимова, такого рода рецензий не писал.

Роман об Азефе и Савинкове, издававшийся до войны под названием «Генерал БО» (Берлин: Петрополис, 1929), Р.Б. Гуль напечатал после войны в переработанном виде подзаголовком «Азеф» (Нью-Йорк: Мост, 1959). Н.И. Ульянов откликнулся на книгу рецензией: Ульянов Н. Без заглавия // Новое русское слово. 1959.6 декабря. С. 3, 7.

Имеется в виду статья Маркова «Стихи русских прозаиков» (Воздушные пути. 1960. № 1. С. 135–178).

В статье, написанной по поводу выхода книги «Тюлень» (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1959), Одоевцева расхвалила Моршена, заручившись всеми возможными авторитетами: «Стихи Моршена чрезвычайно понравились бы Гумилеву. <...> Георгий Иванов считал Моршена “одной из главных надежд нашей смены”. <...> В заключение мне хочется только поставить имя Моршена рядом с именем Пастернака. Но не для того, чтобы сравнивать их стихи. <... > Моршен, как и Пастернак, пример того, что русский человек может даже в “страшном мире” сохранить себя» (Одоевцева И. О Николае Моршене // Новый журнал. 1959. № 58. С. 116–121).

Братской могиле (фр.).

Через несколько месяцев Терапиано опубликовал об этом заметку в газете: «Комитет по перенесению праха Георгия Иванова, образовавшийся в Париже, поставил себе целью выполнить последий долг в отношении и поэта» (Терапиано Ю. Перенесен прах Георгия Иванова // Русская мысль. 1960. 5 мая. № 1521. С. 7). Перенесение праха Иванова из Иера в Париж на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа состоялось в 1963 г. См.: Шулепова Э.А. Русский Некрополь под Парижем. М., 1993. С. 43. См. также: С.А. Водов был председателем (а Терапиано секретарем) Комитета по перенесению праха поэта Георгия Иванова, в который входили Г.В. Адамович, В.В. Вырубов, Р.Б. Гуль, епископ Сан-Францисский Иоанн, С.Ю. Прегель, М.С. Цетлина и др. О деятельности Комитета см.: Могила Георгия Иванова // Русская мысль. 1960. 31 марта. № 1506. С. 6; Терапиано Ю. Перенесение праха Георгия Иванова // Там же. 5 мая. № 1521. С. 7. Прах Георгия Иванова был перезахоронен на русском кладбище Сен-Женевьев де Буа 23 ноября 1963 г. См.: Ю. Т. <Терапиано Ю. К.> Перенесение останков Георгия Иванова // Там же. 1963. 5 декабря. № 2082. С. 4.

См. примеч. 317.

К письму было приложено стихотворение «Все было, было, бы... Лото под лампой...», вскоре опубликованное в «Новом журнале» (1960. № 60. С. 68).

Струве Г. Дневник читателя. 1. О стихах Моршана; 2. Pro domo mea // Новое русское слово. 1959.1 ноября. № 17027. С. 8.

Терапиано Ю. Новые книги //Русская мысль. 1959.16 мая. № 1369. С. 4.

Д.И. Кленовский считал, что поэтическая репутация И.В. Чиннова была решена после хвалебной статьи Адамовича «Новый поэт» (Новое русское слово. 1952.23 марта. № 14576. С. 8): См. письмо 7 в разделе: Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно»: Письма Д.И. Кленовского В.Ф. Маркову (1952–1962)». Позже Адамович рецензировал все книги Чиннова и неизменно отзывался о нем очень высоко.

Больше всего Чиннов был похож в своих стихах на Георгия Иванова в ранний период творчества, так называемый период «парижской ноты». Позже, перебравшись в Америку, он несколько изменил свою стилистику. См. об этом подробнее в кандидатской диссертации И.И. Болычева «Творческий путь Игоря Чиннова» (М., 1999).

Одоевцева по просьбе Гуля написала рецензию на его книгу: Одоевцева И. «Азеф». Исторический роман // Русская мысль. 1959.31 октября. № 1441. С. 4–5. Пятнадцать лет спустя Одоевцева откликнулась на четвертое издание романа (Нью-Йорк: Мост, 1974) гораздо более восторженной рецензией: Она же. Роман Гуль. «Азеф» // Русская мысль. 1974.8 августа. № 3011. С. 9.

В № 1 альманаха «Воздушные пути» (Нью-Йорк, 1960) была опубликована статья Маркова «Стихи русских прозаиков» (С. 135–178), эссе Адамовича «Темы» (С. 43–50) и начало «Поэмы без героя» Ахматовой (С. 5–42).

Шаховской Дмитрий Алексеевич (1902–1989) — церковный и общественный деятель, духовный писатель, поэт, критик. Принял монашеский постриг с именем Иоанн в 1926 г. и был священником в Югославии и Германии (1927–1946), затем в США епископом Бруклинским (1947), деканом Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке (1948–1950), епископом Сан-Францисским и Западно-Американским (1950–1960), много писал на церковные, философские и богословские темы, печатал стихи под псевдонимом Странник, переписывался со многими литераторами русского зарубежья. Позже, в 1961 г., был возведен в сан архиепископа Сан-Францисского. Подробнее см.: Голлербах Е.А. К истории русской зарубежной литературы: Материалы из архива архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Д.А. Шаховского) // *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры*. СПб., 1996. Т. 2. № 2. С. 231–320.

Одоевцева ошибалась, в этот период Марков ничего о Георгии Иванове не печатал, о чем и не замедлил сообщить (см. следующее письмо).

Имеется в виду Зинаида Шекаразина, которую Терапиано не очень успешно пытался пристроить в «Русскую мысль». См. письмо 70 в разделе: «“...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда”: Письма Ю.К. Терапиано В.Ф. Маркову (1953–1966)»:

«...Зинаида Шекаразина — не псевдоним, а живое лицо; она живет на юге Франции и мне, по бабушке, доводится дальней родственницей. Хотел дать ей возможность писать, но она — увы! — сразу же наступила многим на хвосты и по стилю ее стали принимать за И<рину> В<ладимировну> — пришлось «прекратить» (чего она мне, конечно, не простила)...

Оцуп был и остался другом для Одоевцевой, несмотря на то что Иванов и Адамович относились к нему немного пренебрежительно.

Водов написал также обстоятельное письмо Г.П. Струве, в котором защищал Одоевцеву и одновременно Шекаразину, утверждая, что литераторам свойственно ссориться, а мнения по любому поводу могут быть разные. См. письмо Г.П. Струве к В.Ф. Маркову от 4 июня 1959 г. (Собрание Жоржа Шерона).

Рафальский С. Последняя и первая //Новое русское слово. 1960.28 февраля. № 17146. С. 8. См. об этом также письмо 44 в разделе: «“...Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно”: Письма Д.И. Кленовского В.Ф. Маркову (1952–1962)»:

«...Ваша защита Одоевцевой на страницах «Н<ового> р<усского> с<лова>» до меня еще не дошла (или я ее пропустил?). Вы сугубо правы, когда пишете: «мы должны заступаться друг за друга». Но мне представляется, что заступничество хорошо, если ты чувствуешь несправедливость и заступаешься по своему собственному почину, а не тогда и не потому, что тебя очень настойчиво об этом просят. А если бы Одоевцева не попросила? Вероятно, не заступились бы! Значит, заступились не от души и не вполне искренне, а больше по обязанности и в порядке взаимного одолжения... Не сердитесь, дорогой, за откровенность! Не вдаваясь в оценку критики Рафальского, я нахожу, что в случае с Одоевцевой было весьма полезно, что она почувствовала на своей собственной шкуре, что значит для автора резкое и несправедливое (предположим, что это было так) критическое суждение. В свое время Одоевцева очень грубо расправилась с Алексеевой (одна «Хавронья» чего стоит!). Тогда за Алексееву никто не заступился, да она и не просила (прибегать к таким просьбам не очень-то красиво). Я заступиться за нее не мог, т. к. сам был пострадавшим (от Одоевцевой) лицом. Были читательские попытки это сделать, но О<доевцева> их на страницы «Рус<ской> м<ысли>» не пропустила. Теперь, когда дело коснулось ее самой, — Одоевцева молит о защите! С воспитательной точки зрения и ей же на пользу — защищать ее не следовало! Мне писал очевидец из Парижа, что, встретив Рафальского на одном из тамошних литературных вечеров, Одоевцева во всеуслышанье на него накричала, заявив, что своей статьей он «оскорбил ее как женщину и как вдову (!?? — Д. К.)». Как видите, она сама умеет постоять за себя!..»

К.Д. Померанцев впрямь дружил с Г.В. Ивановым при жизни (сохранилась переписка), оставил воспоминания о нем (Русская мысль. 1984. 27 сентября. № 3536. С. 8; перепечатаны в книге «Сквозь смерть» (Лондон, 1986). Терапиано в письмах Маркову недоумевал по поводу внезапного изменения отношения Померанцева к Одоевцевой после смерти Иванова. См., в частности, письмо 54 в разделе: «“...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда”: Письма Ю.К. Терапиано В.Ф. Маркову (1953–1966)»

Дома отдыха (фр.).

Псевдонимом Андрей Луганов Одоевцева подписывала некоторые свои заметки в «Русской мысли» и канадском «Современнике».

Строчка из стихотворения Теофиля Готье «Искусство» («L'art»; 1857) в переводе (1914) Н.С. Гумилева.

Речь идет о Комитете по перенесению праха Георгия Иванова.

«Тайную песню» (фр.).

Имеется в виду сборник стихов архиепископа Иоанна Шаховского: Странник. Странствия: Лирический дневник. Нью-Йорк: ИКСФИС, 1960. Одоевцева откликнулась на этот сборник рецензией: Одоевцева И. Странствия//Русская мысль. 1960. 31 мая. № 1532. С. 6–7. Ознакомившись с рецензией, Кленовский 5 июля 1960 г. написал архиепископу Иоанну: «Рад был прочесть в “Р<усской> м<ысли>” отзыв о ней Одоевцевой и простил ей за это некоторую толику совершенных ею литературно-критических грехов (против Лидии Алексеевой, например, которую она, пародируя “деву Февронию”, к облику коей причислил Алексееву Ульянов, обозвала ее печатно “Хавроньей”!)» (Иоанн Шаховской, архиеп. Переписка с Кленовским / Ред. Р. Герра. Париж, 1981. С. 102–103).

Одоевцева И. Десять лет: Стихи. Париж: Рифма, 1961.

Измененная строка из стихотворения Николая Моршена «Он прожил мало: только сорок лет...». У Моршена: «Считать на годы — будет лет пятьсот».

Разбирая сборники стихов В.Л. Корвин-Пиотровского «Поражение» (Париж: Рифма, 1960) и В.Ф. Маркова «Гурилевские романсы» (Париж: Рифма, 1960), Ю.К. Терапиано писал: «В отдельном издании “Гурилевские романсы”, мне кажется, еще более выигрывают, кажутся еще более цельными. Действительно, таким тоном, как Марков, в нашей зарубежной поэзии, может быть, еще никто не говорил, и “Гурилевские романсы” перевесят многие “тома” поэтов очень искусных, восторженно в эмиграции приветствуемых» (Терапиано Ю. Новые книги //Русская мысль. 1960.14 мая. № 1525. С. 6–7).

Эпатаж — русское производное от фр. *epater*, ошеломлять. Существует также английское слово *epatage* (тоже производное от французского глагола).

Изумление (фр.).

Имеется в виду статья Адамовича «Наши поэты: 2. Ирина Одоевцева» (Новый журнал. 1960. № 61. С. 147–153).

Рецензия Н.Б. Тарасовой на сборник Одоевцевой «Десять лет» была опубликована под названием «Лунный поэт» (Грани. 1962. № 51. С. 234–238).

В своем обзоре сборников, выпущенных «Рифмой», Одоевцева главное место уделаила «Гурилевским романсам», заявив: «Хотя Владимир Марков, поэт новой эмиграции, стоит в стороне от парижской ноты, но внутренне, в смысле вкуса и мастерства, он приближается к поэтам не только парижским, но и к поэтам конца Петербургского периода» (Луганов А. <Одоевцева И.В.> О сборниках стихов издательства «Рифма» // Современник (Торонто). 1961. № 2 С. 62).

Анстей О. Новый Пастернак // Грани. 1960. № 45. С. 101–109.

Марков В. Советский Гамлет // Там же. С. 119–124. Через месяц после письма, 30 апреля 1961 г., Марков выступил на конференции в Сан-Франциско с докладом на тему «Пастернак-переводчик». Текст доклада был опубликован: Markov Vю An Annoticed Aspect of Pasternak's Translations // Slavic Review. 1961. Vol. 20. P. 503–508.

Доклад Н.Б. Тарасовой о советской литературе в 1960 г. состоялся 3 февраля 1961 г. (см.: Русская мысль. 1961.16 февраля. № 1644. С. 6).

Имеется в виду статья Маркова «Десять лет Ирины Одоевцевой» (Новое русское слово. 1961.19 марта).

Адамович Г. Наши поэты: 2. Ирина Одоевцева // Новый журнал. 1960. № 61. С. 147–153.

В стихотворении «Все было, было, бы... Лото под лампой...» (1959) Одоевцева неточно процитировала строки пушкинского третьего наброска к замыслу о Фаусте «Сегодня бал у сатаны» (1825). У А.С. Пушкина: «Ведь мы играем не <из> денег / А только б вечность проводить!» Включая это стихотворение в свою книгу, она вдобавок вынесла (оставшиеся неточными) строчки Пушкина в эпиграф.

Марков считает, что Одоевцева имела в виду Юстину Владимировну Крузенштерн-Петерец (1903–1983), поэтессу, перебравшуюся в 1960 г. в США из Шанхая через Бразилию. Работу она получила в Вашингтоне на «Голосе Америки».

В своей книге Г.П. Струве писал о Г.В. Иванове: «Оригинальность новой манеры Иванова <...> преувеличена: он многое воспринял от Блока, от Анненского, от Штейгера, от Одарченко (тут могло быть и обратное влияние, конечно, как говорит Гуль, но похожих на Одарченко стихов у Иванова особенно много после выхода книги Одарченко)» (Струве Г. Русская литература в изгнании. Paris: YMCA-Press, 1984. С. 324).

В начале 1961 г. Корвин-Пиотровский с женой и сыном перебрался в Лос-Анджелес.

Имеется в виду положительная рецензия на сборник «Поражение»: Адамович Г. Стихи Вл. Корвин-Пиотровского // Новое русское слово. 1960. 10 апреля. № 17188. С. 8.

Терапиано вспоминал об этом аналогично: «Начав подписываться после войны “своей полной”, как он говорил, “фамилией Корвин-Пиотровский” и надев на руку гербовый перстень, он всюду и всем с гордостью рассказывал историю своего рода, ведущего начало от римского полководца. <...>...На банкете, устроенном в честь “Новоселья”, я оказался за столом рядом с Корвин-Пиотровским, которого знал мало. В течение всего обеда Пиотровский услаждал меня разговорами о своем происхождении и заставлял несколько раз разглядывать его “римский герб”, пока, чтобы осадить его, я не сказал, что у римлян гербов вообще не было» (Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк: Альбатрос: Третья волна, 1987. С. 239).

Марков В. О стихах Чехова // Anton Cechov, 1860–1960: Some Essays / Ed. T. Eekman. Leiden: E.J. Brill, 1960. P. 136–146.

Строки из поэмы А.С. Пушкина «Цыгане» (1824) входили в большинство дореволюционных книг для чтения и хрестоматий для младшего возраста.

В своей, действительно дежурной, рецензии на сборник Одоевцевой «Десять лет» Завалишин писал: «Это не стихи отчаявшегося человека, который потерял все или почти все, нет, поэт не только сохранил, но даже укрепил в себе жизнеутверждающие силы. <...> “Десять лет”, на мой взгляд, самый своеобразный из сборников ее стихов» (Новый журнал. 1962. № 67. С. 289–290).

Датируется по содержанию. Письмо написано через неделю после литературного вечера 11 мая.

В конверт была вложена страничка из письма Адамовича к Одоевцевой, где он писал: «Насчет Маркова Вы совершенно правы. Он действительно талантлив, а главное — у него есть то, без чего литература с “типами”, “красочными зарисовками” и всем другим хламом превращается в хлам окончательный. Мне не всегда по душе, как он пишет, но это вопрос особый, касающийся больше меня самого, чем его».

См. об этом в письме 60 в разделе: «“...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда”: Письма Ю.К. Терапиано В.Ф. Маркову (1953–1966)»:

«Дорогой Владимир Федорович,

Исполняя Вашу просьбу, мы с Ириной Владимировной (она лучше знает Анненкова, чем я) написали ему письма по поводу портрета и вчера получили следующий ответ: «Мой портрет Хлебникова находится не у меня, а в одной частной коллекции, в Лионе. По счастью, у меня сохранился прекрасный печатный оттиск этого портрета. Этот оттиск я сегодня же вышлю по адресу В.Ф. Маркова (я, Ю. Т<ерапиано>, дал Ваш университетский адрес SI. D). Рисунок был сделан пером, и потому клише придется делать самое простое: штрихованным.

Насчет “безвозмездности”, — ну что же, пусть будет безвозмездно. Единственно, что я хотел бы получить в качестве гонорара, это 2 авторских экземпляра книги. Кроме того, под рисунком следует набрать: “портрет работы Юрия Анненкова” или “рисунок Юрия Анненкова”. C’est tout...»

Одоевцева имеет в виду свои стихотворения «Довольно вздор нести...» и «Сердце чужое (ваше, читатель?)...» (Новый журнал. 1961. № 63. С. 60–62).

В следующем номере были опубликованы стихотворения Одоевцевой «Уже не в Иере, а в Ганьи...» и «За широкой, сквозной занавеской окна...» (Там же. № 65. С. 121–124).

Литературный вечер, устроенный Союзом русских писателей и журналистов, прошел 11 мая 1961 г. в зале РМОЗ. Помимо Одоевцевой, на нем читали свои стихи Н.Н. Евсеев, О.Н. Можайская, А.А. Горская, К.Д. Померанцев, Н.В. Станюкович, С.Ю. Прегель и др.

Из стихотворения Адамовича «Тридцатые годы, и тени в Версали» (1921).

В начале мая 1961 г. Марков в последний раз сменил адрес, купив в Лос-Анджелесе дом, в котором живет до сих пор (303 S. Westgate Avenue, Los Angeles 49, California).

Датируется по содержанию. Упоминается статья Н. Валентинова, опубликованная 4–6 июня.

Статья Н. Валентинова (наст. имя и фам. Николай Владиславович Вольский, 1879–1964) «Чревоуещатель невнятиц» (Новое русское слово. 1961.4 июня. № 17618. С. 2; 5 июня. № 17619. С. 2, 3; 6 июня. № 17620. С. 2, 3), в которой А.А. Блок представал лживым, циничным и извращенным пьяницей, вызвала в эмиграции скандал. Первоначально она была предложена «Новому журналу», в котором ранее Валентинов опубликовал статью об А. Белом, но М.М. Карпович отказался ее напечатать. После публикации сокращенного варианта в «Новом русском слове» статья о Блоке в расширенном виде вошла отдельной главой в книгу Валентинова «Два года с символистами» (Stanford: Stanford Univ. Press, 1969. С. 71–87).

Начиная с осени 1960 г. в «Русской мысли» начали появляться отдельные мемуарные очерки Одоевцевой (название «На берегах Невы» впервые появится лишь в феврале 1962 г.).

Стихотворение Одоевцевой «Волшебная, воздушная весна...» было напечатано в составе подборки «Три стихотворения» (Новый журнал. 1961. № 65. С. 121–124).

Марков работал над статьей «Одностроки» (Воздушные пути. 1963. № 3. С. 243–258) и сам написал ряд однострочных стихотворений. Терапиано показывал присланные одностроки Одоевцевой, см. письмо 67 в разделе: «“... В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда”: Письма Ю.К. Терапиано В.Ф. Маркову (1953–1966)». 20 мая 1963 г. Д.И. Кленовский писал Д.М. Панину: «Обратите внимание на зарождение совсем нового жанра в поэзии: одностроков! <...> Отец этого нового жанра — поэт и литературовед Владимир Марков» (Из писем Дмитрия Кленовского Дмитрию Панину / Публ. Э. Бобровой // Новый журнал. 1997. № 207. С. 159–160).

По ассоциации с поэмой-сказкой М.И. Цветаевой «Царь-девица» (1922). Напр., осенью 1945 г. Адамович, вспоминая Цветаеву, советовал А.В. Бахраху: «Прочтите, если найдете, этот “Нездешний вечер”. Она была, конечно, “царь-дура”, но это она написала все-таки больше как царь, чем как дура, и местами неподражаемо — метко и верно» (BAR. Coll. Bacherac).

Одоевцеву раздосадовала статья Берберовой «Великий век» (Новый журнал. 1961. № 64. С. 119–140), в которой пропагандировались некоторые идеи американской «новой критики».

В статье «Великий век» (Новый журнал. 1961. № 64. С. 119–140) Берберова не без высокопарности пропагандировала некоторые идеи и взгляды американской «новой критики». 7 июля 1961 г. Г.П. Струве писал об этом Маркову: «Да, статья Берберовой произвела и на меня странное впечатление. Впрочем, дело, мне кажется, объясняется довольно просто: она впервые вдруг познакомилась с англосаксонской “новой критикой” (м. б., из лекций Веллека или бесед с ним — он ведь возглавляет там Отдел сравнительной литературы и славянских литератур), а отчасти и с современной англосаксонской поэзией и, не переварив всех этих свалившихся на нее “откровений”, пустилась делиться ими с читателями (может быть, не без мысли эпатировать их)» (Собрание Жоржа Шерона). Аронсон в рецензии на № 64 «Нового журнала» откликнулся на статью Берберовой восхищенно, чем еще больше удивил Г.П. Струве, написавшего Маркову 8 августа 1961 г.: «Да, Аронсон с Берберовой — это номер; но ему простительно принимать все это за чистую монету, не может он на старости лет изучать англосаксонских “новых критиков”!» (Собрание Жоржа Шерона).

Стихотворение Ю.К. Терапиано «Эпоха» было опубликовано в канадском журнале «Современник» (1963. № 7. С. 19–20) и вошло в сборник «Избранные стихи» (Вашингтон: Victor Kamkin, Inc., 1963. С. 106–107).

Сравнение не довод (фр.).

Из стихотворения «Я живу день изо дня...», опубликованного в составе подборки из пяти стихотворений (Мосты. 1963. № 10. С. 18–22).

В сборнике В.А. Дукельского «Послания» (Мюнхен, 1962) первое из «посланий» было обращено к Маркову, который написал и предисловие к книге.

Имеется в виду «Послание к В.Л. Корвину-Пиотровскому»
Дукельского.

«Послание к В.Ф. Маркову» Дукельского завершалось строчкой «Привет жене. Поклон армянам».

Фрагмент из воспоминаний Одоевцевой «На берегах Невы», повествующий о том, как Гумилев представлял ее Георгию Иванову и Андрею Белому, был опубликован в «Новом журнале» (1962. № 68. С. 66–90).

По-видимому, Марков написал Одоевцевой, что его диссертация вышла отдельной книгой.

Марков в это время готовил диссертацию о В. Хлебникове, защита которой состоялась в 1957 г. и которая позже вышла отдельной книгой: Markov V. *The Longer Poems of Velimir Khlebnikov*. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1962; переиздана: Westport (Ct): Greenwood Press, 1975.

Марков с женой приезжал в Париж в июле 1964 г. и встречался там с Одоевцевой, Терапиано, Райсом и другими друзьями по переписке.

Речь идет о переводах стихов Георгия Иванова на английский для двуязычной антологии современной русской поэзии, которую в это время составляли Марков и Меррилл Спаркс: *Modern Russian Poetry: An Anthology with Verse Translations* / Ed. and with introd. by V. Markov and M. Sparks. London: MacGibbon & Kee Ltd., 1966; Indianapolis (Indiana): The Bobbs-Merrill Company, Inc., 1967.

Учтя мнение Одоевцевой, составители не включили это стихотворение Иванова в антологию.

Стихотворение Одоевцевой было опубликовано в антологии (С. 452).

На Западе: Антология зарубежной поэзии / Сост. Ю.П. Иваск. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

Включая (фр.).

Одоевцева И. Одиночество. Вашингтон: Русская книга, 1965.

Фрагменты воспоминаний Одоевцевой «На берегах Невы» до выхода книги появлялись в «Русской мысли», «Мостах» и «Новом журнале».

Книга вышла на следующий год: Одоевцева И. На берегах Невы. Вашингтон: Viktor Kamkin, Inc., 1967.

Мосолов Александр Александрович (1854–1939) — военный и государственный деятель, генерал-лейтенант, в 1900–1917 гг. начальник канцелярии Министерства императорского двора.

Баттенберг (Battenberg) Александр (1857–1893) — представитель немецкого аристократического рода, болгарский князь в 1879–1886 гг., племянник жены российского императора Александра II Ирины Александровны.

Из стихотворения Георгия Иванова «Смилостивилась погода...» (1957). По предположению Г.И. Мосешвили, возможный источник — стихотворение Иннокентия Анненского «То и Это» (Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 1. С. 617).

Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Полюбуйтесь же вы, дети...» (1830). У Пушкина: «...эти / Те, те, те и те, те, те».

Переписку Г.В. Иванова с заместителем главного редактора Издательства имени Чехова Татьяной Георгиевной Терентьевой, посвященную подготовке и выходу в свет второго издания «Петербургских зим», см. в публикации В. Крейд и В. Крейда «Переписка Георгия Иванова» (Новый журнал. 1996. № 203/204. С. 158–166). Т.Г. Терентьевой была посвящена подборка Иванова «Из стихов 1952 года» (Опыты. 1953. № 1. С. 35–36).

Часть архива Георгия Иванова была продана в 1966 г. библиотеке Йельского университета (Beinecke Rare Book and Manuscript Library). Тогда же библиотека купила архивы Адамовича и самой Одоевцевой.

Сборник стихов Одоевцевой «Одиночество» (Вашингтон: Русская книга, 1965) не был пущен в продажу. Объяснение причин см. в письме 78 в разделе: «“...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда”: Письма Ю.К. Терапиано В.Ф. Маркову (1953–1966)»:

«...Ирине Владимировне сейчас лучше, но у нее много работы, т. к. она должна срочно подготовить к печати «На берегах Невы».

О ее книге — я разумею, Вы пишете об «Одиночестве», объявленном в каталоге магазина Нейманис в Мюнхене, — я ей даже боюсь говорить, чтобы ее не расстраивать напрасно.

Дело в том, что «Одиночество» сверстали так, что местами одно стихотворение превратилось в два, а другие — разорваны на три ставшие самостоятельными части.

По выходе книги И<рина> В<ладимировна> просила Б. Филиппова не пускать эту книгу в продажу, аннулировать ее и уничтожить. Филиппов, очень этим недовольный, принужден был обещать эту книгу уничтожить. (И<рина> В<ладимировна> не послала Вам «О<диночество>», т. к. считает эту книгу не существующей)...

Имеется в виду написанный углем «Портрет Георгия Иванова» (1914) П.В. Митурича, опубликованный среди других работ художника (Аполлон. 1916. № 4/5. С. 2–3, вклейка).

Неточная цитата из монолога Пимена в драме А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825). У Пушкина: «Закончен долг, завещанный от Бога».

Имеются в виду фрагменты воспоминаний А.А. Ахматовой, в которых она несколько раз упоминала Георгия Иванова, назвав «Петербургские зимы» «пикантными мемуарами» и отмечая исключительно вымышленные детали: «Описание файф-о-клока на “Тучке” (Георгий Иванов, “Поэты”) выдуманно от первого до последнего слова. <...> В Варшаву Осип Эмильевич действительно ездил <...> но о попытке самоубийства его, которой сообщает Георгий Иванов, даже Надя не слыхивала, как и о дочке Липочке, которую она якобы родила» (Ахматова А. Мандельштам (Листки из дневника) // Воздушные пути. 1965. № 4. С. 25, 28).

Глебова-Судейкина Ольга Афанасьевна (1885–1945) — актриса, художница, жена художника С.Ю. Судейкина. С 1924 г. в эмиграции. Перед отъездом несколько лет жила в одной квартире с Ахматовой: в 1921–1923 гг. на Фонтанке, д. 18, потом на Фонтанке, д. 2. Подробнее о ней см.: Мок-Бикер Э. «Коломбина десятых годов...»: Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. Париж; СПб.: Изд-во Гржебина: Арсис, 1993. В «Петербургских зимах» Иванов привел рассказ встреченной им в Париже Судейкиной об Ахматовой: «Аня раз шла по Моховой. С мешком. Муку, кажется, несла. Устала, остановилась отдохнуть. Зима. Она одета плохо. Шла мимо какая-то женщина... Подала Ане копейку. — Прими, Христа ради. — Аня эту копейку спрятала за образа. Бережет...» (Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 3. С. 55). Ахматова неоднократно выражала возмущение по поводу «Петербургских зим». Однако ср. у Вейдле: «Показала мне раз копейку, хранимую ею: старушка ей подала на улице, приняв за нищенку» (Вейдле В. О поэтах и поэзии. Париж, 1973. С. 59).

Марков переснял из «Аполлона» и прислал Одоевцевой рисунок П.В. Митурича «Поэты» (1915), напечатанный в одном номере с его же «Портретом Георгия Иванова» (Аполлон. 1916. № 4/5. С. 12–13, вклейка).

В том же номере был напечатан и рисунок П.В. Митурича «О. Мандельштам» (Там же. С. 2–3, вклейка).

Иванов Г. Отплыть на о. Цитеру: Поэзы. Книга первая. СПб.: Эго, 1912.

По всей видимости, Одоевцева хотела написать: Моршену.

Марков В. Русские цитатные поэты: Заметки о поэзии П.А. Вяземского и Георгия Иванова // To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday 11 October 1966. The Hague: Mouton and Co, 1967. Vol.2. P. 1273–1287.

Из стихотворения Георгия Иванова «Эоловой арфой вздыхает
печаль...» (1921).

Марков считал, что «начало ивановской цитатности, пышным цветом расцветшей в последний период, можно более или менее точно датировать. Как ни странно, начало этому кладет ивановская проза — “Распад атома”, написанный в 1937 г.» (Марков В. Русские цитатные поэты: Заметки о поэзии П.А. Вяземского и Георгия Иванова. Р. 1279). Цитатность, однако, присутствует и в ранних стихах Иванова (см. об этом: Крейд В. Петербургский период Георгия Иванова. Tenaflы: Эрмитаж, 1989. С. 41–42), равно как и у многих других участников Цеха поэтов: Мандельштама, Ахматовой, Адамовича.

Кузмин М. Сети: Первая книга стихов. М.: Скорпион, 1908.

Иванов Г. Вереск: Вторая книга стихов. М.;Пг.: Альциона, 1916.

Одоевцева прилетала в США сперва в 1965 г. на переговоры об издании «На берегах Невы», затем в 1968 г. по приглашению факультетов славянских языков и литературы Джорджтаунского и Питсбургского университетов. Останавливалась она оба раза у книготорговца и издателя Виктора Петровича Камкина (1902–1974). Жена Камкина «сначала с некоторой робостью взидала на знаменитую гостью, одетую всегда в голубое со множеством бантиков, приколотых к наряду булавками, но вскоре привыкла и к довольно капризному ее характеру, и к булавкам, коловшим пальцы <...> с удивлением обнаружила, что ей грустно расставаться с этой очаровательной, капризной, кокетливой и действительно талантливой от Бога женщиной» (Пальмова И. След на земле: Страницы жизни Виктора Камкина. М.: Международная книга, 1995. С. 337–339).

Пребывание Одоевцевой в Америке совпало по времени с волнениями в стране на расовой почве. Иван Елагин, со слов Т.П. Фесенко, писал Маркову 22 апреля 1968 г. о том, что «Одоевцева, перепугавшись вашингтонских событий (дом Камкина был в районе восстания), улетела домой» (Собрание Жоржа Шерона).

Терапиано Ю. Два начала в русской современной поэзии: (Тезисы к докладу на собрании Союза молодых поэтов и писателей) // Новый дом. 1926. № 1. С. 21–31.

Злобин В. «Версты» // Там же. С. 35–37.

Некролог Марков не написал.

Зинаида Алексеевна Шаховская (1906–2001) была после смерти С.А. Водова редактором «Русской мысли» (с 1968 по 1978).

Agushi I. The poetry of Georgij Ivanov // Harvard Slavic Studies. 1970.
Vol. 5. P. 109–153.

Из стихотворения Иванова «Все туман. Бреду в тумане я...» (1953).

Из стихотворения Иванова «Все чаще эти объявления...» цикла «Раун де rayonne» (1949).

Богословский Никита Владимирович (1913–2004) — советский композитор, вице- президент общества «СССР — Франция» (с 1965).

Имеется в виду публикация Маркова «Balmont: A Reappraisal A Reappraisal» (Slavic Review. 1969. № 28. P. 221–264).

Одоевцева несколько преувеличивает влияние Адамовича в обоих случаях. Письма К.Д. Бальмонта показывают, что стали публиковать его со скрипом и относиться равнодушно с самого начала эмиграции, с 1920 г., когда никакого Адамовича в Париже еще не было. См. об этом: Константин Бальмонт. Письма к П.Н. Милюкову / Предисл. и публ. О. Коростелева и Ж. Шерона // Новый журнал. 1999. № 214. С. 158–165. Писал Адамович о Бальмонте исключительно ровно, всегда одобрительно, хотя молодых парижских поэтов и предостерегал от искусов «бальмонтовщины». Равно и с Цветаевой все не так просто. Подробнее см.: Марина Цветаева — Георгий Адамович: Хроника противостояния / Предисл., сост. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000.

Кузмин М. Параболы: Стихотворения 1921–1922. Берлин: Петрополис, 1923.

Обобщающие сведения о жизни и творчестве Кузмина см.: Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1995; Богомолов Н.А., Малмстад Д. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

Терапиано с юности увлекался оккультизмом, еще в 1917 г. в Киеве был посвящен в масоны, в эмиграции был членом масонской ложи «Юпитер» в 1930–1932 гг.; написал книгу «Маздеизм: Современные последователи Зороастра» (Париж, 1968), в «Русской мысли» регулярно писал рецензии на оккультные издания.

Марков напечатал несколько статей о М.А. Кузмине, выпустил его «Собрание стихов» в трех томах (München: Wilhelm Fink Verl., 1977–1978), а также двенадцать томов его прозы (Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1984–2000), но отдельной книги о Кузми- не так и не опубликовал.

Сам Иванов писал Маркову об этом же: «Ох, не величайте меня впредь Г. Ивановым! Все-таки я “Георгий Иванов”, а не гражданин или господин Иванов. Все постоянно это делают, и всегда мне неприятно» (Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955–1958 / Mit einer Einl. hrsg. von H. Rothe. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verl., 1994. S. 25).

Из стихотворения Георгия Иванова «Все чаще эти объявления...»
цикла «Rayon de rayonne» (1949).

Имеется в виду стихотворение Георгия Иванова «Портной обновочку утюжит...» цикла «Rayon de rayonne».

В эмиграции К.Д. Бальмонт подолгу жил в Капбретоне на Атлантическом побережье и в предместьях Парижа.

В своих мемуарах Одоевцева рассказывает об этом очень подробно:
Одоевцева И. На берегах Сены. М.: Худож. лит., 1989.

Адамович провел в Америке более двух месяцев — с конца октября 1971 по 5 января 1972 г. — выступал перед университетскими аудиториями в Нью-Йорке, Кембридже, Нью-Хейвене и Вашингтоне и планировал посетить Западное побережье США, но врачи не позволили. Его путешествие широко освещалось в эмигрантской прессе, в частности, см.: Г.В. Адамович едет в Нью-Йорк // Новое русское слово. 1971. 4 октября. № 22392. С. 3; Приезд Г.В. Адамовича // Там же. 27 октября. № 22415. С. 3; Иваск Ю. Г.В. Адамович в Нью-Йорке // Там же. 29 октября. № 22417. С. 3; Единственное выступление Г.В. Адамовича в Нью-Йорке // Там же. 17 ноября. № 22436. С. 3; Георгий Адамович в Ейльском университете // Там же. 18 ноября. № 22437. С. 3; Самарин В. Один час в России // Там же. 19 ноября. № 22438. С. 3; Седых А. <Цвибак Я.М.>. Г.В. Адамович: Вступительное слово, произнесенное на вечере Г.В. Адамовича в Нью-Йоркском университете 20 ноября 1971 года // Там же. 22 ноября. № 22441. С. 3; Завалишин Вяч. Встреча с Георгием Адамовичем // 24 ноября. № 22443. С. 3; Выступление Г.В. Адамовича // Там же. 1 декабря. № 22450. С. 3; Георгий Адамович в Колумбийском университете // Там же. 11 декабря. № 22460. С. 3; Найденов А. На докладе Георгия Адамовича // Русская мысль. 1971. 23 декабря. № 2874. С. 10; Г.В. Адамович вернулся в Париж // Новое русское слово. 1972. 5 января. № 22485. С. 3. Д.И. Кленовский считал, что американское турне ускорило смерть Адамовича, и писал 27 февраля 1972 г. архиепископу Иоанну: «Думаю, что ему повредила поездка в США... Я слышал, что он нередко выступал полубольной, пересиливая себя, а некоторые его вечера были даже отменены по нездоровью. Это было, конечно, очень неблагоприятно» (Иоанн Шаховской, архиеп. Переписка с Кленовским / Ред. Р. Герра. Париж, 1981. С. 274).

Кругликова Елизавета Сергеевна (1865–1941) — художник-график, наибольшую известность в литературном мире получили ее силуэты русских писателей.

Адамович скончался в Ницце 21 февраля 1972 г.

Б.К. Зайцев скончался в Париже 26 января 1972 г.

Строку «На роковой стою очереди» из стихотворения Ф.И. Тютчева «Брат, столько лет сопутствовавший мне...» (1870) Одоевцева взяла эпиграфом к написанному после смерти Георгия Иванова и посвященному Адамовичу стихотворению «Верной дружбе глубокий поклон...» (Новый журнал. 1958. № 55. С. 103).

Markov V. Georgy Ivanov: Nihilist as Light-Bearer // TriQuarterly. 1973.
№ 37. P. 139–163.

Одоевцева И. Златая цепь: Стихи. Париж: Рифма, 1975.

Об истории с Родни Л. Паттерсоном и портретом Георгия Иванова см. письма 80 и 81 в разделе: «“...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда”: Письма Ю.К. Терапиано В.Ф. Маркову (1953–1966)». Письмо Одоевцевой Маркову об этом не сохранилось.

Markov V. Georgy Ivanov: Nihilist as Light-Bearer // TriQuarterly. 1973.
№ 37. P. 139–163.

Марков В. Слоговые близнецы в русских стихах // Russian Linguistics. 1974. № 1. Р. 107–121.